

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

19 2026
ЧАСТЬ IX

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 19 (622) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен Жан Пиаже (1896–1980), швейцарский психолог и философ.

Жан Пиаже родился в швейцарском Невшателе. Его отец, Артур Пиаже, был профессором средневековой литературы.

Жан очень рано проявил себя как одаренный ребенок. В подростковом возрасте Пиаже интересовался малакологией — разделом зоологии, изучающем моллюсков. Под руководством малаколога Поля Годе, директора Музея естественной истории в Невшателе, Жан Пиаже к моменту окончания школы опубликовал множество статей в специализированных журналах. После школы молодой человек продолжил изучать естественные науки в университете Невшателя, где впоследствии защитил докторскую диссертацию. Поворотным моментом для Жана стал семестр в Цюрихском университете, где он учился у основоположника аналитической психологии Карла Юнга и психиатра Эйгена Блейлера. Именно эти ученые пробудили в нем интерес к психоанализу. В 1919 году Пиаже покинул Швейцарию и переехал во Францию, начав обучение в Сорбонне.

В Париже Жан Пиаже год работал в школе для мальчиков, открытой французским психологом Альфредом Бине, известным как соавтор IQ-тестов. В школе Пиаже стандартизировал тест на интеллект, разработанный британским психологом Сирилом Бертом, адаптировал его для французских детей и начал проводить свои первые экспериментальные исследования детского мышления.

Когда Пиаже стал публиковать результаты своих психометрических экспериментов, его успехи заметили на родине. В 1921 году он вернулся в Женеву, где возглавил Институт Руссо — центр экспериментальных исследований в области детской психологии и образования, основанный неврологом и психологом Эдуардом Клапаредом. Там Пиаже продолжил свои исследования и по их результатам опубликовал в 1923 году один из своих главных трудов — «Речь и мышление ребенка».

Ключевой идеей Пиаже этого периода стало то, что маленьким детям свойственен эгоцентризм, то есть ребенок не понимает, что существуют другие точки зрения (как в прямом, так и в переносном смысле), отличные от его собственной. Эгоцентричность, согласно наблюдениям Пиаже, проявляется и в речи дошкольников, которые часто разговаривают сами с собой, а не с окружающими. Однако, взаимодействуя со сверстниками, сотрудничая и конфликтуя с ними, ребенок учится воспринимать разные точки зрения и постепенно формирует социализированное мышление. В более или менее оформленном виде оно утверждается к 12 годам.

В 1923 году Жан Пиаже женился на Валентин Шатенау. У пары родилось трое детей, и свое отцовство Пиаже тоже превратил в основательное исследование, внимательно на-

блюдая за когнитивным развитием собственных детей. Эти наблюдения легли в основу его теории адаптации, разработанной в 1930-х годах, и книги «Истоки мышления у детей», изданной в 1936 году.

В этот период своих исследований Жан Пиаже сфокусировался уже не на речи, а на том, как маленькие дети взаимодействуют с объектами окружающей среды.

С конца 1930-х годов Пиаже стал изучать, как дети выполняют логические операции, устанавливают причинно-следственные связи, определяют отношения «часть — целое» и так далее. На основе этих экспериментов и своих предыдущих наработок Пиаже пришел к выводу, что на каждой стадии развития ребенок конструирует определенные представления о реальности, соответствующие его возрасту. По мере взросления он воссоздает эти представления заново, уже на более сложном уровне, и таким образом переходит на следующий этап развития. Именно в этот период исследований Пиаже сформулировал суть своей теории четырех этапов когнитивного развития, которая стала классической. Эту теорию он изложил в книге «Психология интеллекта», впервые опубликованной в 1947 году.

Покинув пост директора Института Руссо в 1925 году, Жан Пиаже впоследствии занимал множество престижных постов. Но главным итогом организаторской деятельности Пиаже стал Международный центр генетической эпистемологии в Женеве, основанный им в 1955 году. Ученый руководил им бессменно до самой смерти. Генетическая эпистемология изучает происхождение, структуру и развитие знания на уровне отдельного человека и целых культур.

Вклад Пиаже в науку был отмечен высшими международными наградами. В 1972 году он стал лауреатом премии Эразма за вклад в европейскую культуру, а в 1979 году получил престижную премию Бальцана за работы в области социальных и политических наук. Отдельно стоит сказать об академическом авторитете Пиаже: ведущие университеты мира, включая Гарвард, Кембридж, Йель и Сорбонну, присвоили ему более 30 почетных докторских степеней (Honoris Causa). А в 1969 году Пиаже стал первым европейцем, получившим награду «За выдающийся научный вклад» от Американской психологической ассоциации (APA), что для того времени было редчайшим событием.

Жан Пиаже ушел из жизни в 1980 году и был похоронен в Женеве. О нем и его идеях написано множество книг, среди которых выделяются «Беседы с Жаном Пиаже» Жан-Клода Брингье и «Жан Пиаже, человек и его идеи» Ричарда Эванса. Сам ученый также оставил автобиографию, опубликованную в 1952 году.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ПСИХОЛОГИЯ

Филатова Е. С.

Влияние родительской семьи на динамику супружеских отношений: механизмы, формы и подходы в семейном консультировании..... 631

Царькова А. Ю.

Самооценка и уровень тревожности молодых женщин в контексте использования социальных сетей 633

Чумичева О. Б.

Взаимосвязь особенностей привязанности и родительского отношения в семье с удовлетворенностью браком 635

Шабурян Э. Р.

Личностные предикторы виктимологической устойчивости подростков в образовательной среде школы..... 639

Шальнева Т. С.

Качественные методы исследования молчания клиента в гештальт-терапии: методологическое обоснование 644

Шамарова В. В.

Профилактика асоциальных форм поведения в младшем школьном возрасте..... 646

Шестакова В. А.

Теоретический анализ потенциала арт-терапии в работе с созависимыми женщинами 648

Шумский М. Р.

Эпигенетическое редактирование как профилактическая стратегия: этические, правовые и научные аспекты вмешательства в механизмы трансгенерационной передачи травмы 653

СОЦИОЛОГИЯ

Комарницкая А. С.

Социальное служение как высшая форма проявления просоциальной направленности личности специалиста по социальной работе..... 657

Копцова Е. В.

Социальные детерминанты наркотизма: бедность, безработица и социальная изоляция 659

Paikova K. O., Roganina S. D.

The influence of professional sports on students' motivation and academic performance..... 661

Салимова С. Д.

Проблемы и перспективы реализации прав женщин в исламских государствах 667

Селезнев П. С.

Эмпирическое изучение политических установок глухих граждан: методы и подходы 671

Сукач Ю. С.

Укрепление традиционных ценностей как инструмент сохранения единства русского народа 675

ФИЛОЛОГИЯ, ЛИНГВИСТИКА

Ващенко М. Ю.

Гротескное отражение ономастической повседневности в цикле очерков «Помпадур и помпадурши» М. Е. Салтыкова-Щедрина..... 678

Геберлейн А. А., Трошкова Ю. В.

Особенности перевода экспрессивной лексики на материале романа Тома Вулфа «Костры амбиций» 682

Дэн Цзын

Прототип ницшеанского сверхчеловека в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» и его отражение в современной культуре..... 684

Мухамадеев К. С.

Эволюция механизмов трансформации британского культурного кода на примере произведений жанра фэнтези..... 686

Полякова Д. В.

Ложные друзья переводчика
и терминологические лакуны
в терминологии аккредитации органов
по оценке соответствия на русском,
английском и испанском языках..... 689

Прощеева А. В.

Трансформация лексического состава речи
в условиях цифровой коммуникации 693

Румянцева Д. И.

Национально-культурные особенности
немецкой фразеологии в немецком языке
Австрии 695

Савина И. С.

Средства языковой репрезентации
мифологических образов в художественной
литературе (по материалу романа Геновевы
Димовы «Темные дни»)..... 699

Трофимова А. Е.

Ассимиляция заимствований в современном
немецком языке 701

Трошкова Ю. В., Геберлейн А. А.

Приемы культурной адаптации
в религиозном дискурсе на материале
книги К. С. Льюиса «Размышления
о псалмах» 703

Шадыева Ш. Б.

Ономастическое пространство романа
«Обломов»: от «обломка» к «обломовщине»... 706

ПСИХОЛОГИЯ

Влияние родительской семьи на динамику супружеских отношений: механизмы, формы и подходы в семейном консультировании

Филатова Елена Сергеевна, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

Статья посвящена исследованию влияния родительской семьи на формирование и развитие супружеских отношений. Авторы анализируют теоретические подходы и эмпирические данные, касающиеся роли родительской семьи в формировании поведенческих паттернов, эмоциональных реакций и коммуникационных стратегий, которые проявляются в супружеских отношениях. Описываются основные механизмы и формы влияния родительской семьи, а также рассматриваются современные подходы к работе с этими факторами в семейном консультировании.

Введение

Семьи играют центральную роль в формировании личности и являются первым пространством, в котором человек усваивает базовые представления о взаимоотношениях, взаимодействии и принятии решений. Установлено, что детские переживания и опыт, приобретенный в родительской семье, оказывают длительное воздействие на будущее взрослого человека, в частности, на выбор партнера, поведение в браке и способность налаживать и поддерживать отношения.

Хотя многочисленные исследования подтвердили существование сильной связи между типом родительской семьи и качеством последующих отношений, вопрос о силе и механизме этого влияния остается открытым. Настоящая статья посвящена анализу механизмов и форм влияния родительской семьи на динамику супружеских отношений, а также рассмотрению путей работы с ними в рамках семейного консультирования.

1. Механизмы влияния родительской семьи на супружеские отношения

Опыт, полученный в родительской семье, оказывает мощное влияние на развитие личности и дальнейшую жизнь человека. Выделяют три основных механизма влияния родительской семьи на развитие супружеских отношений:

— Модели поведения и общения. Дети имитируют модели поведения и общения, характерные для их родителей. Если родители демонстрируют уважение, любовь и взаимопонимание, ребенок перенимает эти ценности и развивает аналогичные качества в собственных отноше-

ниях. Обратная сторона медали — дети, выросшие в атмосфере насилия, недоверия и хаоса, часто переносят подобные модели в собственные семьи.

— Внутренние убеждения и ценности. Опыт, полученный в родительской семье, формирует внутренние убеждения и ценности, которые могут оказывать серьезное влияние на отношения. Например, дети, видевшие постоянные конфликты между родителями, могут считать конфликты неизбежной частью отношений и относиться к ним спокойно или даже приветствовать их, что сказывается на выборе партнера и стиле общения.

— Формы привязанности. Прочная и надежная привязанность, созданная в детстве, позволяет легче формировать близость и поддерживать хорошие отношения в браке. Недостаточно развитая привязанность может вызвать сложности в отношениях, например, трудности в сближении, сомнения в искренности партнера или стремление избегать обязательств.

2. Современные исследования влияния родительской семьи на супружеские отношения

Многочисленные исследования показывают, что опыт, полученный в родительской семье, существенно влияет на отношения во взрослом возрасте. Одно из крупных исследований показало, что дети, выросшие в семье с высокими показателями теплоты и взаимопонимания, имели лучшие показатели в романтических отношениях и реже сталкивались с депрессиями и тревожностью.

Другие исследования выявили, что негативные факторы, такие как нестабильность родительской семьи, жестокое обращение или конфликты между родителями, ассоциированы с повышенным риском развития рас-

стройств личности, сложностями в управлении эмоциями и отсутствием навыков урегулирования конфликтов. Люди, пережившие подобные ситуации, часто вступают в разрушительные отношения или страдают от низкой самооценки, что негативно сказывается на отношениях с партнером.

3. Работа с влиянием родительской семьи в консультировании

Помощь семьям, имеющим проблемы, связанные с негативным влиянием родительской семьи, предполагает проведение комплексной психологической работы. Основной целью консультирования является облегчение идентификации и переработки негативных эмоций и установок, которые могли возникнуть в результате негативного опыта детства.

Основные направления работы включают:

- Проработку травматического опыта детства. Работа с воспоминаниями, ассоциациями и чувствами, направленными на снижение интенсивности негативных эмоций и замену автоматических реакций на конструктивное поведение.

- Улучшение коммуникативных навыков. Обучение навыкам ясного выражения чувств и желаний, развитие умения договариваться и управлять конфликтами.

- Формирование новых поведенческих моделей. Пациентам предлагается научиться новому поведению, отделенному от прежних негативных установок и воспоминаний.

- Коррекцию семейных сценариев. Психотерапевты помогают пациентам осознать повторяющиеся семейные сценарии и освободить себя от их автоматического следования.

Важно отметить, что эффективное консультирование должно проводиться профессионалами, обладающими необходимыми навыками и опытом работы с подобными случаями.

Литература:

1. Боулби Дж. Создание и разрушение эмоциональных связей. — М.: Академический проект, 2004. — 232 с.
2. Боуэн М. Теория семейных систем Мюррея Боуэна. — М.: Когито-Центр, 2005. — 496 с.
3. Варга А. Я. Системная семейная психотерапия: Краткий лекционный курс. — СПб.: Речь, 2001. — 144 с.
4. Фромм Э. Искусство любить. — М.: АСТ, 2014. — 224 с.
5. Харитонов А. Н. Психология семейных кризисов. — М.: Речь, 2008. — 320 с.

4. Результаты и обсуждение

Эмпирические исследования подтверждают значительную роль родительской семьи в формировании и развитии супружеских отношений. Наличие положительного опыта в родительской семье положительно связано с успехом в отношениях, тогда как негативные переживания в детстве часто провоцируют трудности в отношениях.

Конкретные результаты исследований указывают на то, что проработанный опыт детства и правильное консультирование могут существенно облегчить развитие гармоничных отношений и сократить число проблем, связанных с неправильным выбором партнера или неумелым управлением конфликтами.

Стоит обратить внимание на ограничение данного исследования: оно носит преимущественно качественный характер и ограничено небольшим количеством обследуемых. Дальнейшее расширение выборки и проведение лонгитудных исследований могло бы пролить свет на продолжительность эффекта и точные механизмы воздействия.

Заключение

Исследование показывает, что влияние родительской семьи на динамику супружеских отношений действительно велико. Однако это влияние не фатально, а повод для серьезной рефлексии и психологической работы. Грамотно организованное консультирование способно помочь людям освободиться от вредных установок и перейти к здоровым отношениям.

Детям, выросшим в неблагоприятных условиях, доступна возможность перестройки собственных моделей поведения и обретения способности к счастью и здоровью в отношениях. Важно помнить, что правильные стратегии взаимодействия и качественное консультирование способны существенно уменьшить негативное влияние родительской семьи и повысить шансы на удачный выбор партнера и счастливую семейную жизнь.

Самооценка и уровень тревожности молодых женщин в контексте использования социальных сетей

Царькова Анастасия Юрьевна, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

В статье рассматривается взаимосвязь самооценки и уровня тревожности молодых женщин в контексте использования социальных сетей. Анализируются психологические механизмы влияния цифровой среды, включая социальное сравнение и зависимость от внешней оценки. Обоснована актуальность исследования и представлен дизайн эмпирического изучения проблемы. Показано, что особенности использования социальных сетей могут выступать фактором, влияющим на самооценку и эмоциональное состояние личности.

Введение

В условиях цифровизации современного общества социальные сети становятся значимым фактором, влияющим на процессы самовосприятия и эмоционального функционирования личности. Для молодых женщин цифровая среда выступает пространством социальной оценки, самопрезентации и межличностного взаимодействия, что усиливает значимость внешнего одобрения и механизмов социального сравнения. В связи с этим возрастает интерес к анализу психологических характеристик, наиболее чувствительных к условиям онлайн-коммуникации, прежде всего самооценки и тревожности.

Современные исследования указывают на противоречивый характер влияния социальных сетей: с одной стороны, они расширяют возможности социальной поддержки, с другой — способствуют формированию неустойчивой самооценки и росту тревожных переживаний. При этом недостаточно изученным остаётся вопрос о том, каким образом характер и интенсивность использования социальных сетей опосредуют взаимосвязь самооценки и тревожности, особенно в группе молодых женщин, характеризующихся повышенной чувствительностью к социальной оценке.

Цель исследования — теоретически обосновать и разработать модель изучения взаимосвязи самооценки и уровня тревожности молодых женщин в зависимости от особенностей использования социальных сетей.

Самооценка в современной психологической науке рассматривается как ключевой компонент самосознания личности, отражающий отношение человека к самому себе, собственным качествам и социальной значимости. Её формирование носит социально обусловленный характер и осуществляется в процессе взаимодействия с окружающими, через интериоризацию оценок значимых других и сопоставление собственного «Я» с социальными ожиданиями и нормами. В этом контексте самооценка выступает не только как когнитивная характеристика, но и как регулятор поведения, определяющий уровень притязаний, стратегии деятельности и эмоциональное реагирование.

Важной особенностью самооценки является её чувствительность к условиям социальной оценки. В ситуациях, где внешняя обратная связь приобретает повышенную значимость, самооценка может становиться

менее устойчивой и более зависимой от реакции окружающих. Подобная зависимость особенно выражена в молодом возрасте, характеризующемся активным формированием идентичности и высокой значимостью межличностных отношений. В этих условиях самооценка нередко приобретает ситуативный характер и подвержена колебаниям в зависимости от социального контекста.

Тревожность, в свою очередь, рассматривается как эмоциональное состояние и личностная характеристика, отражающая склонность к переживанию напряжения, неопределённости и ожидания негативной оценки. В отличие от ситуативной тревоги, возникающей в конкретных условиях, личностная тревожность характеризуется устойчивостью и проявляется в широком спектре социальных ситуаций. Важным фактором её формирования выступает оценка собственной способности справиться с требованиями среды, что делает тревожность тесно связанной с особенностями самовосприятия и уровнем самооценки.

В научной литературе подчёркивается, что неустойчивая или заниженная самооценка способствует усилению тревожных переживаний, поскольку внешняя оценка приобретает для личности повышенную значимость. В подобных условиях возрастает чувствительность к социальным сигналам, ожидание негативной реакции и склонность к когнитивным искажениям, связанным с интерпретацией социальной информации. Таким образом, самооценка и тревожность формируют взаимосвязанную систему, в рамках которой изменения одной характеристики отражаются на другой.

Особую значимость данная взаимосвязь приобретает в условиях цифровой среды, прежде всего социальных сетей, которые представляют собой специфическое пространство социального взаимодействия. Социальные сети характеризуются публичностью, постоянной доступностью и высокой насыщенностью социальной информацией, что усиливает процессы социальной оценки и сравнения. В отличие от традиционного общения, в цифровой среде обратная связь приобретает количественную форму, выражаясь в лайках, комментариях и других показателях вовлечённости, что делает её более наглядной и значимой для пользователя.

Одним из ключевых механизмов влияния социальных сетей на самооценку и тревожность является социальное

сравнение. Постоянное сопоставление себя с другими пользователями, демонстрирующими преимущественно позитивные и идеализированные аспекты своей жизни, может приводить к формированию ощущения несоответствия и снижению удовлетворённости собой. При этом пассивное потребление контента усиливает данный эффект, поскольку не сопровождается компенсирующим опытом позитивного взаимодействия.

Дополнительным фактором, усиливающим тревожность, выступает ожидание социальной реакции. Публикация контента и участие в онлайн-коммуникации сопровождаются ориентированностью на возможную оценку со стороны других пользователей, что формирует состояние постоянной эмоциональной напряжённости. В условиях публичности цифрового взаимодействия даже отсутствие ожидаемого одобрения может восприниматься как негативный сигнал, влияющий на самовосприятие и эмоциональное состояние личности.

Особую роль играет феномен страха упущенных возможностей (FOMO), связанный с постоянным доступом к информации о жизни других людей. Данный феномен усиливает переживание социальной исключённости и способствует формированию устойчивого тревожного фона. В сочетании с механизмами социального сравнения это создаёт условия для снижения самооценки и усиления эмоциональной нестабильности.

Следует отметить, что влияние социальных сетей на психологическое состояние личности носит дифференцированный характер и зависит от особенностей их использования. Активное взаимодействие, связанное с коммуникацией и самовыражением, может оказывать менее выраженное негативное влияние по сравнению с пассивным наблюдением, усиливающим процессы сравнения и зависимость от внешней оценки.

Таким образом, теоретический анализ позволяет рассматривать социальные сети как значимый фактор, опосредующий взаимосвязь самооценки и тревожности. Особенности цифровой среды усиливают значимость социальной оценки, повышают чувствительность самооценки и создают условия для формирования устойчивых тревожных переживаний, что делает данную проблему актуальной для дальнейшего эмпирического исследования.

В рамках настоящего исследования разработан дизайн эмпирического изучения взаимосвязи самооценки и уровня тревожности молодых женщин в контексте использования социальных сетей. Выборка планируемого исследования включает 120 женщин в возрасте от 18 до 45 лет, различающихся по уровню вовлечённости в цифровую среду и социально-демографическим характеристикам.

В качестве диагностических инструментов предполагается использование шкалы самооценки Розенберга, позволяющей оценить общий уровень самопринятия и самоуважения, а также методики диагностики тревожности Ч. Д. Спилбергера — Ю. Л. Ханина, направленной на выявление как ситуативной, так и личностной тревожности. Дополнительно планируется применение анкети-

рования, направленного на фиксацию особенностей использования социальных сетей, включая интенсивность цифровой активности, характер взаимодействия (активное или пассивное использование), склонность к социальному сравнению и наличие негативного опыта онлайн-коммуникации.

В рамках исследования выделяются независимые переменные, связанные с характеристиками цифрового поведения, и зависимые переменные, отражающие уровень самооценки и тревожности. Дополнительные социально-демографические показатели рассматриваются в качестве контрольных переменных, позволяющих уточнить влияние основных факторов.

Для анализа данных планируется использование методов математической статистики, включая корреляционный анализ, t-критерий Стьюдента, дисперсионный анализ и множественную линейную регрессию. Применение данных методов позволит выявить характер взаимосвязей между изучаемыми переменными и оценить вклад различных факторов цифровой активности в формирование психологического состояния личности.

Проведённый теоретический анализ позволяет предположить наличие статистически значимых взаимосвязей между особенностями использования социальных сетей и показателями самооценки и тревожности. Ожидается, что высокая интенсивность цифровой активности, особенно в сочетании с пассивным потреблением контента, будет ассоциирована с повышенным уровнем тревожности и снижением самооценки.

Предполагается, что склонность к социальному сравнению будет выступать одним из ключевых психологических механизмов, опосредующих влияние социальных сетей на самовосприятие личности. Регулярное сопоставление себя с другими пользователями, демонстрирующими преимущественно позитивные аспекты жизни, может способствовать формированию неустойчивой самооценки и усилению негативных эмоциональных переживаний.

Дополнительно ожидается, что использование визуально ориентированных платформ будет связано с более выраженными колебаниями самооценки и повышенным уровнем тревожности по сравнению с текстовыми форматами коммуникации. Негативный опыт онлайн-взаимодействия, включая критику, игнорирование или отсутствие ожидаемой реакции, может усиливать эмоциональную уязвимость и способствовать формированию устойчивого тревожного фона.

Полученные теоретические положения позволяют рассматривать социальные сети как значимый фактор, влияющий на психологическое функционирование личности через механизмы социальной оценки и сравнения. Предполагаемые результаты согласуются с современными научными представлениями о зависимости эмоционального состояния от внешней обратной связи и подтверждают значимость цифровой среды как пространства формирования самовосприятия.

Особое внимание следует уделить роли субъективной значимости социальной оценки, которая выступает ключевым звеном в формировании взаимосвязи между самооценкой и тревожностью. В условиях цифровой среды данная значимость усиливается за счёт публичности взаимодействия и количественной фиксации реакции, что делает эмоциональное состояние личности более зависимым от внешних факторов.

Рассматриваемые механизмы позволяют уточнить представления о психологических рисках, связанных с использованием социальных сетей, и обозначить направления профилактики эмоционального неблагополучия, включая развитие устойчивой самооценки и формирование критического отношения к цифровому контенту.

Проведённый теоретико-методологический анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Самооценка и тревожность представляют собой взаимосвязанные психологические характеристики, чувствительные к условиям социальной оценки и особенностям самовосприятия личности.

2. Социальные сети выступают специфической социальной средой, усиливающей механизмы социального сравнения и зависимости от внешней оценки.

3. Особенности цифрового взаимодействия способствуют снижению устойчивости самооценки и формированию тревожных переживаний.

4. Наиболее уязвимой группой в данном контексте являются молодые женщины, характеризующиеся высокой чувствительностью к социальной обратной связи.

5. Разработанный дизайн исследования создаёт основу для дальнейшего эмпирического анализа взаимосвязи самооценки и тревожности в условиях цифровой среды.

Литература:

1. Андреева, Г. М. Социальная психология: учебник для вузов / Г. М. Андреева. — 5-е изд., испр. и доп. — М.: Аспект Пресс, 2018. — 448 с. — Текст: непосредственный.
2. Божович, Л. И. Личность и её формирование в детском возрасте / Л. И. Божович. — М.: Педагогика, 1968. — 464 с. — Текст: непосредственный.
3. Кон, И. С. В поисках себя: личность и её самосознание / И. С. Кон. — М.: Политиздат, 1984. — 335 с. — Текст: непосредственный.
4. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. — СПб: Питер, 2015. — 713 с. — Текст: непосредственный.
5. Шейнов, В. П. Зависимость от социальных сетей и характеристики личности: обзор исследований / В. П. Шейнов. — Текст: непосредственный // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. — 2021. — № 3. — С. 607–630.
6. Bandura, A. Self-efficacy: The exercise of control / A. Bandura. — New York: W. H. Freeman, 1997. — 604 с. — Текст: непосредственный.
7. Festinger, L. A theory of social comparison processes / L. Festinger. — Текст: непосредственный // Human Relations. — 1954. — № 2. — С. 117–140.
8. Verduyn P., Ybarra O., Résibois M., Jonides J., Kross E. Do social network sites enhance or undermine well-being? A critical review // Journal of Experimental Social Psychology. — 2017. — Vol. 71. — P. 19–28.

Взаимосвязь особенностей привязанности и родительского отношения в семье с удовлетворенностью браком

Чумичева Оксана Борисовна, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

В статье рассматривается удовлетворенность браком как комплексный феномен, связанный с личностными, социальными и семейными факторами. Особое внимание уделяется стилю привязанности супругов и родительскому отношению после рождения ребенка как факторам, связанным с эмоциональной близостью, поддержкой, распределением ролей и устойчивостью брачных отношений.

Ключевые слова: привязанность, родительское отношение, удовлетворенность браком, супружеские отношения, семейная система, психологический климат семьи, семейные роли.

В настоящее время изучение семьи и брака с точки зрения психологии приобретает особую актуальность в связи с изменением культурных и нравственных ориен-

тиров, возрастанием роли традиционных семейных ценностей при необходимости их сохранения и укрепления в современном контексте, ростом числа разводов и рас-

пространением новых моделей построения партнерских отношений. В таких условиях одной из значимых задач психологов-практиков и психологов-исследователей становится исследование факторов, влияющих на устойчивость брака, удовлетворенность супружескими отношениями и способность семьи преодолевать кризисные периоды, а также разрабатывать новые и эффективные в работе с современными супругами методы и интервенции помощи в ситуациях неудовлетворенности брачными и семейными отношениями.

Если на ранних этапах изучения психологических аспектов брака внимание исследователей было преимущественно направлено на причины его дестабилизации, то в современных исследованиях все чаще можно встретить анализ условий семейного благополучия, то есть прослеживается значимый переход от «не разрушить» к «сохранить», что с практической точки зрения является гораздо более эффективной моделью решения проблем, связанных с супружеской жизнью.

Одним из центральных показателей качества супружеских отношений является феномен удовлетворенности браком. Наиболее значимый исследователь данного феномена, С. И. Голод предложил рассматривать его как отражение успешности брака [5], поскольку удовлетворенность браком характеризует субъективную оценку супругами своих отношений, степень эмоциональной близости, согласованности ожиданий от брака и степень удовлетворенности потребностей друг друга.

Одним из существенных факторов супружеского благополучия является стиль привязанности партнеров. Теория привязанности, первоначально разработанная Дж. Боулби для объяснения особенностей поведения в детско-родительских отношениях получила развитие в исследованиях М. Эйнсворт, С. Хазан, Ф. Шейвера и др. [3] и стала применяться к анализу стиля поведения человека в близких взаимоотношениях, так как была показательна с точки зрения выбора различных стратегий, определяющих развитие взаимоотношений: степень и характер эмоциональной близости, проявление доверия, способы реагирования на конфликты и устойчивость партнерского взаимодействия.

Не менее значимым фактором, влияющим на удовлетворенность супругов браком, является рождение ребенка. Данный период сопровождается семейным кризисом, который возникает вследствие необходимости принятия новых ролей, перераспределения обязанностей, изменения привычных взаимодействий между супругами, необходимости согласования воспитательных позиций и, в целом, реорганизации семейной системы. Исходя из этого, анализ влияния детско-родительских отношений на удовлетворенность браком позволяет глубже понять механизмы семейного благополучия в перспективе, а не только на начальных этапах построения межличностных отношений.

Таким образом, рассмотрение удовлетворенности браком в связи с особенностями привязанности супругов и детско-

родительскими отношениями позволяет продолжить современную заданную рамку изучения понимания механизмов сохранения семьи и повышения удовлетворенности системнообразующего ее фактора — супружеской пары.

Поскольку удовлетворенность браком выступает одним из ключевых показателей качества и устойчивости супружеских отношений, семьи, необходимо рассмотреть содержание данного феномена и основные факторы, влияющие на его формирование. Собственно удовлетворенность в психологическом слове определяется как состояние удовлетворения, благополучия, достигаемое человеком при достижении поставленной цели, закрытии потребностей [10]. В контексте семейной психологии, удовлетворенность браком рассматривается как субъективная оценка супругами качества своих отношений, степени эмоциональной близости и благополучия, совпадения притязаний, потребностей и ролей. Это понятие часто соотносится со стабильностью, успешностью и переживанием счастья в браке, однако отечественными исследователями подчеркивается прежде всего его психологическое содержание [1].

Брачные отношения понимаются как социально признанная и одобряемая форма взаимодействия мужчины и женщины, наделяющая их супружескими правами и обязанностями [7]. И. Н. Обозов определяет такие отношения как взаимосвязь супругов, включающую эмоциональную привязанность, интимно-сексуальное взаимодействие, совместный быт, взаимопомощь и ориентацию на расширение семьи [9]. Следовательно, удовлетворенность браком формируется не только за счет появления формального статуса, но прежде всего за счет особенностей эмоционального, бытового, ценностного и ролевого взаимодействия супругов.

В качестве базовых значимых факторов удовлетворенности браком различные исследователи выделяют такие группы факторов как добрачные (особенности поведения, мировоззрения, личностных качеств, сформированных до вступления в брак, проявляющиеся в добрачный период), социально-экономические (отражают непосредственную социально-экономическую эффективность семьи как участника экономических отношений и являющейся общественной единицей) и личностно-партнерские (индивидуально-психологические факторы и особенности стилей взаимоотношений, а также их сочетание) [19].

Конкретизировать такие факторы можно следующим образом: психологический климат в семье (доверие, эмоциональная поддержка, уважение, способность эффективно разрешать конфликты, заботу, а также готовность совместно преодолевать возникающие трудности [4; 8]), согласованность семейных ролей (особенности проявления и сочетания ролей внутри пары и распределение обязанностей, ответственности), совместимость ценностей (совпадение ключевых точек мировоззрения и личностной философии супругов), качество интимной жизни (готовность обсуждать интимные отношения, присутствие активного согласия и способности своевременно

замечать и разрешать проблемы, в том числе связанные с интимным здоровьем), отношение к рождению и воспитанию детей, материальное положение (в том числе профессиональная реализация), характер взаимодействия с родственниками [5; 11; 12], длительность брака, развитые коммуникативные навыки, способность к удовлетворению своих потребностей, потребностей партнера и потребностей семьи [8].

Таким образом, рассмотренные выше факторы удовлетворенности браком показывают, что качество супружеских отношений определяется не только внешними условиями (климат, материальное положение, длительность брака отношения супругов с другими людьми как пары и др.), но и устойчивыми личностными особенностями партнеров (однако, сама формулировка позволяет задуматься о содержании таких особенностей и современные исследования не до конца раскрывают эту группу факторов). В качестве одного из личностных факторов можно рассматривать стиль привязанности, поскольку он влияет на способность взрослого человека выстраивать близость, проявлять доверие, регулировать тревогу за будущее и корректно реагировать на угрозы отношениям.

Теория привязанности была разработана Дж. Боулби на основе изучения эмоциональной связи ребенка со значимым взрослым. Согласно данной теории, ранний опыт взаимодействия с матерью или другим заботящимся взрослым формирует внутреннее представление ребенка о себе как субъекте отношений, других людях как способных к заботе и человеческому отношению, а также о смысле и виде близких отношений, что в дальнейшем влияет на способы, цели и последствия выстраивания взаимоотношений с другими людьми [3]; иначе говоря, в отношениях со значимым взрослым, первоначально внутри семьи, у ребенка формируется картина способов построения отношений с другими людьми. Привязанность сейчас понимается как континуум в рамках четырехчастной модели К. Бартольмью и Л. Горловица: надежная, тревожная, избегающая и амбивалентная [6].

В дальнейшем теория привязанности стала применяться к изучению романтических отношений взрослых. С. Хазан и Ф. Шейвер выявили, что поведение взрослых людей в романтических отношениях имеет сходство с детскими паттернами привязанности [6]. В супружеской паре стиль привязанности влияет на переживание ревности, реакцию на конфликты и риск измен. Тревожная привязанность связана с более интенсивной ревностью и снижением доверия к партнеру [6; 21], а избегающая — с эмоциональным отстранением и меньшей ориентацией на сохранение отношений («отдалиться, чтобы не чувствовать боль при разрыве» [18]. Исследования также показывают, что ненадежная привязанность повышает риск неверности, измен: при тревожном типе измена возникает как способ найти эмоциональное удовлетворение, ощутить яркие эмоциональные переживания от связи, а при избегающем — как способ справиться с сильными или неприятными эмоциями [24; 15].

Таким образом, стиль привязанности может рассматриваться как один из значимых личностно-социальных факторов удовлетворенности браком, поскольку он определяет особенности доверия, эмоциональной близости, автономии, реакции на конфликты и переживания угрозы отношениям. Через эти механизмы привязанность влияет не только на субъективную оценку брака, но и на устойчивость внутрисемейного взаимодействия.

Вместе с тем, семейная система по мере развития супружеских отношений усложняется: в период планирования и рождения первого ребенка внутри супружеской диады происходят значимые изменения, связанные с необходимостью начала обеспечения детско-родительского взаимодействия, которое становится еще одним фактором, влияющим на удовлетворенность браком.

Рождение ребенка является важным этапом развития семьи и изменяет ее функционирование как системы. Отношения в супружеской диаде дополняются отношениями пары с ребенком, что приводит к перераспределению ролей, обязанностей, времени, ресурсов — высокой эмоциональной и физической нагрузке. В связи с этим удовлетворенность браком после рождения ребенка может изменяться под влиянием нескольких групп факторов: возраста брака, пола ребенка, поддержки со стороны партнеров друг другу и др.

Исследования показывают, что после рождения ребенка снижение удовлетворенности браком может быть связано с полом родителя, однако данные неоднозначны: одни авторы фиксируют более выраженное снижение удовлетворенности у женщин (усталость, недостаточность поддержки, фрустрация связанная с добавлением новой роли и др.) [22; 23], или не обнаруживают значимых количественных изменений, однако отмечают перестройку субъективной концепции удовлетворенности у супругов [17; 20], либо отмечают более заметное снижение у мужчин (особенно в части интимной удовлетворенности, недостаточности эмоционального контакта) [16]. Особенно важными факторами снижения удовлетворенности являются тревожно-депрессивные симптомы, снижение самооценки (как партнера, женщины или мужчины, профессионала — то есть в части других ролей), повышение сенситивности, ненадежная привязанность и оценка поддержки партнера. Тревожная и амбивалентная привязанность также значимо связаны со снижением удовлетворенности [13]. Кроме того, на удовлетворенность супружескими отношениями влияют личностные особенности ребенка: более «сложный характер», капризность, болезненность ребенка могут усиливать напряжение между супругами [14].

Таким образом, детско-родительские отношения становятся самостоятельным фактором, влияющим на удовлетворенность браком, поскольку меняют структуру семейного взаимодействия и усиливают значимость поддержки, согласованности ролей и эмоциональной устойчивости супругов.

Подводя итог вышесказанному, можно заключить, что удовлетворенность браком является комплексным психологическим феноменом, формирующимся под влиянием личностных, социально-экономических, ролевых, коммуникативных и семейных факторов. Особое значение имеет стиль привязанности супругов и характер их детско-родительских отношений (в части отношения к ребенку, появившемуся в браке), поскольку они связаны с переживанием эмоциональной близости, доверия, поддержкой, распределением ролей и способностью пары

адаптироваться и преодолевать семейные кризисы. При этом, существующие исследования демонстрируют неоднозначность данных и не позволяют исчерпывающе объяснить механизмы удовлетворенности браком, связанные с данными факторами. Необходим дальнейший анализ других возможных факторов, а также эмпирическая проверка характера взаимосвязи между привязанностью, особенностями детско-родительских отношений и удовлетворенности браком, особенно с учетом современного контекста.

Литература:

1. Автонюк, Е. В. Представления супругов о распределении ролей и становление ролевой структуры молодой семьи: диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Автонюк Е. В. — М, 2001. — 258 с. — Текст: непосредственный.
2. Алешина, Ю. Е. Индивидуальное и семейное психологическое консультирование / Ю. Е. Алешина. — М.: Класс, 1999. — 208 с. — Текст: непосредственный.
3. Боулби, Дж Привязанность / Дж Боулби. — М.: Гардарики, 2003. — 480 с. — Текст: непосредственный.
4. Волкова, А. Н. Социально-психологические факторы супружеской совместимости: диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Волкова А. Н.. — СПб, 2001. — 236 с. — Текст: непосредственный.
5. Голод, С. И. Личная жизнь: любовь, отношения полов / С. И. Голод. — М.: Знание, 1990. — 32 с. — Текст: непосредственный.
6. Карабанова, О. А. Тип привязанности как фактор психологической адаптации семьи в условиях глобальных вызовов / О. А. Карабанова, Е. В. Шевлякова. — Текст: непосредственный // МНИЖ. — 2022. — № 11 (125).
7. Кезрберг, А. Выполнение функций семьи и удовлетворенность браком / А. Кезрберг. — 2-е. — М.: Класс, 2004. — 204 с. — Текст: непосредственный.
8. Левкович, В. П. Социально-психологический подход к изучению супружеских конфликтов / В. П. Левкович, О. Э. Зуськова. — Текст: непосредственный // Психологический журнал. — 1985. — № 3. — С. 55.
9. Обозов, А. Н. Аксиомы супружества: психология супружеских отношений / А. Н. Обозов, В. И. Штильбанс. — Л.: Знание, 1984. — 304 с. — Текст: непосредственный.
10. Психология. А-Я: Словарь — справочник. — М, 1999. — 334 с. — Текст: непосредственный.
11. Шнейдер, Л. Б. Психология семейных отношений / Л. Б. Шнейдер. — М.: Апрель-пресс, 2009. — 498 с. — Текст: непосредственный.
12. Юркевич, Н. Г. Роль советского семейного права в укреплении семьи / Н. Г. Юркевич. — Текст: непосредственный // Социальные исследования. — М.: Наука, 1971. — С. 200.
13. Adult attachment at the transition to motherhood: predicting worry, health care utility and relationship functioning / T. Trillingsgaard, A. Elklit, M. Shevlin, R. Maimburg. — Текст: непосредственный // Journal of reproductive and infant psychology. — 2011. — № 4. — С. 354–363.
14. Belsky, J. Patterns of marital change across the transition to parenthood: Pregnancy to three years postpartum / J. Belsky, M. Rovine. — Текст: непосредственный // Journal of marriage and family. — 1990. — № 52(1). — С. 5–19.
15. Brennan, K. A. Dimensions of adult attachment, affect regulation, and romantic relationship functioning / K. A. Brennan, P. R. Shaver. — Текст: непосредственный // Personality and Social Psychology Bulletin. — 1995. — № 21. — С. 267–283.
16. Don, B. Relationship satisfaction trajectories across the transition to parenthood among low-risk parents / B. Don, K. Mickelson. — Текст: непосредственный // Journal of marriage and family. — 2014. — С. 677–692.
17. Gender differences in marital satisfaction: a meta-analysis / J. Jackson, R. Miller, M. Oka, R. Henry. — Текст: непосредственный // Journal of marriage and family. — 2014. — № 76(1). — С. 105–129.
18. Guerrero, L. K. Attachment-style differences in the experience and expression of romantic jealousy / L. K. Guerrero. — Текст: непосредственный // Personal Relationships. — 1998. — № 5. — С. 273–291.
19. Lewis, R. A. Theorizing about the quality and stability of marriage / R. A. Lewis, G. B. Spanier. — Текст: непосредственный // Contemporary theories about the family. V.1. Research-based theories. — New York: Free Press, 1979. — С. 178–191.
20. Marital satisfaction across the transition to parenthood / E. Lawrence, A. D. Rothman, R. J. Cobb [и др.]. — Текст: непосредственный // Journal of family psychology. — 2008. — № 22(1). — С. 41–50.
21. Simpson, J. A. Influence of attachment styles on romantic relationships / J. A. Simpson. — Текст: непосредственный // Journal of Personality and Social Psychology. — 1990. — № 59. — С. 971–980.

22. The effect of the transition to parenthood on relationship quality: 8-year prospective study / B. D. Doss, G. K. Rhoades, S. M. Stanley, H. J. Markman. — Текст: непосредственный // Journal personality and social psychology. — 2009. — № 96(3). — С. 601–619.
23. Twenge, J. M. Parenthood and marital satisfaction: A meta-analytic review / J. M. Twenge, W. K. Campbell, C. A. Foster. — Текст: непосредственный // Journal of marriage and family. — 2003. — № 65(3). — С. 574–583.
24. When sex is more than just sex: Attachment orientations, sexual experience, and relationship quality / G. E. Birnbaum, H. T. Reis, M. Mikulincer [и др.]. — Текст: непосредственный // Journal of Personality and Social Psychology. — 2006. — № 91. — С. 929–943.

Личностные предикторы виктимологической устойчивости подростков в образовательной среде школы

Шабурян Элина Романовна, заведующий социальной службой
ГБУ г. Москвы «Мой социальный помощник»

В данной статье сделана попытка систематизации современных подходов к профилактике виктимологической устойчивости подростков с возможным учетом особенностей растущей личности подростков и новых форм виктимизации. Степень разработанности темы исследования объясняется сложившейся современной ситуацией развития теорий виктимизации, которая обусловлена полифакторным подходом к исследованию особенностей виктимологической устойчивости подростков в образовательной среде школы.

Ключевые слова: подростки, личностные предикторы, виктимологическая устойчивость, школа как образовательная среда.

Personality predictors of victimal resilience of adolescents in the school educational environment

Shaburyan Elina Romanovna, social services manager
State Budgetary Institution of Moscow «My Social Assistant»

This article attempts to systematize modern approaches to preventing adolescent victimization resilience, taking into account the evolving personalities of adolescents and new forms of victimization. The current state of development of victimization theories, driven by a multifactorial approach to studying the characteristics of adolescent victimization resilience in the school environment, is the basis for the study's advancement.

Keywords: adolescents, personality predictors, victimological resilience, school as an educational environment.

В современных исследованиях под виктимностью понимают комплексную характеристику субъекта, которая демонстрирует склонность либо предрасположенность человека к возникновению роли жертвы в случае негативного воздействия социальной среды, проявления агрессивных или противоправных действий. Такая характеристика возникает на основе определенных социальных, психологических и биофизических факторов [7, с. 78].

Виктимологическая устойчивость — это целостный позитивный личностный ресурс, который формируется как результат единого взаимодействия составляющих когнитивного (адекватное понимание рисков), эмоционального (самоконтроль и эмоциональная регуляция), поведенческого (способность говорить «нет» и чувство уверенности) и социального (умение принимать и ока-

зывать поддержку) планов. Его выстраивание рассматривается как основная задача профилактических и образовательных программ, которые ориентированы не на исправление жертвы, а на становление сознательного субъекта, повышение устойчивости к жизненным вызовам. Изучение опыта отечественных и зарубежных специалистов показывает, что такую устойчивость формируют именно в условиях применения личностно-ориентированного подхода [8].

На основе анализа литературы формируется представление о ведущих детерминантах виктимности, выделяются факторы повышенного риска и условия, способствующие развитию устойчивости к виктимизации. Среди таких факторов риска можно выделить:

1. Индивидуально-психологические характеристики: сниженная самооценка, тревожность (как личностная, так

и ситуативная), высокий уровень нейротизма, импульсивность, экстернальный локус контроля, неполноценное развитие коммуникативных умений и социальных навыков, низкий эмоциональный интеллект. Психологический профиль виктимного подростка, согласно Т. Г. Бобченко и А. В. Нефедовой, отмечается такими чертами, как «повышенная ранимость, неуверенность в собственных силах, тенденция к самообвинениям и зависимость от мнения окружающих».

2. Семейные факторы: неблагополучные отношения в семье между детьми и родителями (гиперопека, авторитаризм или попустительство в воспитании), наличие насильственных или жестоких практик, эмоциональная депривация. Как подчеркивает О. О. Андронникова с коллегами, «дисфункциональные взаимоотношения в семье являются структурным фактором виктимности, провоцирующим у подростка формирование дисфункциональных моделей поведения в социальной среде».

3. Факторы школьной среды: неблагоприятный социально-психологический климат в школе и классном коллективе, толерантное отношение педагогов к проявлениям буллинга, недостаточная педагогическая поддержка, отсутствие системных мер профилактики и реагирования на насилие.

4. Социально-демографические и текущие ситуации: принадлежность к социальным меньшинствам (дети мигрантов и т. д.), гендерные различия (согласно исследованиям, уровень и виды виктимизации отличаются у юношей и девушек), а также особые жизненные обстоятельства (смена школы, изоляция во время пандемии) [1; 3].

К числу ключевых элементов, предопределяющих устойчивость в виктимологической области, относят:

1. Внутренние личностные ресурсы: объективно сформированная адекватная самооценка, выраженный внутренний локус контроля, развитая эмоциональная стойкость и способность к эффективному управлению эмоциональным состоянием, разноплановые коммуникативные умения и социальные навыки, эмпатические способности, а также ассертивность, отражающая умение отстаивать собственные права.

2. Стратегии преодоления стрессовых ситуаций: предпочтение отдается активным целенаправленным способам разрешения конфликтов и стрессовых переживаний, а не уходу от них или снятию напряжения эмоционального характера.

3. Надежная социальная поддержка: крепкие, построенные на доверии отношения с родителями и взрослыми, осуществляющими воспитательную функцию (учителями, наставниками), а также активное вовлечение в общение и взаимодействие с ровесниками в коллективе [4; 5; 6].

4. Благоприятная образовательная обстановка: обеспечение психологической защищенности в школе, справедливое и последовательное соблюдение правил, заинтересованность педагогов в формировании уважительной и доброжелательной атмосферы, обеспечение психологи-

ческого сопровождения учащихся и чувство принадлежности к школе — ключевой фактор благополучия школьников, снижающий уязвимость перед виктимизацией [9].

На основании вышесказанного отметим, что целью нашего исследования является выявление личностных предикторов виктимологической устойчивости подростков в образовательной среде школы.

Экспериментальная часть данной работы была организована на базе Государственного бюджетного учреждения города Москвы Центр содействия семейному воспитанию «Радуга» Департамента труда и социальной защиты населения города Москвы. Выбор данного учреждения в качестве исследовательской площадки обусловлен спецификой контингента обучающихся: воспитанники центров содействия семейному воспитанию представляют собой группу повышенного риска по виктимизации в силу особенностей их предшествующего социального опыта и условий социализации.

Выборку исследования составили 60 подростков в возрасте от 14 до 16 лет, из них 30 мальчиков и 30 девочек. Общая выборка 60 испытуемых была разделена на две группы по 30 человек в каждой: экспериментальную и контрольную.

В исследовании использовались методики:

- опросник виктимности подростков (ОВП) О. О. Андронниковой;
- личностный опросник Р. Кеттелла (14PF);
- методика «Психологическая безопасность образовательной среды школы» И. А. Баевой;
- метод математической статистики: U-критерий Манна — Уитни.

Результаты диагностики виктимности подростков по ОВП позволили выявить характер распределения виктимности в подростковой выборке, что наглядно отображено в таблице 1.

Анализ общего уровня виктимности показывает, что в обеих группах преобладают подростки со средними показателями: 50 % в экспериментальной группе и 46,7 % в контрольной.

Доля подростков с высоким уровнем общей виктимности составляет 30 % в каждой группе, что является достаточно высоким показателем и свидетельствует о наличии значительной части подростков, находящихся в группе риска по виктимизации. Низкий уровень виктимности зафиксирован у 20 % испытуемых экспериментальной группы и 23,3 % контрольной группы.

При анализе отдельных шкал опросника обращает на себя внимание выраженность зависимого виктимного поведения. Высокий уровень по данной шкале диагностирован у 36,7 % подростков экспериментальной группы и у 40 % подростков контрольной группы, что является наибольшим показателем среди всех типов виктимного поведения. Это может свидетельствовать о склонности значительной части обследованных подростков к пассивно-подчиняемым формам реагирования в сложных социальных ситуациях, неспособности отстаивать свои

Таблица 1. Сравнительный анализ экспериментальной и контрольной групп по методике ОВП

Шкала	Уровень	Экспериментальная группа	Контрольная группа	U-критерий Манна — Уитни
Общий уровень виктимности	Низкий	6 (20 %)	7 (23,3 %)	—
	Средний	15 (50 %)	14 (46,7 %)	432,5
	Высокий	9 (30 %)	9 (30 %)	—
Агрессивное виктимное поведение	Низкий	8 (26,7 %)	8 (26,7 %)	—
	Средний	14 (46,7 %)	15 (50 %)	441,0
	Высокий	8 (26,7 %)	7 (23,3 %)	—
Зависимое виктимное поведение	Низкий	5 (16,7 %)	5 (16,7 %)	—
	Средний	14 (46,7 %)	13 (43,3 %)	418,5
	Высокий	11 (36,7 %)	12 (40 %)	—
Некритичное виктимное поведение	Низкий	7 (23,3 %)	8 (26,7 %)	—
	Средний	15 (50 %)	14 (46,7 %)	435,5
	Высокий	8 (26,7 %)	8 (26,7 %)	—
Саморазрушающее виктимное поведение	Низкий	9 (30 %)	10 (33,3 %)	—
	Средний	15 (50 %)	14 (46,7 %)	428,0
	Высокий	6 (20 %)	6 (20 %)	—

границы, повышенной уступчивости и зависимости от мнения окружающих.

Сравнительный анализ по личностному опроснику Р. Кеттелла (14PF) представлен в таблице 2.

Анализ фактора С (эмоциональная устойчивость) показал, что основная часть подростков обеих обследуемых выборок получили баллы в пределах низких и средних значений. Слабая эмоциональная устойчивость, обусловленная тенденцией к возрастанию чувствительности, раздражительности и переменчивости настроения, имела место у 40 % испытуемых из экспериментальной группы и 36,7 % в контрольной. Наоборот, высокая эмоциональная устойчивость зафиксирована лишь у 13,3 и 16,7 % под-

ростков соответственно. В совокупности эти показатели свидетельствуют о достаточно сложном уровне регуляции эмоциональных состояний у значительной части испытуемых, что существенно увеличивает риск виктимизации, снижая возможность успешного противостояния стрессам в сфере межличностного общения.

По фактору О (тревожность) получены данные, которые нуждаются в особом внимании. Высокий уровень тревожности превалировал и фиксировался у 46,7 % подростков из экспериментальной группы, а также у 40 % из контрольной. Этот показатель оказался максимальным среди всех изученных личностных характеристик. Для высокого уровня тревожности характерны

Таблица 2. Распределение подростков по уровням выраженности личностных факторов

Фактор	Уровень	Экспериментальная группа	Контрольная группа	U-критерий Манна — Уитни
Фактор С (эмоциональная устойчивость)	Низкий	12 (40 %)	11 (36,7 %)	—
	Средний	14 (46,7 %)	14 (46,7 %)	425,5
	Высокий	4 (13,3 %)	5 (16,7 %)	—
Фактор Н (социальная смелость)	Низкий	8 (26,7 %)	7 (23,3 %)	—
	Средний	17 (56,7 %)	18 (60 %)	438,0
	Высокий	5 (16,7 %)	5 (16,7 %)	—
Фактор О (тревожность)	Низкий	3 (10 %)	4 (13,3 %)	—
	Средний	13 (43,3 %)	14 (46,7 %)	433,5
	Высокий	14 (46,7 %)	12 (40 %)	—
Фактор Q3 (самоконтроль)	Низкий	9 (30 %)	8 (26,7 %)	—
	Средний	17 (56,7 %)	18 (60 %)	441,5
	Высокий	4 (13,3 %)	4 (13,3 %)	—
Фактор Е (доминантность)	Низкий	7 (23,3 %)	7 (23,3 %)	—
	Средний	18 (60 %)	19 (63,3 %)	446,0
	Высокий	5 (16,7 %)	4 (13,3 %)	—
Фактор Q2 (самодостаточность)	Низкий	10 (33,3 %)	9 (30 %)	—
	Средний	16 (53,3 %)	16 (53,3 %)	427,0
	Высокий	4 (13,3 %)	5 (16,7 %)	—

признаки, выражающиеся в постоянном внутреннем дискомфорте, повышенной восприимчивости к потенциальным угрозам, сомнениях в собственных силах, что ведет к росту вероятности возникновения зависимого поведения и, следовательно, увеличивает опасность виктимизации. Низкий уровень тревожности встречался у 10 и 13,3 % испытуемых соответственно. Эти результаты коррелируют с диагностикой виктимного поведения, где значительная часть подростков характеризовалась зависимым виктимным поведением.

Анализ фактора Н (социальная смелость) показывает, что средний уровень присутствует у большинства подростков обеих исследуемых групп (56,7 и 60 %). Высокая выраженность, которая характерна для инициативных и смелых в социуме, активно защищающих свои интересы, встретила лишь у 16,7 % участников из каждой группы. Низкий уровень, свидетельствующий о застенчивости, робости и трудностях в установлении социальных контактов, зарегистрирован у 26,7 и 23,3 % испытуемых. Такая неуверенность часто служит фактором виктимизации из-за изоляции и неспособности обратиться за помощью.

Анализ фактора Q3 (самоконтроль) показывает схожую статистику в обеих исследуемых группах. Превалирует средний уровень — 60,0 и 56,7 %. Высокий показатель, демонстрирующий умение контролировать поведение и дисциплину, наблюдается у 13,3 % участников каждой группы. Низкие показатели встречаются у 26,7 и 30,0 % респондентов, а низкий самоконтроль связан с импульсивностью и невозможностью держать под контролем эмоциональные реакции, что значительно повышает риск попадания в виктимогенные ситуации.

Изучение показателя Е (уровень доминантности) выявило, что основная масса участников обеих групп характеризуется средним уровнем (60,0 и 63,3 % соответственно). Примерно по 15 % подростков из каждой группы проявили повышенную доминантность, что свидетельствует о выраженных лидерских качествах и активной позиции в жизненных ситуациях. Другая часть опрошенных, 23,3 %, продемонстрировали низкую доминантность, которая проявляется в пассивности и подчиненности. Такие результаты подтверждают выводы, которые связывают

эти показатели с виктимным типом поведения, свидетельствующим о зависимости от окружающих.

При анализе фактора Q2 (самодостаточность) установлено, что большая часть подростков обеих групп находится на среднем уровне (53,3 %). Доля респондентов с низким уровнем, характеризующимся выраженной зависимостью от мнения сверстников и отсутствием умения принимать самостоятельные решения, составила 33,3 и 30,0 %. Люди с высоким уровнем самодостаточности встречаются реже и составляют примерно 14 и 17 %. Низкий уровень самодостаточности указывает на склонность к конформизму и потребность в социальных контактах и одобрении, что при усилении тревожности может способствовать виктимизации.

Сравнительный анализ по методике «Психологическая безопасность образовательной среды школы» И. А. Баевой представлен в таблице 3.

При анализе параметра «Удовлетворенность взаимодействием» выявлено, что большая часть подростков из обеих выборок оценивает свои отношения с учителями и сверстниками как удовлетворительные — 56,7 % в экспериментальной группе и 60 % в контрольной. Устойчиво положительную оценку, отражающую доверие, отсутствие конфликтов и комфортное общение, дают не более 16,7 % респондентов. Удовлетворенность на низком уровне отмечается у 26,7 % экспериментальных и у 23,3 % контрольных испытуемых. Эти данные свидетельствуют о том, что у значительной части школьников при взаимных контактах есть серьезные проблемы, порождающие повышенный риск виктимизации, поскольку именно в таких условиях формируются наиболее типичные сценарии виктимного поведения.

Вызывает беспокойство ситуация с показателем «Защищенность от насилия». Максимальная доля подростков с низким уровнем защищенности — 40 % в экспериментальной и 36,7 % в контрольной группе. Это указывает на субъективное ощущение уязвимости, боязнь психологических или физических форм насилия, а также недоверие к возможной поддержке и помощи в кризисных ситуациях. Средняя защищенность отмечена у 50 и 53,3 % соответственно, что оставляет неясным уровень реальной

Таблица 3. Распределение оценки восприятия подростками школьной среды и уровня ее психологической безопасности

Показатель	Уровень	Экспериментальная группа	Контрольная группа	U-критерий Манна — Уитни
Удовлетворенность взаимодействием	Низкий	8 (26,7 %)	7 (23,3 %)	—
	Средний	17 (56,7 %)	18 (60 %)	434,5
	Высокий	5 (16,7 %)	5 (16,7 %)	—
Защищенность от насилия	Низкий	12 (40 %)	11 (36,7 %)	—
	Средний	15 (50 %)	16 (53,3 %)	424,0
	Высокий	3 (10 %)	3 (10 %)	—
Референтометрическая значимость	Низкий	6 (20 %)	6 (20 %)	—
	Средний	18 (60 %)	19 (63,3 %)	442,5
	Высокий	6 (20 %)	5 (16,7 %)	—

безопасности в образовательной среде, а высокую оценку, означающую отсутствие насилия и угроз, выставили лишь 10 % участников.

Результаты исследования указывают на низкий уровень психологического благополучия в образовательной среде данного учреждения. Немалая часть учащихся не ощущает достаточной поддержки и защиты от потенциальных агрессивных инцидентов, что провоцирует формирование стабильного базового стресса, усугубляет чувство тревожности и способствует возникновению виктимных моделей поведения. Так как психологический комфорт выступает краеугольным камнем формирования личности подростка, при его дефиците существенно возрастает вероятность развития виктимизации.

По форме распределения показателя «Референтометрическая значимость» обе исследуемые выборки совпадают. Преобладающая часть подростков обладает средними значениями показателя (60 % в экспериментальной группе и 63,3 % в контрольной). Высокие значения индекса, свидетельствующие о восприятии школы как важного и авторитетного института, встречаются у 20 % в экс-

периментальной и 16,7 % в контрольной группе. Низкий уровень показателя фиксируется у 20 % подростков обеих групп. Показатель отражает степень эмоциональной вовлеченности и субъективной значимости образовательного учреждения в жизни подростков.

На основании проведенной диагностики личностных предикторов виктимологической устойчивости подростков в образовательной среде школы обнаруживается значимая связь между параметрами психологической безопасности в образовательном пространстве и личностными свойствами, изученными в прошлом. Подростки с ярко выраженными тревожными чертами и пониженной эмоциональной устойчивостью, составляющие немалую долю выборки, проявляют острую реакцию на возможные угрозы и испытывают затруднения в ощущении собственной защищенности. Вдобавок зависимое поведение, часто встречающееся у ряда участников исследования, может быть вызвано также нехваткой безопасности в образовательной среде, где у подростков отсутствует возможность проявлять независимость и охранять свои личные границы.

Литература:

1. Андронникова О. О. Психологические факторы возникновения виктимного поведения подростков : автореферат диссертации кандидата психологических наук. — Новосибирск : НГПУ, 2005. — 24 с.
2. Басалаева Н. В., Виталева Я. В., Шелкунова Т. В. Виктимное поведение подростков как актуальная проблема современного общества / Н. В. Басалаева, Я. В. Виталева, Т. В. Шелкунова // Проблемы современного педагогического образования. — 2025. — № 87-4. — С. 410–412.
3. Блясова И. Ю. Теоретико-методологические основы профилактики девиантного поведения подростков в социокультурной среде региона : автореферат диссертации доктора педагогических наук. — Челябинск, 2016. — 51 с.
4. Гамова С. Н., Красова Т. Д., Чуйкова Ж. В. Научные подходы к изучению психологической безопасности в отечественных и зарубежных исследованиях / С. Н. Гамова, Т. Д. Красова, Ж. В. Чуйкова // Мир науки. Педагогика и психология. — 2020. — Т. 8. — № 4. — С. 1–9.
5. Жердева Л. А. Психологические детерминанты виктимного поведения в подростковом возрасте / Л. А. Жердева // Образование и общество. — 2019. — № 2 (115). — С.113–121.
6. Горбенко И. А., Киселева Т. Б. Виктимизация и совестливость как предпосылки включенности в буллинг у современных подростков / И. А. Горбенко, Т. Б. Киселева // Педагогика. Вопросы теории и практики. —2025. — Т. 10, № 10. — С. 1659–1665.
7. Кухтова Н. В. Предикторы просоциального поведения в современных исследованиях: межкультурный аспект : монография / Н. В. Кухтова, С. М. Шингаев, В. Е. Купченко [и др.]; под ред. Н. В. Кухтовой. — Витебск : Витебский государственный университет имени П. М. Машерова, 2020. — 168 с.
8. Мариносян Т. Э., Костанянц А. Г., Сазбандян Т. В. Роль школьного образования в предотвращении виктимизации детей и подростков, формировании у них антивиктимного поведения в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Российская академия естественных наук : [Электронный ресурс]. — URL: https://raen.info/upload/redactorfiles/Kost_02.pdf (дата запроса 10.05.2026).
9. Погодина Е. К. Виктимное поведение в юношеском возрасте и его профилактика / Е. К. Погодина, М. В. Никитина // Социально-психологические проблемы современного общества и человека: пути решения (памяти профессора А. П. Орловой) : сборник научных статей. — Витебск : Витебский государственный университет имени П. М. Машерова, 2024. — С. 95–101.

Качественные методы исследования молчания клиента в гештальт-терапии: методологическое обоснование

Шальнева Татьяна Сергеевна, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

В статье обосновывается выбор качественной исследовательской парадигмы для изучения феномена молчания клиента в психологическом консультировании. Раскрывается специфика применения феноменологического метода, включенного наблюдения и метода анализа единичного случая (case study) в контексте гештальт-подхода. Особое внимание уделяется авторской методике рефлексивного самонаблюдения за контрпереносом терапевта как центральному инструменту сбора эмпирических данных. Показано, что процессуальная и контекстуально-обусловленная природа молчания требует качественных методов, способных схватить уникальность терапевтического взаимодействия без редукции к измеримым переменным. Представленный методологический комплекс обеспечивает триангуляцию данных и достоверность результатов при сохранении феноменологической точности.

Ключевые слова: качественные методы, феноменологический метод, включенное наблюдение, контрперенос, гештальт-терапия, case study, молчание клиента, методология исследования, рефлексивное самонаблюдение.

Qualitative methods for investigating client silence in Gestalt therapy: a methodological rationale

Shalneva Tatyana Sergeevna, master's student
Togliatti State University (Samara Oblast)

Исследование процессуальных феноменов психотерапевтического взаимодействия сталкивается с фундаментальной методологической проблемой: как изучать динамические, контекстуально-обусловленные, субъективные явления, не утрачивая их сущностных характеристик? Молчание клиента — один из таких феноменов, значение которого целиком определяется уникальной конфигурацией терапевтического поля «здесь и сейчас» [1].

Традиционные количественные методы, ориентированные на измерение изолированных переменных и статистическое обобщение, оказываются малопригодными для изучения молчания. Как отмечает Ж.-М. Робин, «молчание никогда не принадлежит только клиенту — оно возникает в поле и является его функцией» [2, с. 45]. Попытка измерить длительность паузы или частоту её возникновения не раскрывает её смысл: десятисекундное молчание может быть моментом творческой интеграции или диссоциативным уходом от травматического триггера — внешне идентичные, но принципиально различные по функции феномены.

Цель статьи — обосновать выбор качественной методологии для исследования молчания клиента и представить систему методов, адекватных специфике гештальт-подхода.

Обоснование качественной парадигмы

Выбор качественной исследовательской парадигмы для изучения молчания обусловлен следующими факторами:

1. Процессуальная природа феномена. Молчание — это не статичный объект, а разворачивающийся во времени процесс со своей внутренней динамикой. Гештальт-

терапия интересуется не структурами, а процессами — не тем, что есть, а тем, как происходит. Качественные методы позволяют отследить процессуальность, тогда как количественные фиксируют лишь моментальные «срезы».

2. Контекстуальная обусловленность. Значение молчания неотделимо от контекста: истории терапевтических отношений, личностной динамики участников, предшествующего содержания беседы. Качественная методология рассматривает контекст как неотъемлемую часть феномена, а не как «шум», требующий контроля [3].

3. Равноценность субъективного опыта. В гештальт-подходе переживания терапевта (контрперенос) являются не помехой, а важнейшим источником диагностической информации о поле. Д. Н. Хломов пишет: «Терапевт всегда внутри поля. Признание этого факта и использование его как инструмента познания — суть гештальт-методологии» [4, с. 134]. Качественная парадигма легитимизирует субъективный опыт как эмпирический материал.

4. Ориентация на понимание смысла. Исследование стремится не к объяснению причин («почему клиент молчит»), а к пониманию функции и смысла молчания в конкретном взаимодействии. Это соответствует герменевтической традиции, где понимание достигается через интерпретацию, а не через установление причинно-следственных связей [5].

Феноменологический метод как основа

Феноменологический метод, восходящий к работам Э. Гуссерля, составляет философское ядро исследования. Его суть — в непредвзятом описании того, как феномен яв-

ляется сознанию, с временным «заключением в скобки» (эпохэ) теоретических предпосылок [6].

Применительно к молчанию это означает:

Описание вместо интерпретации: фиксируется как молчит клиент (поза, дыхание, мимика), а не почему.

Интенциональность: молчание всегда на что-то направлено — задача описать эту направленность через наблюдаемые проявления.

Возврат к «жизненному миру»: анализ основывается на живом опыте участников, а не на абстракциях.

Феноменологический метод обеспечивает «чистоту» первичного описания, которое затем становится материалом для типологического анализа.

Система методов исследования

Методический аппарат составляют три взаимодополняющих метода, образующих систему триангуляции:

1. Включенное наблюдение

Терапевт-исследователь является неотъемлемой частью изучаемого поля. Это не искажение, а необходимость: только участие в поле дает доступ к его живой динамике. Внешний наблюдатель (например, по видео) не имеет доступа к тончайшим изменениям атмосферы, качества контакта, собственным телесным резонансам — ключевой информации в гештальт-терапии.

Процедура: фиксируются эпизоды молчания длительно — более 10 секунд. Объектами наблюдения выступают: телесные проявления клиента, изменения атмосферы поля, собственные реакции терапевта. Развернутое описание осуществляется сразу после сессии по протоколу, включающему контекст, феноменологию и предварительные гипотезы.

Ограничение: риск субъективных искажений. Минимизация: регулярная супервизия, ведение рефлексивного дневника, фиксация собственных предпосылок.

2. Методика рефлексивного самонаблюдения за контрпереносом

Центральный методический инструмент, превращающий субъективные реакции терапевта в систематизированные данные. Методика структурирована в три этапа:

Этап 1. Феноменологическая фиксация. Терапевт описывает внутренний опыт без оценки: телесные ощущения (напряжение/расслабление, дыхание, температура), эмоции (тревога, скука, спокойствие, раздражение), когнитивные процессы (ясность/спутанность мыслей, спонтанные образы), импульсы к действию (заполнить паузу, отстраниться, подождать).

Этап 2. Дифференциальная атрибуция. Зафиксированные переживания сопоставляются с типологией контрпереноса:

«Напряженный» контрперенос (фрустрация, импульс «вытянуть» слова) — гипотеза о молчании-ретрофлексии.

«Притупленный» контрперенос (скука, сонливость) — гипотеза о молчании-дефлексии.

«Дезориентирующий» контрперенос (внезапная тревога, оцепенение) — гипотеза о молчании-диссоциации.

«Насыщенный» контрперенос (спокойствие, наполненность) — гипотеза о молчании-интеграции.

«Размытый» контрперенос (потеря границ, синхронизация) — гипотеза о молчании-конфлюэнции.

Этап 3. Формулирование гипотезы. На основе атрибуции формулируется проверяемая гипотеза о функции молчания, определяющая выбор интервенции.

Методика операционализирует принципы гештальт-терапии (теория поля, работа «здесь и сейчас») в конкретную исследовательскую процедуру.

3. Метод анализа единичного случая (case study)

Case study применяется для углубленного изучения конкретных эпизодов в целостном контексте терапевтической истории. Исследование направлено не на статистическую репрезентативность, а на аналитическое обобщение — углубление понимания через детальный анализ информационно насыщенных случаев [7].

Процедура:

Отбор случаев, репрезентативных для типов молчания.

Горизонтальный анализ: сравнение эпизодов у одного клиента для выявления паттернов.

Вертикальный анализ: детальное рассмотрение одного эпизода по схеме «контекст — феноменология — гипотеза — интервенция — реакция — верификация».

Сравнение кейсов разных типов для уточнения границ типологии.

Метод case study служит «полигоном» для верификации типологии, показывая, как общие принципы воплощаются в уникальной терапевтической реальности.

Обеспечение достоверности

В качественном исследовании достоверность обеспечивается не статистическими критериями, а через:

Триангуляцию данных: перекрестная проверка через включенное наблюдение, самоотчет, анализ кейса.

Теоретическое насыщение: сбор данных до момента, когда новые случаи перестают вносить изменения в типологию.

Рефлексивность: систематическая фиксация влияния собственных предпосылок исследователя.

Развернутое описание: детальное представление контекста и процедур для оценки обоснованности выводов читателем.

Заключение

Представленный методологический комплекс является адекватным инструментом для изучения молчания клиента в гештальт-терапии. Качественная парадигма, основанная на феноменологическом методе, позволяет схватить процессуальную, контекстуальную и субъективную природу феномена. Система из трех методов — включенного наблюдения, рефлексивного самонаблюдения за контрпереносом и case study — обеспечивает триангуляцию и достоверность результатов.

Методика рефлексивного самонаблюдения представляет собой оригинальный вклад в развитие качественной методологии психотерапевтического исследования, превращая субъективный опыт терапевта из потенциаль-

ного искажения в строгий диагностический инструмент. Данный подход открывает перспективы для эмпирического изучения тонких процессуальных феноменов, недоступных количественным методам.

Литература:

1. Лебедева Н. М., Иванова Е. А. Путешествие в Гештальт: теория и практика. СПб.: Речь, 2005. 560 с.
2. Робин Ж.-М. Гештальт-терапия. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2007. 64 с.
3. Робин Ж.-М. Быть в присутствии другого: Этюды по психотерапии. М.: ИОИ, 2015. 288 с.
4. Хломов Д. Н. Динамическая концепция личности в гештальт-терапии // Гештальт-2001. М.: МГИ, 2001. С. 9–24.
5. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб.: Ювента, 1999. 511 с.
6. Калитевская Е. Р. Феноменологический метод в психологии и психиатрии // Московский психотерапевтический журнал. 2002. № 4. С. 77–98.
7. Stake R. E. The Art of Case Study Research. Thousand Oaks: SAGE Publications, 1995. 192 p.

Профилактика асоциальных форм поведения в младшем школьном возрасте

Шамарова Виталина Вадимовна, студент

Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) Оренбургского государственного университета имени В. А. Бондаренко

В статье автор исследует психологические особенности формирования асоциального поведения у обучающихся младшего школьного возраста и анализирует методы его профилактики в условиях образовательной среды на примере разработанной и апробированной программы.

Ключевые слова: асоциальное поведение, младшие школьники, агрессивность, дезадаптивное поведение, профилактика, психолого-педагогическая программа.

Современное общество сталкивается с возрастающей проблемой распространения асоциальных форм поведения среди детей младшего школьного возраста (7–10 лет). Этот период является критическим для формирования личности: закладываются модели социального взаимодействия, нормативные установки и ценностные ориентации. Деформации на данном этапе могут привести к закреплению деструктивных паттернов, которые в дальнейшем трансформируются в устойчивые формы девиантного поведения.

Под асоциальным поведением понимаются поступки, противоречащие морально-нравственным нормам. В младшем школьном возрасте оно проявляется в формах агрессии (физической, вербальной, косвенной), оппозиционно-вызывающего поведения, лжи, воровства, социальной изоляции. В отличие от подростков, у младших школьников эти проявления носят ситуативный, импульсивный характер и являются не столько чертой личности, сколько неадаптивной реакцией на фрустрацию.

Анализ литературы показывает, что асоциальное поведение детерминировано биологическими, психологическими и социальными факторами. Интегративный подход (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев) позволяет рассматривать его как результат нарушения интериоризации социальных норм.

Эмпирическое исследование проводилось на базе МОАУ «СОШ № 4 г. Орска» среди учащихся 4Г класса (24

человека: 13 мальчиков, 11 девочек, 9–10 лет). Исследование включало констатирующий, формирующий и контрольный этапы. Диагностический инструментарий: карта наблюдений Д. Стотта, опросник Басса-Дарки, социометрия Дж. Морено.

На констатирующем этапе выявлены высокие показатели дезадаптивного поведения: враждебность к детям — 8,4 балла, недостаток социальной нормативности — 7,2, индекс агрессивности — 18,4, индекс враждебности — 7,2. Социометрия показала: 50 % класса имеют неблагоприятный статус, индекс сплочённости — 0,33.

На основе результатов была разработана и реализована программа профилактики «Мир дружбы» (8 недель, 16 занятий), включающая три блока: развитие эмоциональной компетентности, формирование навыков социального взаимодействия, развитие произвольной регуляции поведения.

Сведём данные в таблице 1.

После реализации программы (контрольный этап) получены следующие результаты: враждебность к детям снизилась на 50 % (до 4,2), недостаток социальной нормативности — на 45,8 % (до 3,9), индекс агрессивности — на 31,5 % (до 12,6), индекс враждебности — на 29,2 % (до 5,1). Индекс групповой сплочённости вырос на 75,8 % (с 0,33 до 0,58), количество взаимных выборов — на 75 %, число изолированных детей сократилось с 3 до 1.

Таблица 1. Структура асоциального поведения младших школьников

Компонент	Когнитивный	Эмоционально-регулятивный	Социально-коммуникативный
Проявления	Непонимание норм, слабая рефлексия	Импульсивность, низкий самоконтроль	Враждебность, конфликтность
Показатели (Стотт)	Недостаток соц. нормативности — 7,2	Неугомонность — 6,9	Враждебность к детям — 8,4
Методы профилактики	Обсуждение правил, анализ последствий	Обучение саморегуляции («Светофор эмоций», «Черепаша»)	Тренинг общения, ролевые игры

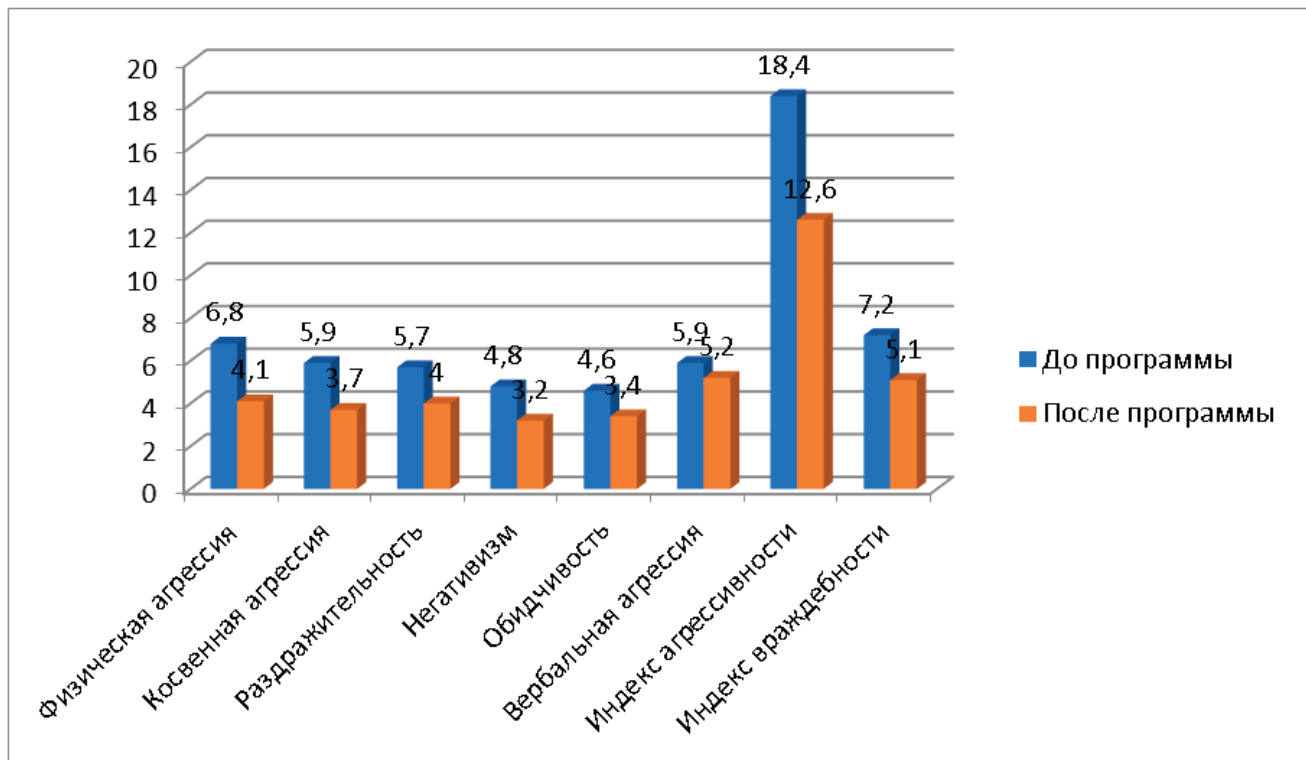

Рис. 1. Динамика показателей дезадаптивного поведения и агрессивности (в баллах)

Эффективность программы представлена на рис. 1.

Статистическая проверка (критерий Вилкоксона) подтвердила значимость изменений: для индекса агрессивности $Z = -3,42$ ($p \leq 0,01$), для враждебности к детям $Z = -3,67$ ($p \leq 0,001$). Результаты исследования подтверждают

гипотезу о том, что целенаправленная профилактика, включающая развитие эмоциональной сферы, социальных навыков и саморегуляции, эффективно снижает асоциальные проявления и улучшает климат в классе. Программа может быть рекомендована школьным психологам и педагогам.

Литература:

1. Выготский, Л. С. Психология развития человека. — М., 2005.
2. Змановская, Е. В. Девиантология. — М.: Академия, 2024.
3. Лисина, М. И. Формирование личности ребенка в общении. — СПб.: Питер, 2024.
4. Рычкова, Н. А. Дезадаптивное поведение детей. — М., 2020.
5. Эльконин, Д. Б. Избранные психологические труды. — М.: Педагогика, 1989.

Теоретический анализ потенциала арт-терапии в работе с созависимыми женщинами

Шестакова Виктория Алексеевна, студент магистратуры
Московский психолого-социальный университет

В статье представлен анализ отечественных научных источников, посвященных применению арт-терапии в коррекции созависимости. Цель исследования: рассмотреть степень разработанности данной проблемы, теоретически обосновать потенциал арт-терапии для работы с созависимыми женщинами. Результаты анализа свидетельствуют о дефиците специализированных исследований, при этом имеющиеся работы подтверждают эффективность арт-терапии в решении ключевых задач коррекции созависимости. Делается вывод о недооцененном ресурсе арт-терапии в данной области и необходимости дальнейших разработок.

Ключевые слова: созависимость, арт-терапия, эффективность арт-терапии, созависимые женщины, дефициты созависимых, дефицит исследований.

Theoretical analysis of the potential of art therapy in working with co-dependent women

Shestakova Viktoriya Alekseevna, master's student
Moscow Psychological and Social University

The article presents an analysis of domestic scientific sources on the application of art therapy in the correction of co-dependency. The aim of the study is to assess the degree of development of this problem and to theoretically substantiate the potential of art therapy for working with co-dependent women. The analysis results indicate a shortage of specialized research, while the existing studies confirm the effectiveness of art therapy in addressing key tasks of co-dependency correction. It is concluded that art therapy is an underestimated resource in this field and that further development is needed.

Keywords: co-dependency, art therapy, art therapy effectiveness, co-dependent women, deficits of co-dependents, research deficit.

Введение

Актуальность и социальная значимость феномена созависимости сохраняется и даже возрастает в связи с неблагоприятной статистикой роста числа зависимых людей в нашей стране.

Данные за 2020 год свидетельствуют, что в России общий уровень заболевания наркологическими расстройствами составил 1293,4 на 100 тысяч человек. [3]

По данным Министерства внутренних дел РФ в последние годы фиксируется стремительный рост распространения химических зависимостей среди населения России. Согласно общей статистике за период с 2018 года по июль 2023 года, количество лиц, употребляющих психоактивные вещества, увеличилось более чем в 24 раза. [10]

Невзирая на тот факт, что в настоящее время созависимость всё чаще рассматривается как самостоятельный феномен, а не исключительно как психологические особенности окружения зависимого [16], игнорировать рост зависимости у граждан РФ, а соответственно и рост круга созависимых, не представляется возможным.

При исследовании феномена созависимости важно учитывать его системный характер. Случай зависимости вовлекает близких людей в цикл созависимых отношений, сопровождающихся хроническим стрессом.

Психологическая и клиническая значимость феномена созависимости раскрывается и через многообразие

подходов к его изучению. При этом данное многообразие «вносит некоторую размытость в его понимание». [3]

В обзорной статье Стряпухиной Ю. В., Посоховой С. Т. (2025) на основе анализа теоретико-методологических изысканий и эмпирических результатов зарубежных и отечественных исследований (авторами проанализировано 94 источника) также были выделены многообразные ключевые аспекты созависимости, как: «социокультурного явления; особенностей ценностно-смысловой сферы личности; деформации личности; реакции беспомощности на трудную ситуацию; особого психического состояния; деструктивных взаимоотношений с зависимым человеком; формы защитно-совладающего поведения». [16]. Сформировано авторское определение феномена созависимости. «Созависимость — это многомерный, полифункциональный и динамичный клинико-психологический феномен, отражающий выраженную ориентацию личности на ценность другого человека и полную идентификацию с ним, влекущую деформацию самоотношения, дефицит целеполагания и последующую непродуктивную (патологическую) адаптацию в трудной жизненной ситуации» [Ю. В. Стряпухина, С. Т. Посохова, 2025, стр.1].

Не лишним будет отметить гендерную специфику феномена. Отмечается, что «женщины сильнее страдают от последствий таких отношений, чем мужчины, и «чаще обращаются за помощью» [Бердичевский А. А. и др., 2021, с.187].

Цель исследования — теоретически обосновать потенциал арт-терапевтических методик в работе с созависимыми женщинами.

Задачи:

1. Предоставить обзор существующей отечественной литературы по использованию арт-терапевтического подхода в работе с созависимыми женщинами.
2. Рассмотреть степень разработанности данной проблемы в найденных источниках.
3. Теоретически обосновать потенциал арт-терапии в работе с созависимыми женщинами.

Теоретический обзор литературы. Анализ актуальных научных исследований в отечественной литературе, посвященных использованию арт-терапии с созависимыми, показал, что данный подход используется редко. Чаще эта тема раскрывается в более широком контексте: в терапии аддикций, в семейной терапии, а также при работе с последствиями психологических травм и дисфункциональных семейных систем.

Согласно проанализированным крайне немногочисленным источникам об использовании арт-терапевтического подхода с созависимыми, арт-терапия демонстрирует высокую результативность в решении ряда психологических задач [Бояринова 2022; Дворникова 2021; Осинская, 2015; Хазова, Вариошкина, 2022].

В статье Осинской С. А. (2015) арт-терапия представлена как «метод, имеющий широкие возможности применения» [Осинская С. А., 2015, с.578]. Он универсален и может использоваться для любых видов психокоррекции и на разных этапах работы. Автор подчеркивает безопасность метода и хорошую комбинаторность со множеством других направлений.

В программе выделяются конкретные этапы психокоррекционной работы и задачи арт-терапии на некоторых из них. На диагностическом этапе арт-терапевтические методики успешно используются для диагностики состояния и вхождения в процесс. На ресурсном этапе арт-терапевтические методики применяются в работе с глубинным бессознательным (рисование символов, мандал, работа с архетипами). [с.579] Для работы с эмоциями, проработки травматического материала и обучения новому поведению на психотерапевтическом этапе автор предлагает использовать такие арт-терапевтические методики, как: изо-терапия, цветотерапия, сказкотерапия, лепка. [с.579] Эффективность арт-терапии в данной статье, вытекает из общего принципа программы, как необходимости воздействия на все уровни личности (личностный, когнитивный, эмоциональный, поведенческий, психофизический). Арт-терапия, как полимодальный метод, прекрасным образом отвечает этой задаче.

Конкретную арт-терапевтическую технику, проективный рисуночный тест «Автопортрет» успешно использовали в своей работе с созависимыми женщинами Хазова С. А. и Вариошкина Е. Н., 2022 (в начале и в конце исследования). В статье авторы подробно описывают не только диагностическую, но и терапевтическую

функцию рисуночного теста в рамках своей комплексной программы.

Рисунок позволил выразить сложно вербализируемые аспекты самоотношения участниц. [19] Обсуждение рисунков в группе помогло участницам увидеть расхождения между их собственным восприятием себя и тем, как их видят другие. Положительная обратная связь от группы и ведущего на визуальный образ «Я» напрямую содействовала изменению самовосприятия и снижению самоуничижения. Рисунки наглядно зафиксировали динамику. Автопортреты, нарисованные в начале работы, отражали «негативное самовосприятие», «депрессивность», «астеничность», «потерю себя», «уход от контакта с внешним миром, потребность в защите». [Хазова С. А., Вариошкина Е. Н., 2022, с.67] В конце работы новые автопортреты демонстрировали появление энергии, яркости, акцент на силе и женственности, «положительное отношение женщин к себе» [Хазова С. А., Вариошкина Е.Н., 2022, с.67], т. е. наглядную визуализацию восстановления личностных ресурсов. «Анализ результатов участия созависимых женщин в программе помощи позволил зафиксировать не только динамику изменений созависимых моделей поведения», но и развитие самопонимания, положительного самоотношения, позитивного мышления как личностных ресурсов созависимых женщин» [Хазова С. А., Вариошкина Е.Н., 2022, с.69–70].

В статье Дворниковой Д. С. (2021) авторские ассоциативно-метафорические карты представлены как специализированный, теоретически обоснованный и практически успешно апробированный инструмент в рамках арт-терапевтического подхода для работы с зависимыми и созависимыми. Эффективность в данной статье обосновывается не статистическими данными, а через описание механизмов воздействия метафоры и визуального образа, а также через положительный опыт применения специалистами в данной области. В рамках психотерапевтической практики было установлено, что работа с мак облегчает доступ к неосознаваемым переживаниям через визуальный контакт, создает безопасную дистанцию для обсуждения болезненных тем, обеспечивает поэтапное осознание проблем, от внешней интерпретации образов к внутренней рефлексии. Это позволяет созависимым и зависимым клиентам идентифицировать и вербализировать ранее не осознаваемые трудности.

В небольшой статье Бояриновой Я. Г. (2022), был описан процесс создания куклы-мотанки и последующий анализ работ через ряд вопросов участницам. После этого автор предлагала провести медитативную технику «Цветное дыхание», «оживляя куколку». Метод куколотерапии помогал созависимым женщинам заново «собрать себя» через телесно-образный процесс. Голова (мышление), руки (действие), тело (чувства). Это поможет компенсировать ключевой дефицит, расщепленность Я и потерю границ между собственным внутренним миром и миром значимого другого. Через наделение куклы желаемыми качествами (спокойствие, забота о себе, сила), женщины на-

чинает идентифицировать и интегрировать эти качества, что может способствовать росту самооценки. Процесс наматывания, сопровождаемый вербализацией, позволяет женщинам, привыкшим подавлять свои эмоции ради сохранения отношений, безопасно контактировать с телесными проявлениями тревоги, гнева, печали. Автор статьи предлагает совмещать куклотерапию с другими арт-терапевтическими методиками: сказкотерапией, музыкальной терапией, метафорически-ассоциативными картами. А также использовать медитативные техники.

На основании проведенного анализа ограниченного круга источников можно сделать вывод о наличии существенного потенциала арт-терапевтических методик в работе с созависимостью. При этом наблюдается явный диссонанс между этим потенциалом и степенью его практической реализации. Данная ситуация актуализирует необходимость углубленного научного исследования проблематики с целью систематизации методик и обоснования их эффективности.

Теоретическое обоснование возможностей арт-терапии в работе с созависимыми женщинами. В современной психологической практике арт-терапия не сводится к единому методу, а представляет собой совокупность подходов (психодинамического, экзистенциально-гуманистического, семейного системного и др.), каждый из которых опирается на собственную теоретическую модель личности, специфику использования творческой активности клиента и особенности теоретического взаимодействия. [8] Полиметодический характер арт-терапии обуславливает ее высокую адаптивность при работе с разнородными клиентскими группами, в том числе с лицами, демонстрирующими созависимое поведение.

«Арт-терапия предполагает не только художественную экспрессию клиента, но и целенаправленную психотерапевтическую работу с его личностью, чувствами, представлениями, отношениями как условием избавления от симптомов поведенческих, эмоциональных, когнитивных и соматических (психосоматических) расстройств, повышения качества жизни и эффективности деятельности. [Копытин А. И., 2015, с.28–29] В работах Копытина А. И. подчеркивается, что современная арт-терапия адресована разнообразным социальным и клиническим группам, куда входят и люди с зависимостями и созависимостью. [8]

Благодаря обширным исследованиям по теме созависимости обнаружены многообразные дефициты созависимой личности, которые можно рассматривать как будущие мишени для психокоррекции с помощью арт-терапевтических методик. [Андронникова 2017; Башманов, Калининченко 2015; Бердичевский, Падун, Гагарина и др. 2021; Ермаков, Коленова, Кукуляр и др. 2025; Коленова, Кукуляр, Денисова, 2025; Осинская 2015; Осинская, Кравцова 2016; Москаленко 2018; Хазова, Вариошкина 2022, Уайнхолд, Уайнхолд 2019; Стряпухина, Посохова, 2025].

Некоторые ключевые дефициты созависимых, выявляемые в работах вышеназванных авторов:

— слабое «Я» (расщепленность, потеря собственной идентичности, слабость внутренней опоры, нечеткость границ, неспособность к автономии)

— алекситимия, нарушения эмоциональной регуляции, эмоциональная неустойчивость, подавление эмоций

— дефицит навыков самоподдержки, заботы о себе

— патологические объектные отношения.

— низкая самооценка, отсутствие самоуважения

— дефицит любви.

Можно предположить, что арт-терапия влияет на данные психологические мишени у женщин с созависимостью, демонстрируя потенциальную эффективность в их коррекции.

1. Слабое «Я». Расщепленность идентичности, нечеткость границ, неспособность к автономии. Арт-терапия работает непосредственно с процессом интеграции и дифференциации. Сам акт творчества требует от клиента последовательного совершения самостоятельных выборов (художественного средства, формы, цвета, композиции, сюжета), что укрепляет способность к автономии. Процесс создания арт-терапевтической работы — это акт авторства. Созданный арт-объект становится внешним репрезентантом внутреннего содержания. Визуализация позволяет обнаружить свои внутренние конфликты и противоречия как целостную картину, в процессе терапевтического диалога, переработать и интегрировать их. Таким образом, материализованное изображение служит основой для восстановления целостности «Я», а также для прояснения психологических границ между «Я» и «Другой», укрепляет ощущение личных границ, самооценности.

2. Алекситимия, нарушение эмоциональной регуляции (подавление эмоций, эмоциональная неустойчивость). У созависимых часто наблюдается трудность в идентификации и выражении чувств. Для работы с невербализуемым, сложно вербализуемым опытом и алекситимией арт-терапия, используя язык образов, цвета, формы, представляет прямую возможность для экстернализации этого опыта, минуя речевые барьеры. Арт-терапия предоставляет клиенту безопасный контейнер (лист бумаги, кусок пластилина, глины) для выражения и исследования эмоций, минуя необходимость их немедленного вербализованного описания, позволяет дозировать нагрузку и обеспечивает большую безопасность. Работа с пластичными материалами (глина, тесто, пластилин) позволяет дать выход напряжению и агрессии в социально приемлемой форме. Использование цвета и линии для отражения эмоционального состояния помогает их распознать, назвать, дифференцировать. Постепенно клиент обучается регулировать аффект через управление художественными материалами, что формирует основу для развития навыков эмоциональной саморегуляции в повседневной жизни.

3. Дефицит навыков самоподдержки и заботы о себе. Арт-терапевтический процесс является актом внимания к собственному внутреннему миру и его потребностям. Через творчество клиент учится восстанавливать контакт с собственными желаниями и находить внутренний ресурс.

4. Патологические объектные отношения. Психотерапия с использованием арт-терапевтических методик, особенно групповая форма арт-терапии, создает определенный корректирующий опыт. В безопасных рамках группы через совместные проекты или обсуждение индивидуальных работ, созависимые женщины могут исследовать и проживать новые модели взаимодействия, без слияния и поглощения, с уважением к границам и автономии других. Проекция отношений на изображение (например, в технике совместного рисунка или семейной скульптуры из пластилина) позволяет дистанцироваться от них и проанализировать дисфункциональные паттерны со стороны.

5. Низкая самооценка и отсутствие самоуважения. Арт-терапия обладает ресурсным потенциалом. В созависимых отношениях самооценка часто зависит от внешней оценки и того, насколько человек полезен для других. В арт-терапии ценность созданного произведения изначально безусловна. Оно важно как выражение индивидуальности клиента. Завершенная работа является материальным свидетельством креативности и способности к созиданию. Сам факт создания эстетически значимого объекта становится источником гордости и укрепляет самоуважение. Этот опыт противостоит деструктивному паттерну поиска оправдания вовне.

6. Дефицит любви (внутренняя пустота, опора на внешние объекты). Арт-терапевтический процесс можно рассматривать как практику установления контакта, диалога с собой. В процессе творчества клиент инвестирует время, энергию, внимание в собственный внутренний мир, что является формой самопринятия и заботы. Символическое наполнение пустоты на листе бумаги или в песочнице материалом и смыслом метафорически отражает и способствует наполнению внутреннего психологического пространства. Через многократное проживание опыта творческого самовыражения и принятия со стороны терапевта происходит интроекция более доброжелательного и любящего отношения к себе.

Как отмечалось выше, потенциал арт-терапии проявляется за счет специфического смещения фокуса с прямого вербального обсуждения на творческий процесс, символическое выражение и экстернализацию внутреннего опыта. Можно предположить, что этот механизм способен содействовать преодолению защитных механизмов, которые, согласно исследованиям, играют одну из ключевых ролей в поддержании созависимого поведения. [16] [17] Творческий процесс воспринимается как менее угрожающий, чем прямая конфронтация с болезненными для клиента темами.

Предполагается, что таким образом арт-терапия не просто обходит защиты, а переводит их из бессознательного автоматизма в зону осознанного выбора. Что в свою очередь может привести к переоценке созависимых паттернов, формированию более здоровых границ, развитию способности удовлетворять собственные потребности без ущерба для отношений.

Разными авторами отмечается и такие важные преимущества арт-терапии как безопасность, возможность работы с самыми разными категориями людей, и практически отсутствие противопоказаний к применению [Копытин 2015, Старовойтов 2015, Киселева 2018]. «Она фактически не имеет ограничений в своём применении — ни возрастных, ни связанных с психическим статусом человека» [Старовойтов А. В., 2015, с.99]

Обзор релевантных арт-терапевтических методик. В рамках теоретического обоснования нашей гипотезы представляется целесообразным использование следующих арт-терапевтических методик в работе с созависимыми женщинами:

— Изотерапия. Через создание образов клиент визуализирует внутренние конфликты и ресурсы, что позволяет осмыслить границы своего «Я». Свободное, экспрессивное рисование направлено на эмоциональную разрядку и регуляцию. Структурные рисунки (мандалы) способствуют интеграции «Я», поиску внутренней опоры.

— Маскотерапия. Изготовление/раскрашивание маски, проживание роли (фасадной/истинной) через маску способствует исследованию ролевых поведенческих паттернов, связанных с потребностью в одобрении и дифференциации подлинных эмоций.

— Сказкотерапия. Создание и анализ сказки как метафоры позволяют клиенту дистанцированно и безопасно исследовать дисфункциональные паттерны отношений и конструировать новые ресурсные сценарии личной истории.

— Фототерапия. Использование готовых и создание авторских снимков (например, коллаж «Я ресурсная») помогает визуализировать и переосмыслить личную историю, идентифицировать внешние и внутренние источники поддержки.

— Работа с пластичными материалами (глина, пластилин, тесто). Тактильный процесс лепки обеспечивает эмоциональное отреагирование напряжения, а создание целостного объекта укрепляет самооценку и ощущение личной компетентности через акт созидания.

— Работа с метафорическими ассоциативными картами. Данный метод облегчает процесс саморефлексии, вербализации, помогает в безопасной форме исследовать актуальные переживания, отношения и возможные стратегии изменений.

Предложенные методики отражают лишь часть арт-терапевтического арсенала. Встроенные в арт-терапевтическую коррекционную программу теоретически они позволяют адресно воздействовать на нарушение идентичности, эмоциональной регуляции, самоотношения и т. д., характерные для созависимых женщин.

Выводы

На основании проведенного теоретического анализа можно резюмировать, что на данный момент обнаруживается недостаток исследований эффективности арт-те-

рапии в работе с созависимыми людьми, как соответственно и самих психокоррекционных программ для созависимых женщин, основанных на арт-терапевтических методиках. Хотя объем исследовательской базы остается крайне ограниченным, имеющиеся публикации демонстрируют эффективность методик. При этом важно отметить нехватку эмпирических данных в найденных работах по использованию арт-терапии при работе с созависимыми.

Результаты теоретического анализа свидетельствуют о потенциале арт-терапии как метода психологической коррекции в работе с женщинами, демонстрирующими созависимое поведение. Ее невербальная природа, опора

на метафору и символ, фокус на процессе, а не результате, способность обходить психологические защиты, делают её высокопотенциальным методом для восстановления целостности «Я», развития эмоционального интеллекта, формирования навыков самоподдержки, и как следствие построения здоровых отношений. Для подтверждения данной гипотезы необходима дальнейшая организация эмпирических исследований с применением валидных психодиагностических методик. Таким образом, формулируется вывод, что роль арт-терапевтических методик в психотерапевтической работе с созависимыми людьми, в частности с женщинами, недооценена, а их потенциал недораскрыт в настоящее время.

Литература:

1. Андронникова О. О. Виктимная идентичность личности созависимого типа. Сибирский педагогический журнал. 2017. № 2, с.92–97.
2. Башманов В. В., Калиниченко О. Ю. Феномен созависимости: медико-психо-социальный аспект. Вестник новых медицинских технологий. Электронное издание. 2015. № 1. Публикация 5–3. <http://www.medsu.tula.ru/>
3. Бердичевский А. А., Падун М. А., Гагарина М. А. и др. Регуляция эмоций у лиц, находящихся в созависимых отношениях. Клиническая и специальная психология. 2021. Том 10. № 4. С. 185–204.
4. Бояринова Я. Г. Фольклорная кукла как направление арт-терапии в коррекции созависимых отношений. Журнал СОННЭТ. 2022. № 5 (69).
5. Дворникова Д. С. Метафорические ассоциативные карты Дарьи Стронг, как инструмент психолога в работе с зависимыми и созависимыми клиентами. Вестник ММА. II Научно-практическая конференция «Психология: вызовы современности». 2021. № 1. С. 62–70.
6. Ермаков П. Н., Колонова А. С., Кукуляр А. М. и др. Самоотношение созависимых женщин: психологические и генетические предикторы. Российский психологический журнал. 2025. № 22(1). С.83–99.
7. Колонова А. С., Кукуляр А. М., Денисова Е. Г. Созависимость у женщин: исследование взаимосвязи между невротическими симптомами, эмоциональной регуляцией и агрессией. Консультативная психология и психотерапия. 2025. Том 33, № 3. С. 148–170.
8. Копытин А. И. Современная клиническая арт-терапия. Учебное пособие. М.; Издательство «Когито-центр», 2015. 526 с.
9. Киселева М. В. Загадка арт-терапии, или Пробуждение внутреннего ребенка. СПб.; М.: Издательство «Речь», 2018. 80 с.
10. Комиссарова О. А. Психопрофилактика химической зависимости подростков в формате арт-терапии. Психолог. 2024. № 5. С.75–80.
11. Латарцева А. Я. Коррекция эмоциональных особенностей у женщин с разным уровнем созависимости. Современные научные исследования и инновации. 2025. № 3. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2025/03/103131>
12. Москаленко В. Д. Зависимость: семейная болезнь (11-е издание). М: Издательство Базенков И. Л., 2023. 360 с.
13. Осинская С. А. Интегративная программа психотерапии созависимых пациентов. Молодой учёный. 2015, № 5. С.575–581.
14. Осинская С. А., Кравцова Н. А. Системная детерминация созависимости: некоторые подходы к объяснению феномена». Вестник психиатрии и психологии Чувашии. 2016. Том 12. № 1. С. 42–56.
15. Старовойтов А. В. Рубежи современной арт-терапии: от теории к практике. Гуманитарные науки. 2015. № 4. С.
16. Стряпухина Ю. В., Посохова С. Т. Проблема созависимости в современных психологических исследованиях. СибСкрипт. 2025. Том 27. № 2. С.247–266. // <https://elibrary.ru/byyskj>
17. Суворова О. В., Береснева Е. В. Особенности проявления психологических защит и копинг-стратегий у разных категорий созависимых женщин. Нижегородский психологический альманах. 2019. № 1. С.357–360.
18. Уайнхолд Б., Уайнхолд Дж. Освобождение от зависимости. Издание второе, переработанное. М.: Издательство «Класс», 2019. 364 с.
19. Хазова С. А., Вариошкина Е. Н., «О самоотношении, границах и позитивном мышлении: динамика личностных особенностей созависимых женщин в процессе психокоррекционной работы». Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2022. № 1. С. 61–71.
20. Шаповалов В. В., Голенищева Е. Л. Особенности эмоциональной сферы у созависимых женщин. Norwegian Journal of development of the International Science. 2021. № 65. С.57–59.

Эпигенетическое редактирование как профилактическая стратегия: этические, правовые и научные аспекты вмешательства в механизмы трансгенерационной передачи травмы

Шумский Максим Русланович, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

Введение

Проблема трансгенерационной передачи психологической травмы занимает всё более значимое место в современной психологической науке. Накопленные за последние два десятилетия данные свидетельствуют о том, что последствия тяжёлых психотравмирующих событий не ограничиваются поколением, непосредственно пережившим травму, но могут транслироваться потомкам через эпигенетические механизмы [1, 2]. Эпигенетика изучает изменения в экспрессии генов, которые не затрагивают первичную последовательность ДНК, однако могут наследоваться и оказывать устойчивое влияние на фенотип.

Развитие технологий эпигенетического редактирования, прежде всего систем на основе CRISPR/dCas9, открывает принципиально новые возможности для целенаправленного модифицирования эпигенетических меток без изменения генетического кода [4, 5]. Это порождает дискуссию о допустимости использования подобных вмешательств в контексте профилактики трансгенерационных последствий травмы. Настоящая статья посвящена анализу научных оснований, этических дилемм и правовых рамок, связанных с потенциальным применением эпигенетического редактирования как профилактической стратегии.

1. Научные основания: эпигенетические механизмы трансгенерационной передачи травмы

1.1. Метилирование ДНК и регуляция стрессового ответа

Центральное место в исследованиях эпигенетической трансмиссии травмы занимает изучение метилирования ДНК — процесса присоединения метильных групп к цитозиновым основаниям, регулирующего транскрипционную активность генов. Классические эксперименты на животных моделях продемонстрировали, что качество материнского ухода (интенсивность вылизывания и ухода за потомством у крыс) формирует устойчивые различия в метилировании промотора гена глюкокортикоидного рецептора (NR3C1) в гиппокампе потомства [6, 7]. Потомство матерей с высоким уровнем заботы демонстрировало сниженное метилирование данного промотора, повышенную экспрессию глюкокортикоидных рецепторов и более адаптивный ответ гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковой (ГГН) оси на стресс.

Принципиальное значение для понимания трансгенерационной передачи травмы имеют исследования потомков жертв Холокоста, проведённые группой Р. Йегуды. Было установлено, что у переживших Холокост и их взрослых детей наблюдаются эпигенетические изменения в одном и том же участке гена FKBP5 (интрон 7), кодирующего ко-шаперон глюкокортикоидного рецептора, однако направленность изменений метилирования у родителей и потомков оказалась противоположной. Это наблюдение было интерпретировано как свидетельство межпоколенческой биологической аккомодации — адаптивного перепрограммирования стрессовой системы потомков в ответ на родительский травматический опыт [1, 8].

1.2. Экспериментальные модели трансгенерационной эпигенетической передачи

Убедительные данные о биологических механизмах трансгенерационной трансмиссии получены в экспериментах Б. Диаса и К. Ресслера, продемонстрировавших, что обонятельное кондиционирование страха у самцов мышей (поколение F0) приводит к усиленной чувствительности к соответствующему одоранту у потомков поколений F1 и F2, никогда не подвергавшихся воздействию данного стимула. Эти поведенческие изменения сопровождалось увеличением числа обонятельных сенсорных нейронов, специфичных к кондиционированному запаху, а также изменениями в паттернах метилирования ДНК соответствующего обонятельного рецептора в сперматозоидах [9, 10].

Взаимодействие генетической предрасположенности и средовых факторов в контексте эпигенетической уязвимости к травме было продемонстрировано на примере гена FKBP5. Функциональный полиморфизм данного гена в сочетании с детской травматизацией приводит к аллель-специфическому деметилированию в области интрона 7, что вызывает стойкую дисрегуляцию ГГН-оси и повышает риск развития посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) и депрессии во взрослом возрасте.

2. Эпигенетическое редактирование: технологические возможности и ограничения

Технология эпигенетического редактирования базируется на использовании каталитически неактивной формы белка Cas9 (dCas9), конъюгированной с эпигенетическими эффекторными доменами. В отличие от клас-

сического геномного редактирования, данный подход не вносит разрывов в цепь ДНК, а модифицирует эпигенетические метки — паттерны метилирования ДНК или ацетилирования гистонов — в строго определённых геномных локусах [4, 5]. Система dCas9-DNMT3A обеспечивает целенаправленное метилирование, тогда как dCas9-TET1 — деметилирование конкретных CpG-сайтов, обеспечивая обратимый контроль генной экспрессии.

Доказательство концепции терапевтического применения эпигенетического редактирования при психических расстройствах получено в работе С. Панди и коллег: с помощью системы dCas9-P300 было достигнуто увеличение ацетилирования гистонов в области энхансера гена *Arc* в амигдале крыс, что нормализовало экспрессию данного гена и привело к редукции тревожного поведения и чрезмерного потребления алкоголя у взрослых животных, подвергшихся воздействию алкоголя в подростковом возрасте. Обратный эксперимент — применение dCas9-KRAB для усиления репрессивного метилирования гистонов в том же локусе — вызывал тревожное поведение у контрольных животных. Эти результаты впервые демонстрируют каузальную связь между эпигенетическими модификациями и нейропсихиатрическим фенотипом, а также потенциальную обратимость патологических эпигенетических состояний.

Вместе с тем ингибиторы гистондеацетилаз (HDAC) и ингибиторы ДНК-метилтрансфераз (DNMT) рассматриваются как фармакологические средства коррекции эпигенетических нарушений при психических расстройствах, хотя их терапевтический потенциал ограничивается недостаточной специфичностью воздействия [14, 15].

3. Этические аспекты эпигенетического вмешательства

3.1. Проблема информированного согласия и автономии

Принципиальная этическая проблема эпигенетического редактирования в контексте профилактики трансгенерационной травмы связана с тем, что вмешательство потенциально затрагивает не только непосредственного реципиента, но и его потомков. Если эпигенетические модификации передаются через зародышевую линию, возникает вопрос о согласии будущих поколений, которые не могут быть участниками процесса принятия решений [16, 17]. Медицинская этика традиционно разграничивает лечение и профилактику, с одной стороны, и улучшение — с другой; применение эпигенетического редактирования для модификации стрессовой реактивности потомков размывает эту границу.

3.2. Справедливость и равный доступ

Высокая стоимость и технологическая сложность эпигенетического редактирования порождают риск усиления социального неравенства. Если доступ к превентивным

эпигенетическим вмешательствам будет ограничен экономически привилегированными группами, это может привести к формированию «эпигенетического неравенства», при котором социально уязвимые популяции — наиболее подверженные травматизации — окажутся лишены возможности воспользоваться данными технологиями [4, 17]. Всемирная организация здравоохранения и международные биоэтические комитеты подчёркивают необходимость обеспечения справедливого распределения преимуществ геномных технологий.

3.3. Безопасность и непредвиденные последствия

Несмотря на то что эпигенетическое редактирование позиционируется как более безопасная альтернатива генетическому редактированию ввиду отсутствия разрывов ДНК, остаются нерешёнными вопросы о нецелевых эффектах, долгосрочной стабильности внесённых модификаций и потенциальных плейотропных последствиях изменения метилирования отдельных локусов [4, 5]. Эпигенетические изменения являются наследуемыми, но при этом обратимыми, что размывает границу между транзитной адаптацией и устойчивой модификацией, создавая неопределённость в оценке долгосрочных рисков.

4. Правовое регулирование

Международно-правовая база регулирования генетических и эпигенетических вмешательств формируется рядом ключевых документов. Всеобщая декларация ЮНЕСКО о геноме человека и правах человека определяет геном человека как «достояние человечества» и устанавливает, что вмешательства в геном допустимы исключительно в профилактических, диагностических или терапевтических целях, без внесения наследуемых модификаций. Статья 13 Конвенции Совета Европы о защите прав человека и достоинства человеческого существа в связи с применением биологии и медицины прямо запрещает вмешательства, направленные на внесение любых модификаций в геном потомков.

Однако правовой статус эпигенетических модификаций остаётся неоднозначным: существующие нормативные акты формулировались применительно к изменениям последовательности ДНК и не учитывают специфику эпигенетических модификаций, которые формально не затрагивают генетический код [16, 17]. Ряд исследователей указывает на необходимость разработки отдельной нормативной базы для эпигенетических вмешательств, учитывающей их обратимый характер и отличие от классического геномного редактирования [17, 20].

В Российской Федерации правовое регулирование технологий редактирования генома остаётся на стадии формирования. Действующее законодательство не содержит специальных норм, регламентирующих эпигенетическое редактирование, а существующие правовые рамки нуждаются в адаптации с учётом развития технологий CRISPR.

Высказываются предложения о создании специализированного Этико-правового комитета на уровне Правительства РФ для координации решения этических и правовых вопросов в данной области.

Заключение

Технологии эпигенетического редактирования открывают беспрецедентные перспективы для вмешательства в механизмы трансгенерационной передачи травмы. Экспериментальные данные подтверждают принципиальную возможность целенаправленной модификации эпигенетических меток, ассоциированных с дисрегуля-

цией стрессового ответа, и обратимости патологических эпигенетических состояний. Вместе с тем реализация профилактического потенциала данных технологий требует решения комплекса научных, этических и правовых задач: обеспечения безопасности и специфичности вмешательств, разработки механизмов защиты прав будущих поколений, формирования адекватной нормативной базы и обеспечения справедливого доступа к технологиям. Междисциплинарный диалог между психологами, генетиками, биоэтиками и правоведами представляется необходимым условием ответственного внедрения эпигенетического редактирования в практику профилактики психологической травматизации.

Литература:

1. Yehuda, R. Holocaust Exposure Induced Intergenerational Effects on FKBP5 Methylation / R. Yehuda, N. P. Daskalakis, L. M. Bierer [и др.] // *Biological Psychiatry*. — 2016. — Т. 80, № 5. — С. 372–380. — DOI: 10.1016/j.biopsych.2015.08.005. — URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/26410355/>
2. Mechanisms of Epigenetic Inheritance in Post-Traumatic Stress Disorder / T. C. Ng, M. H. Y. Chng, T. Y. Low [и др.] // *World Journal of Psychiatry*. — 2024. — Т. 14, № 1. — С. 42–52. — DOI: 10.5498/wjp.v14.i1.42. — URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC10817356/>
3. Epigenetic Echoes: Bridging Nature, Nurture, and Healing Across Generations / N. Bartolini, S. Scarsella, A. V. Gadda [и др.] // *International Journal of Molecular Sciences*. — 2025. — Т. 26, № 7. — С. 3100. — URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC11989090/>
4. Marei, H. E. Epigenetic Editing in Neurological and Neuropsychiatric Disorders: Pioneering Next-Gen Therapeutics for Precision Gene Control / H. E. Marei // *Molecular Neurobiology*. — 2026. — Т. 63, № 1. — С. 330. — DOI: 10.1007/s12035-025-05590-1. — URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC12743672/>
5. Exploring the Ethical Puzzle of Epigenome Editing / N. Zeps [и др.] // *CRISPR Medicine News*. — 2025. — URL: <https://crisprmedicineneeds.com/news/exploring-the-ethical-puzzle-of-epigenome-editing/>
6. Weaver, I. C. G. Epigenetic programming by maternal behavior / I. C. G. Weaver, N. Cervoni, F. A. Champagne [и др.] // *Nature Neuroscience*. — 2004. — Т. 7, № 8. — С. 847–854. — DOI: 10.1038/nn1276. — URL: <https://www.nature.com/articles/nn1276>
7. Szyf, M. Maternal programming of steroid receptor expression and phenotype through DNA methylation in the rat / M. Szyf, I. C. G. Weaver, F. A. Champagne [и др.] // *Frontiers in Neuroendocrinology*. — 2005. — Т. 26, № 3–4. — С. 139–162. — DOI: 10.1016/j.yfrne.2005.10.002. — URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/16303171/>
8. Yehuda, R. Influences of maternal and paternal PTSD on epigenetic regulation of the glucocorticoid receptor gene in Holocaust survivor offspring / R. Yehuda, N. P. Daskalakis, A. Lehrner [и др.] // *American Journal of Psychiatry*. — 2014. — Т. 171, № 8. — С. 872–880. — DOI: 10.1176/appi.ajp.2014.13121571. — URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC4127390/>
9. Dias, B. G. Parental olfactory experience influences behavior and neural structure in subsequent generations / B. G. Dias, K. J. Ressler // *Nature Neuroscience*. — 2014. — Т. 17, № 1. — С. 89–96. — DOI: 10.1038/nn.3594. — URL: <https://www.nature.com/articles/nn.3594>
10. Epigenetic Inheritance of Trauma Across Generations / *OxJournal*. — 2025. — URL: <https://www.oxjournal.org/epigenetic-inheritance-of-trauma-across-generations/>
11. Klengel, T. Allele-specific FKBP5 DNA demethylation mediates gene–childhood trauma interactions / T. Klengel, D. Mehta, C. Anacker [и др.] // *Nature Neuroscience*. — 2013. — Т. 16, № 1. — С. 33–41. — DOI: 10.1038/nn.3275. — URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/23222911/>
12. Moreno, B. CRISPR epigenome editor offers potential gene therapies for neurological disorders / B. Moreno // *ASBMB Today*. — 2025. — URL: <https://www.asbmb.org/asbmb-today/science/042525/crispr-epigenome-editor-treat-neuro-disorders>
13. Pandey, S. C. Targeted epigenomic editing ameliorates adult anxiety and excessive drinking after adolescent alcohol exposure / S. C. Pandey [и др.] // *Science Advances*. — 2022. — Т. 8, № 18. — DOI: 10.1126/sciadv.abn2748. — URL: <https://www.science.org/doi/10.1126/sciadv.abn2748>
14. Abel, T. Epigenetic targets of HDAC inhibition in neurodegenerative and psychiatric disorders / T. Abel, R. S. Zukin // *Current Opinion in Pharmacology*. — 2008. — Т. 8, № 1. — С. 57–64. — DOI: 10.1016/j.coph.2007.12.002. — URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC2405764/>

15. Machado-Vieira, R. Histone Deacetylases and Mood Disorders: Epigenetic Programming in Gene-Environment Interactions / R. Machado-Vieira, L. Ibrahim, C. A. Zarate // *CNS Neuroscience & Therapeutics*. — 2011. — Т. 17, № 6. — С. 699–704. — DOI: 10.1111/j.1755-5949.2010.00203.x. — URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC3026916/>
16. Biswas, I. Ethical dimensions and societal implications: ensuring the social responsibility of CRISPR technology / I. Biswas // *Frontiers in Genome Editing*. — 2025. — Т. 7. — DOI: 10.3389/fgeed.2025.1593172. — URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC12405698/>
17. Van Beers, B. C. Rewriting the human genome, rewriting human rights law? Human rights, human dignity, and human germline modification in the CRISPR era / B. C. van Beers // *Journal of Law and the Biosciences*. — 2020. — Т. 7, № 1. — DOI: 10.1093/jlb/ljaa006. — URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC8248990/>
18. Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека: принята 11 ноября 1997 г. на 29-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО. — URL: <https://www.unesco.org/en/legal-affairs/universal-declaration-human-genome-and-human-rights>
19. Конвенция о защите прав человека и достоинства человеческого существа в связи с применением биологии и медицины (Овьедская конвенция): принята 4 апреля 1997 г. Советом Европы. — Ст. 13. — URL: <https://www.geneticsandsociety.org/biopolitical-times/european-convention-continues-ban-germline-editing>
20. Пестрикова, А. А. Правовое регулирование генетического редактирования в клинической практике: проблемы и перспективы / А. А. Пестрикова // *Медицинское право*. — 2023. — № 2. — С. 18–23. — URL: <https://lawinfo.ru/articles/2439/>

СОЦИОЛОГИЯ

Социальное служение как высшая форма проявления просоциальной направленности личности специалиста по социальной работе

Комарницкая Анна Сергеевна, студент магистратуры

Приазовский государственный технический университет — филиал Национального исследовательского
Московского государственного строительного университета (г. Мариуполь)

В статье автор анализирует феномен социального служения в контексте просоциальной направленности личности специалиста помогающих профессий. На основе интеграции философских, психологических и педагогических подходов обосновывается вывод о необходимости формирования идеологии взаимопомощи через медиастратегии.

Ключевые слова: социальное служение, просоциальная направленность, социальная работа, помогающие профессии.

В современной социогуманитарной парадигме наблюдается устойчивый рост исследовательского интереса к феномену просоциальной направленности личности. Как справедливо отмечает М. Р. Илакавичус, в отечественной культурно-исторической традиции профессии врача, учителя, воина, полицейского, спасателя относятся к профессиям служения [1]. Это означает, что для полноценной самореализации в них человеку необходимо преодолевать эгоизм и потребительство, осваивать ценности самопожертвования и сострадания. Вместе с тем трансформация ценностных основ общественной жизни в постперестроечный период, отказ от приоритета воспитания в процессе образования привели к неоднозначному принятию молодыми гражданами современной государственной стратегии, нацеленной на духовно-нравственное развитие.

В секулярной философской мысли фундаментальный поворот совершил И. Кант, обосновавший автономию нравственного закона. Противопоставляя природосообразность и чувство долга, он утверждал, что высшая моральная ценность заключается в поступках, совершенных из уважения к моральному закону: «Именно с благотворения не по склонности, а из чувства долга и начинается моральная и вне сравнения высшая ценность характера» [2, с. 18]. Таким образом, философско-теологическая рефлексия закрепила за служением статус высшей этической категории.

Современные исследователи расширяют это понимание. А. В. Мырнин определяет служение как «бескорыстную, общественно ценную внутреннюю позицию, поведение и деятельность человека по выполнению своих профессиональных и общественных функций» [3, с. 22]. М. В. Моисеенко верно отмечает: «Служение — с одной

стороны, явление не массовое, но, с другой, как свидетельствует история, и не только российской, людей, посвящающих жизнь Служению в различных областях науки, искусства и других сферах, не так уж и мало. И свидетельство тому — многочисленные подвиги рядовых людей, о которых мы ежедневно узнаем из СМИ» [4, с. 3].

В методическом пособии «Обучение служением» выделяются четыре основных направления: благотворительная деятельность, добровольческая (волонтерская) деятельность, миротворческая деятельность, правозащитная деятельность. Все многообразие сводится к двум формам: удовлетворению потребности человека и взаимодействию с социально-ориентированными организациями [5, с. 12]. По субъекту деятельности можно выделить несколько видов: профессиональное служение, гражданское служение, волонтерское служение, благотворительность, духовное служение. М. Г. Дорофеева подчеркивает, что «социальное служение, активно развиваемое религиозными организациями, является исторически первой формой организованной помощи и сегодня выступает важным направлением социальной работы, дополняя государственные системы поддержки» [6, с. 14].

Как справедливо отмечает Н. В. Кухтова, профессиональная деятельность специалистов «помогающих» профессий (психологов, социальных работников, медицинских работников, сотрудников МЧС и правоохранительных органов) базируется на просоциальности. В результате проведенного эмпирического исследования на выборке из 1531 специалиста автором были не только подтверждены содержательно-функциональные компоненты (мотивационный, когнитивный, эмоциональный и поведенческий), но и содержательно наполнены каждый из них. Например, мотивационный компонент был пред-

ставлен как эмоционально-нормативный и взаимно-альтруистический, а поведенческий включал социальную нормативность, взаимовыгодную меновость и публичную активность [7].

В отличие от формального выполнения обязанностей, служение предполагает ценностно мотивированную вовлеченность. Социальный работник, руководствующийся принципом служения, готов к эмоциональным затратам и настойчивости в интересах клиента, даже когда бюрократические процедуры создают препятствия. Это качество отличает профессионала, видящего в клиенте личность, от технолога, воспринимающего его как «случай». «Ценностно-мотивационная основа социальной работы, выстроенная на идее служения, трансформирует профессиональную деятельность из «работы за зарплату» в осмысленную практику, что напрямую влияет на качество услуг» [8, с. 288]. Служение становится профессиональной «аскезой», требующей этического самоанализа и личностного роста.

Смысл служения, как подчёркивается в учебнике «Обучение служением», заключается в любви к ближнему, в стремлении помочь другому, сотворить добро. Главное предназначение служения — делать мир добрее, изменяясь самому, оказывать помощь в трансформации мира другим [9, с. 7]. М. Р. Илакавичус предлагает в качестве методологии исследования профессиональной культуры представителей профессий служения гуманитарно-антропологический подход. Согласно данному подходу, спо-

собом профессионального воспитания выступают антропопрактики, а средой — событийное сообщество, в рефлексивной среде которого происходит осмысление текстов культуры, описывающих жизнестроение деятелей, ориентированных её ценностями [1, с. 89]. Автор также выделяет риски реализации данного подхода, связанные с неумением современных молодых людей осуществлять текстовую работу, потерей мотивации, отказом от понимания профессии как способа самореализации на всю жизнь. Вместе с тем, именно гуманитарно-антропологический подход позволяет организовывать условия для развития ценностно-смысловой сферы будущих представителей профессий служения.

Подводя итог проведённому анализу, можно сделать следующие выводы. Во-первых, служение является высшей формой проявления просоциальной направленности, интегрирующей мотивационные, когнитивные, эмоциональные и поведенческие компоненты личности. Во-вторых, для социальной работы служение выступает не просто желаемой, а сущностной характеристикой профессионала. В-третьих, выстраивание стратегии продвижения социального служения в средствах массовой информации должно стать приоритетной задачей для массового формирования сознания взаимопомощи, что послужит вспомогательной идеей для социальной работы, снижая риск профессионального выгорания специалистов и создавая благоприятную среду для реализации их просоциальной направленности.

Литература:

1. Илакавичус М. Р. Гуманитарно-антропологический подход как основа организации профессионального воспитания представителей профессий служения // Научно-педагогическое обозрение. 2023. Вып. 3 (49). С. 86–93. URL: <https://clck.ru/nYILS> (дата обращения: 04.05.2026).
2. Кант И. Основы метафизики нравственности. М.: Мультимедийное издательство Стрельбицкого, 2022. 112 с.
3. Мымрин А. В. Психология служения: традиции и современность // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2017. № 2. С. 21–27. URL: <https://vestnik-rosnou.ru/sites/default/files/21-27.pdf> (дата обращения: 04.05.2026).
4. Моисеенко М. В. Нравственный феномен Служения // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2017. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nravstvennyy-fenomen-sluzheniya> (дата обращения: 04.05.2026).
5. Обучение служением: Методическое пособие / Под редакцией О. В. Решетникова, С. В. Тетерского. М.: АБИЦ, 2020. 216 с. URL: <http://edunyagan.ru/files/Metodicheskoe-posobie-Obuchenie-sluzheniem-Prilogenie2.pdf> (дата обращения: 04.05.2026).
6. Дорофеева М. Г. Социальное служение как направление социальной работы // Вестник Омской Православной Духовной Семинарии. 2021. № 2 (11). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-sluzhenie-kak-napravlenie-sotsialnoy-raboty> (дата обращения: 04.05.2026).
7. Кухтова Н. В. Структурные компоненты просоциальной личности специалистов, ориентированных на оказание помощи // Психология человека в образовании. 2021. Т. 3, № 3. С. 273–287. DOI: 10.33910/2686-9527-2021-3-3-273-287. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strukturnye-komponenty-prosotsialnoy-lichnosti-spetsialistov-orientirovannyh-na-okazanie-pomoschi> (дата обращения: 04.05.2026).
8. Титор С. Е. Социальное служение как идеологическая основа социальной работы // Вестник университета. 2025. № 11. С. 281–291. URL: <https://vestnik.guu.ru/jour/article/view/6634/3538> (дата обращения: 04.05.2026).
9. Обучение служением: учебник / С. И. Самыгин, Л. Д. Столяренко, М. А. Суржиков [и др.]. — Москва: КноРус, 2024. — 442 с. URL: <https://book.ru/book/950544> (дата обращения: 04.05.2026).

Социальные детерминанты наркотизма: бедность, безработица и социальная изоляция

Копцова Елизавета Вячеславовна, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

В статье на основе работ российских и зарубежных авторов анализируются социальные детерминанты наркотизма как комплексного явления, включающего наркоманию и незаконный оборот наркотиков. Ключевые факторы: бедность и безработица, толкающие уязвимые слои к употреблению и вовлекающие молодежь в наркобизнес; социальная изоляция в тюрьмах и среди пожилых людей; влияние семьи, сверстников и массовой культуры. Рассматриваются условия, способствующие наркобизнесу: коррупция, неэффективность уголовно-правовых мер и высокая латентность преступности. Делается вывод о системном характере детерминант, требующем не только репрессивных мер, но и комплексной социальной политики — снижения бедности, создания рабочих мест, ресоциализации и поддержки семьи.

Ключевые слова: социальные детерминанты, наркотизм, наркомания, незаконный оборот наркотиков, бедность, безработица, социальная изоляция, депривация, семья, криминальная субкультура, доступность наркотиков.

Social determinants of drug use: poverty, unemployment, and social isolation

Based on an analysis of theoretical and empirical studies by Russian and foreign authors, this article examines the social determinants of drug abuse as a complex phenomenon encompassing both non-medical drug use and illicit drug trafficking. Key factors include poverty and unemployment, which push vulnerable groups toward drug use while recruiting youth into drug trafficking; social isolation within prisons and among the elderly; and the influence of family, peers, and mass culture. Conditions facilitating drug trafficking are also considered: corruption, insufficient effectiveness of criminal legal measures, and a high level of latent crime. The conclusion highlights the systemic nature of these determinants, requiring not only repressive law enforcement measures but also a comprehensive social policy — poverty reduction, job creation, resocialization of vulnerable groups, and support for the family institution.

Keywords: social determinants, drug abuse, drug addiction, drug trafficking, poverty, unemployment, social isolation, deprivation, family, criminal subculture, and drug availability.

Проблема наркотизма в современном российском обществе не может быть сведена ни к индивидуальной патологии отдельного потребителя, ни к действиям изолированных преступных групп. Под наркотизмом в криминологии и социологии понимается сложное социальное явление, охватывающее две неразрывно связанные стороны: с одной стороны, немедицинское потребление наркотических средств и психотропных веществ (наркоманию), с другой стороны, их незаконный оборот, то есть производство, сбыт, хранение и транспортировку.

Эти два полюса находятся в постоянном взаимодействии, поскольку, как совершенно справедливо отмечает В. В. Денисович, вся цепочка незаконного оборота, знакомая каждому еще со школы «Производство — Распределение — Обмен — Потребление», упирается в конечного потребителя, иными словами, спрос рождает предложение. Однако и сам спрос, и предложение формируются под воздействием глубинных социальных процессов, среди которых ключевое место занимают бедность, безработица и социальная изоляция.

Более того, как показано в работах Э. Ф. Ахметшиной и А. Т. Акматовой, к этим базовым детерминантам необходимо добавить семейное неблагополучие, влияние криминальной субкультуры и доступность наркотиков как следствие социально-экономической деградации опре-

деленных территорий. Таким образом, социальные детерминанты наркотизма носят системный и многоуровневый характер, действуя как на уровне макроэкономики и социальной политики, так и на уровне микросреды конкретной семьи или уличной группы.

Наиболее очевидной и часто цитируемой детерминантой выступает экономическое неблагополучие, а именно бедность и безработица.

Анализируя объективные причины преступности, Денисович относит к ним прежде всего социальные противоречия, среди которых экономический кризис занимает первое место. Э. Ф. Ахметшина конкретизирует этот тезис применительно к наркотизму, указывая, что низкий уровень дохода и бедность могут способствовать увеличению употребления наркотиков, поскольку наркозависимость становится для значительной части населения формой бегства от сложной и травматичной реальности.

В регионах с высокой безработицей, отсутствием социальных лифтов и перспектив экономического роста проблема употребления психоактивных веществ стоит особенно остро, причем, как ни парадоксально, в обеспеченных слоях общества также наблюдается рост потребления, хотя уже по иным причинам, связанным с высоким уровнем стресса и ответственности. Однако наиболее ярко связь экономики и наркотизма проявляется не

столько в сфере потребления, сколько в сфере незаконного оборота.

Денисович прямо указывает на то, что значительная часть молодых людей, совершающих наркопреступления, становятся на этот путь именно в силу того, что вынуждены искать любые дополнительные доходы при отсутствии легального и достойного заработка. Установление «закладок» кажется им быстрым и хорошо оплачиваемым занятием, а криминальные сообщества, в свою очередь, активно вербуют таких социально неадаптированных молодых людей, предлагая им иллюзию легких денег. Иная категория молодых преступников, напротив, сама является наркозависимой и получает плату за свои услуги в натуральной форме, то есть непосредственно наркотиками. Тем самым бедность не просто толкает человека к потреблению как к способу эскапизма, но и формирует кадровый резерв для наркобизнеса, замыкая круг, в котором жертва социальной депривации становится одновременно и агентом распространения зависимости [2].

Если бедность является мощным, но все же внешним, экономическим фактором, то социальная изоляция представляет собой психосоциальную детерминанту, действующую на уровне личности и ее непосредственного окружения. Наиболее радикальная форма изоляции, разумеется, связана с местами лишения свободы, и здесь Денисович приводит поистине пугающую статистику, пятая часть всех наркоманов становятся таковыми именно в тюрьмах и колониях. Механизм этого явления раскрывается через анализ условий изоляции: заключенный оказывается отрезанным от общества, утрачивает представление о каком-либо будущем после освобождения, лишается привычных социальных связей и, что критически важно, погружается в криминальную субкультуру, которая не просто популяризирует наркотики, но и делает их важнейшим элементом внутренней иерархии, средством платежа и способом снятия психологического напряжения.

Отсутствие должной организации досуга, спортивных и культурных мероприятий внутри учреждений уголовно-исполнительной системы лишь усугубляет ситуацию. При этом наркотизация в местах лишения свободы имеет долгосрочные последствия: человек, вышедший на свободу с уже сформированной зависимостью, с высокой вероятностью либо продолжает потребление, либо, что еще опаснее, вовлекается в оборот, поскольку иного способа существования и поддержания связи с криминальной средой он не знает [1].

Особого внимания заслуживает вопрос о преступных сообществах и организованных формах наркотизма, поскольку именно они обеспечивают масштабный, промышленный оборот наркотиков. Денисович определяет преступное сообщество как структурированную организованную группу, созданную для совместного совершения тяжких преступлений с целью получения финансовой выгоды. Незаконный оборот наркотиков

приносит огромные, сопоставимые с бюджетами малых государств доходы, что само по себе является мощнейшей детерминантой существования таких сообществ. Однако помимо чисто экономического стимула, авторы выделяют целый комплекс социальных условий, благоприятствующих деятельности организованной наркопреступности.

Это, во-первых, недостаточная эффективность уголовно-правовых мер, которая выражается как в несовершенстве законодательства, так и в коррумпированности правоохранительной системы. Во-вторых, это относительная легкость последующего отмывания преступных доходов, что позволяет наркоденегам легализовываться и инвестироваться в легальный бизнес. В-третьих, это, как ни странно, высокая латентность наркопреступности, обусловленная страхом жертв и свидетелей перед преступниками, а также определенной толерантностью населения к наркотикам в депрессивных и криминализованных сообществах.

Наконец, продолжением групповой наркопреступности стал незаконный оборот наркотиков в сети Интернет, который, как указывает Денисович, развивается благодаря повсеместной доступности Сети, упрощению доступа к ней и невозможности эффективно блокировать пронаркотические ресурсы на фоне постоянного появления новых сайтов и каналов в мессенджерах. Интернет, таким образом, выступает не просто техническим средством, а самостоятельной социальной детерминантой — пространством, в котором снимаются территориальные ограничения, минимизируется физический контакт между сбытчиком и покупателем, а сам процесс приобретения наркотиков становится максимально удобным, анонимным и, что особенно опасно для молодежи, рутинизированным, лишенным той стигматизации, которая была характерна для уличных покупок [3].

Таким образом, проведенный анализ позволяет утверждать, что социальные детерминанты наркотизма образуют сложную, многоуровневую и самовоспроизводящуюся систему. На макроуровне бедность и безработица создают общий фон социальной фрустрации, подталкивая людей к потреблению как к форме эскапизма и к участию в незаконном обороте как к вынужденному способу выживания. На мезоуровне социальная изоляция, будь то тюремное заключение или маргинализация пожилых людей, разрушает психологические защиты и социальные связи, делая наркотик едва ли не единственным доступным средством снятия напряжения и обретения иллюзии комфорта. На микроуровне семейное неблагополучие, давление сверстников, романтизация наркотиков в массовой культуре и их высокая доступность формируют конкретные поведенческие установки и провоцируют первые пробы. Криминальные сообщества и организованная преступность, в свою очередь, используют эту социальную почву для извлечения сверхприбылей, одновременно консервируя и углубляя социальную деградацию на пораженных территориях.

Из всего сказанного следует принципиальный вывод: борьба с наркотизмом как социальным явлением не может быть сведена к репрессивным мерам, ужесточению уголовного законодательства и точечным полицейским операциям. Пока в обществе сохраняются высокий уровень бедности, массовая безработица, социальная изоляция уязвимых групп (заключенных, пожилых, социальных аутсайдеров), разрушение института семьи и низкая эффективность государственных институтов, любые антинаркотические кампании будут давать лишь временный и локальный эффект. Подлинное снижение уровня наркотизма требует комплексной со-

циальной политики, направленной на создание рабочих мест, преодоление депривации, ресоциализацию лиц, вышедших из мест лишения свободы, поддержку семей, находящихся в трудной жизненной ситуации, и формирование в обществе через систему образования и культуры устойчивых антинаркотических установок, способных противостоять как романтизации наркотиков, так и их повседневной доступности. Только разрывая порочные круги социальных детерминант, можно рассчитывать на долгосрочное и устойчивое снижение масштабов как потребления, так и незаконного оборота наркотических средств.

Литература:

1. Акматова А. Т. Социальные и психологические факторы, влияющие на употребление наркотиков среди молодежи: анализ современного общества // Бюллетень науки и практики. — 2024. — Т. 10. — № 11. — С. 367–373.
2. Ахметшина Э. Ф. Влияние социальных факторов на распространение наркотических средств / Э. Ф. Ахметшина // Тихоокеанский государственный университет, Юридический факультет. — Хабаровск, 2024.
3. Денисов В. В. Детерминанты преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ / В. В. Денисов // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. — 2021. — Т. 6, вып. 1. — С. 34–37.
4. Позднякова М. Е. Трансформация моделей наркопотребления в Российской Федерации в условиях распространения коронавирусной инфекции / М. Е. Позднякова, В. В. Брюно // Вестник Института социологии. — 2022. — Т. 14. — № 4. — С. 192–216.

The influence of professional sports on students' motivation and academic performance

Paykova Kseniya Olegovna, master's student;
Roganina Sofiya Dmitriyevna, master's student
Tyumen Industrial University

The article explores how participation in sports events and professional sports activities influence students' motivation for studying, their academic performance, and overall satisfaction with the learning process. Factors such as the level of physical activity, participation in team and individual sports, and their influence on learning are analyzed. The research shows that sports can stimulate academic motivation, increase concentration, and help students better cope with stress. However, possible negative aspects, such as overload and lack of time for studying due to intensive training, are also discussed.

Keywords: motivation, students, education, professional sports, performance, types of sports.

Влияние занятий профессиональным спортом на мотивацию и успеваемость студентов

Пайкова Ксения Олеговна, студент магистратуры;
Роганина София Дмитриевна, студент магистратуры
Тюменский индустриальный университет

Статья исследует, как участие в спортивных мероприятиях и занятия профессиональным спортом влияют на уровень мотивации студентов к учебе, их академическую успеваемость и общую удовлетворенность учебным процессом.

Анализируются факторы, такие как уровень физической активности, участие в командных и индивидуальных видах спорта, и их влияние на обучение, исследование показывает, что спорт может стимулировать учебную мотивацию.

ваацию, увеличивать концентрацию и помогать студентам лучше справляться со стрессом. Однако также обсуждаются и возможные негативные стороны, такие как перегрузка и недостаток времени для учебы из-за интенсивных тренировок

Ключевые слова: мотивация, студенты, обучение, профессиональный спорт, успеваемость, виды спорта.

Currently, many students engage in professional sports while not forgetting about their academic responsibilities. However, the question arises as to how professional sports influence students' motivation and academic performance. Every year, there is an increasing emphasis on the importance of physical activity and sports as a means of maintaining health, improving quality of life, and fostering personal development. Examining this issue helps to understand how professional sports can affect students' academic outcomes.

Professional sports can undoubtedly have a significant impact on the quality of students' academic performance. They can stimulate the development of self-discipline, goal-orientation, perseverance, and diligence — skills that are useful not only in sports but also in academics. On the other hand, the high demands and workloads associated with sports can distract from studies and worsen academic performance.

However, it is necessary to understand that each student is individual, and their ability to balance sports and academics can vary significantly. Some students find it easy to find time and energy for both sports and studies, while others may struggle to maintain this balance.

A lack of time for studying can lead to a decline in motivation and academic performance. Students who constantly feel a shortage of time due to sports may begin to fall behind in their studies, which can ultimately affect their academic performance, serving as a catalyst for stress and fatigue — both of which negatively impact a student's ability to absorb material. Therefore, it is important for students to be aware of their individual characteristics and to be able to find a balance between sports and academics. This may include time planning, setting priorities, making effective use of free time, and seeking help from teachers or coaches.

Thus, the balance between sports and academics is a key element of a student's healthy lifestyle. Understanding one's own needs and abilities, as well as being able to properly allocate time and energy between sports and studies, will help students achieve success in both academics and sports.

According to M. V. Antropov, the effectiveness of training and sports performance immediately after prolonged and intense mental activity is significantly reduced. In turn, physical loads that are inadequate to the body's functional capabilities may temporarily reduce brain performance — a factor that must be considered in the training schedules of students and knowledge workers in general. At the same time, short-term physical loads of maximum intensity increase attention and memory, which peak 2–2.5 hours after physical exertion and then gradually return to baseline levels (G. D. Gorbunov, 1965). As shown by studies by I. Y. Petrushevsky (1963), systematic physical training significantly improves mental performance both under normal conditions (without additional physical loads) and under conditions of physical exertion [1].

A. A. Ionov, in his work, points out that from the perspective of physiological processes, motor activity plays an important role in creating favorable conditions for human mental activity. It acts as a means of relieving negative emotional impacts and mental fatigue, and therefore as a factor stimulating intellectual activity. As a result of physical exercise, cerebral blood flow improves, and mental processes responsible for perceiving, processing, and reproducing information are activated. For instance, numerous data indicate that physical exercise increases memory capacity, enhances attention stability, accelerates the solving of elementary intellectual tasks, and speeds up visual-motor reactions [3].

Overall, the research of these authors shows that participation in sports events and professional sports activities can stimulate academic motivation, increase concentration, and help students better cope with stress. However, it is necessary to consider possible negative aspects, such as overload and lack of time for studying due to intense training.

In order to study the motivation of professional athletes toward learning, a study was conducted in which university students were given a questionnaire survey aimed at identifying the influence of professional sports on students' motivation and learning ability, with the goal of determining possible strategies for improving academic performance and motivation among student-athletes.

To achieve this goal, the following tasks were set:

- to determine the level of motivation for learning among professional athletes;
- to identify how professional sports affect students' academic performance and motivation;
- to investigate how professional sports influence the distribution of time and effort between studies and sports training/competitions;
- to study the impact of sports achievements or completed training sessions on the level of motivation and effort students put into their academic activities.

Thus, the general population of this sociological study consists of 1st–4th year students studying at the university.

The gender ratio of the survey respondents (Fig. 1) was 39 % female to 61 % male.

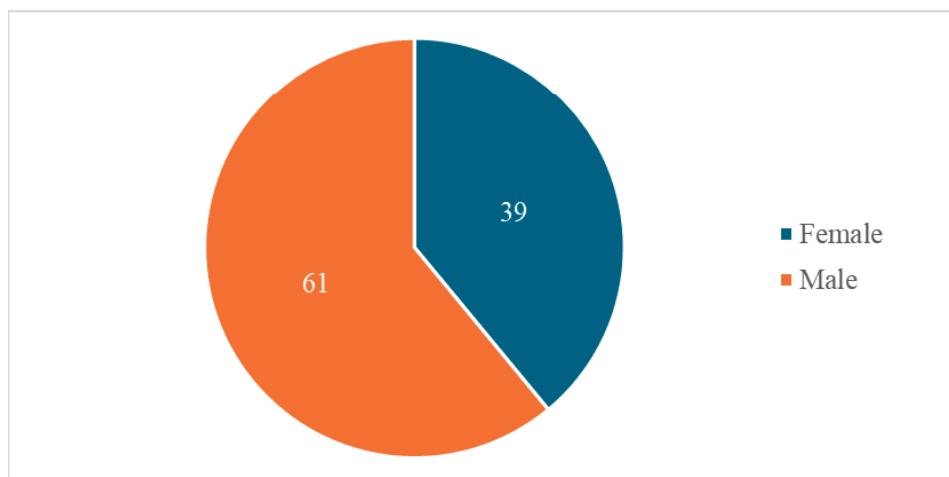

Fig. 1. Distribution of respondents by gender

The largest number of respondents belongs to the age group of 17 to 20 years (Fig. 2).

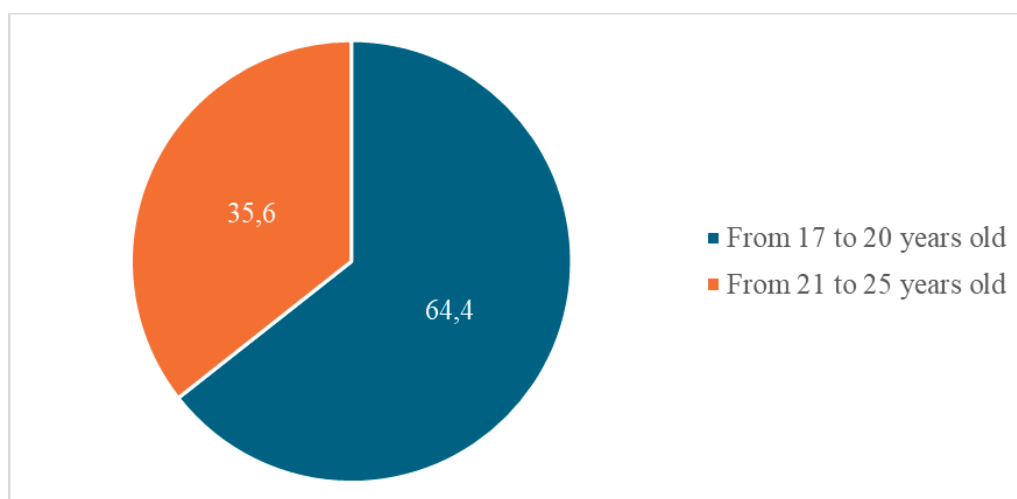

Fig. 2. Distribution of respondents by age

It can also be noted that the majority of students are studying in the bachelor's degree program — 59.3 % (Fig. 3).

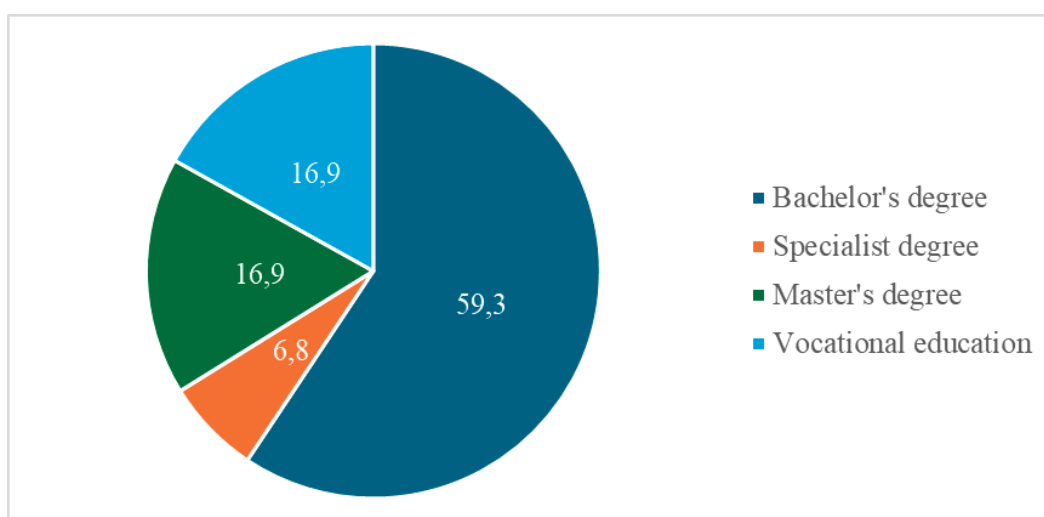

Fig. 3. Distribution of respondents by form of study

Research results:

To address the research objectives, a questionnaire consisting of 11 questions was developed.

To the question: «How often do you attend training sessions?» The largest number of respondents (32 %) answered that they attend training sessions 1–2 times a week. 30.5 % of respondents said that they attend training sessions 4 times a week. The remaining respondents were evenly split — 20.3 % (attend training sessions 6 times a week and 3 times a week) (Fig. 4).

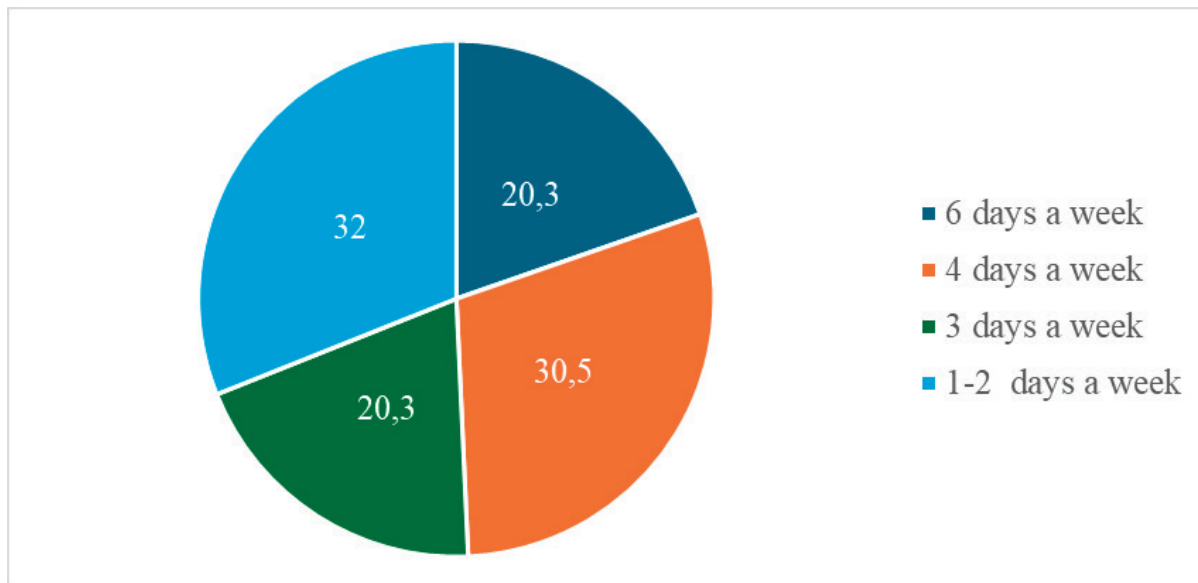

Fig. 4. Distribution of respondents by weekly training attendance

To the second question: «How often do you attend classes?» the majority (47.5 %) of respondents answered that they do not miss classes. 33.9 % miss 1–2 classes per week, 13.6 % miss more than 5 classes per week, and 5 % do not attend classes at all (Fig. 5).

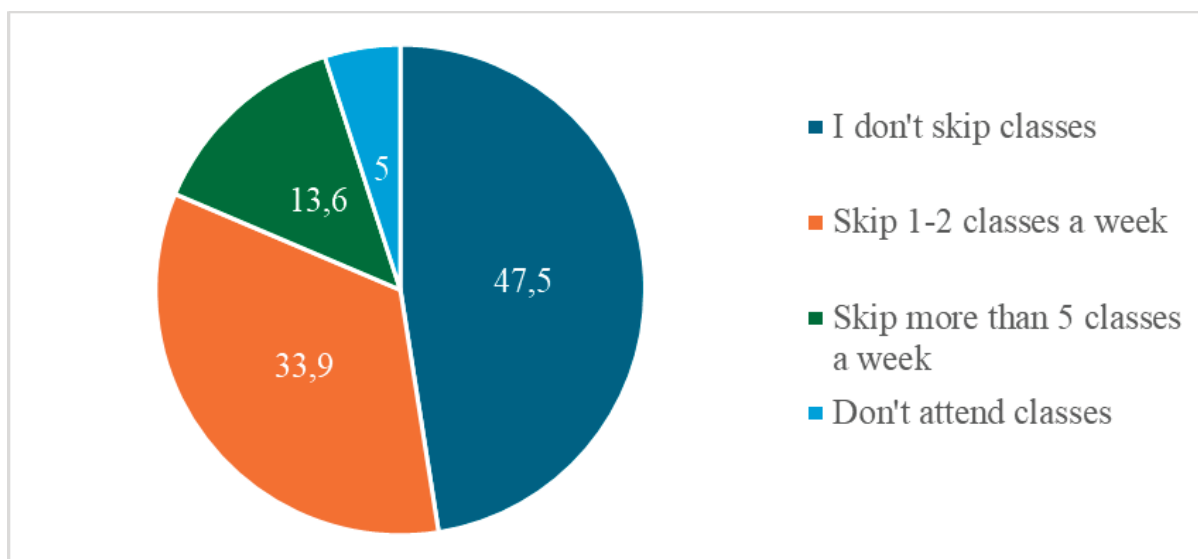

Fig. 5. Distribution of respondents by weekly class attendance

Based on figures 1.4 and 1.5, it can be concluded that the majority of respondents attend training sessions 1–4 times per week, with the largest number of respondents attending training 1–2 times per week. However, when it comes to class attendance, the majority of respondents do not miss classes, which may indicate a higher level of motivation and responsibility regarding academic performance. Overall, respondents engage in sports quite regularly but have different approaches to attending training sessions and classes.

The next question was aimed at assessing the influence of professional sports on academic motivation. The majority of respondents (61.5 %) answered that playing sports motivates them to set goals and achieve them both in sports and in academics. 47.7 % answered that they plan their schedule in such a way as to devote enough time to both studies and training. The remaining respondents were split evenly — 36.6 % chose the answer options «Yes, professional sports can help me develop leadership skills, learn to work in a team, and develop perseverance — all of which can be useful in my future career» and «Sometimes fatigue can affect my concentration and study efficiency, but I try to rest and exercise regularly to maintain balance». 10 % answered that coaches and the team always support them in their studies and understand that this is also important for a sports career.

From the above, it can be concluded that the majority of respondents believe that playing sports motivates them to set goals and achieve them both in sports and in academics. They also plan their schedule to devote enough time to both studies and training. Some respondents see professional sports as an opportunity to develop leadership skills, learn to work in a team, and develop perseverance, which can be useful in their future career. It is also noted that coaches and the team provide support in academic matters and understand their importance for a sports career. Overall, it can be said that professional sports have a positive impact on academic motivation and personal development (Fig. 6).

Fig. 6. Distribution of respondents by the influence of professional sports on academic motivation

The fourth and fifth questions were aimed at determining what sports the respondents engage in and what ranks they hold. The most popular sports among students are volleyball (27.3 %), swimming (20 %), and basketball (17.2 %). The majority of students hold the 2nd adult rank (25 %) and the rank of Candidate master of sports (25 %) (Fig. 7 and 8).

To the question: «Does fatigue from training affect your academic performance?» the following results were obtained: 39 % of respondents believe that fatigue from training does not affect academic performance; 32.2 % of respondents answered that sometimes fatigue from training affects academic performance; 13.6 % believe that fatigue from training can have both positive and negative effects on academic performance; the remaining respondents were split evenly — 6.8 % answered «I do not notice any connection between fatigue from training and my academic performance» and «Yes, fatigue from training has a negative impact on my academic performance». Based on this, it can be concluded that the majority of respondents believe that fatigue from training does not affect their academic performance, while some believe that it can sometimes have both positive and negative effects. A small portion of respondents notice a negative impact of fatigue from training on academic performance (Fig. 9).

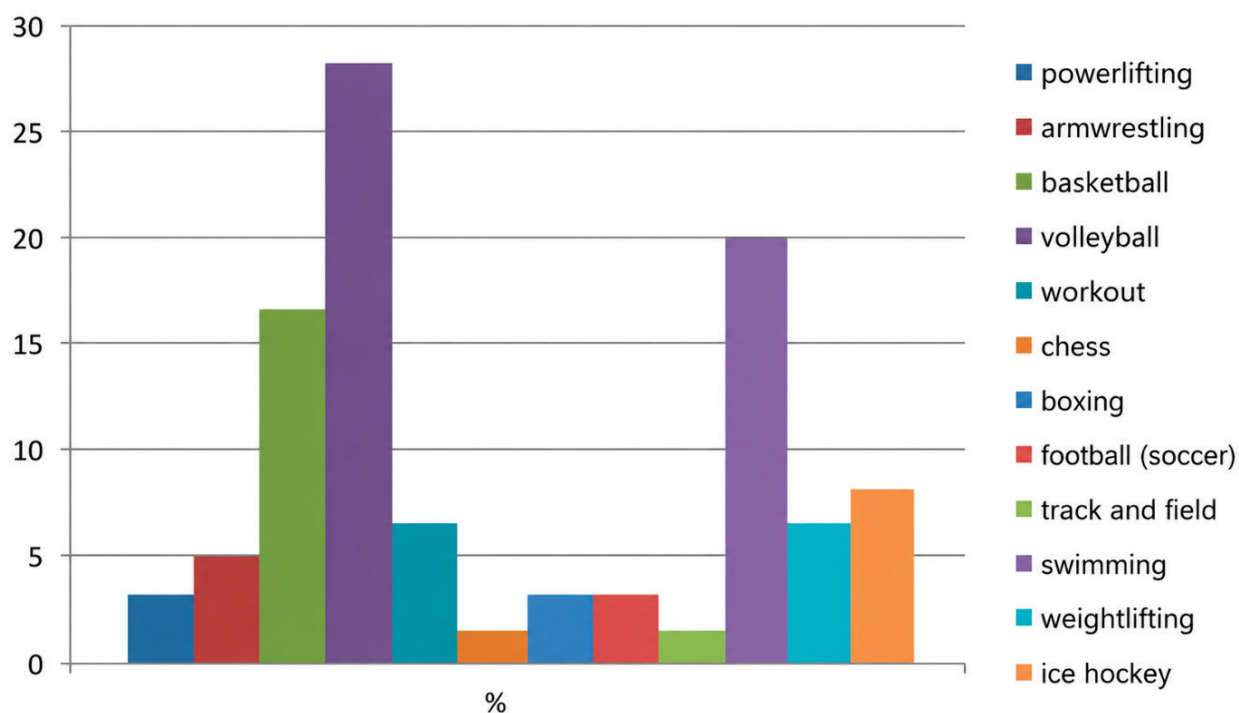

Fig. 7. Distribution of respondents by type of sport

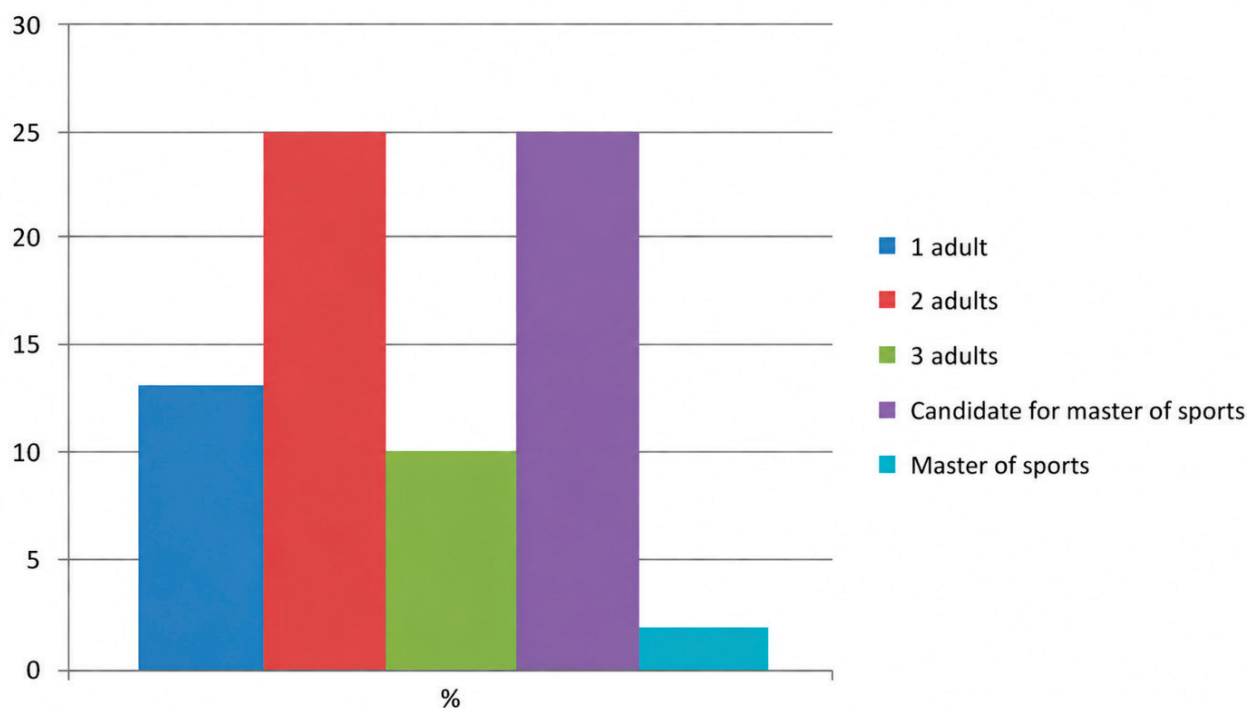

Fig. 8. Distribution of respondents by sports ranks

In conclusion, the results of this study highlight the importance of considering students' individual characteristics when assessing the impact of sports activities on their academic performance. The balance between sports and academics plays a key role in achieving success both in studies and in sports. Further research in this area may help develop personalized recommendations for students to make it easier for them to combine sports and academics. It is also important to pay attention to how training fatigue can affect students' academic performance in order to help them effectively manage their time and energy. Overall, understanding the relationship between sports participation and students' academic performance can help create more suitable conditions for achieving a balance between physical activity and academics.

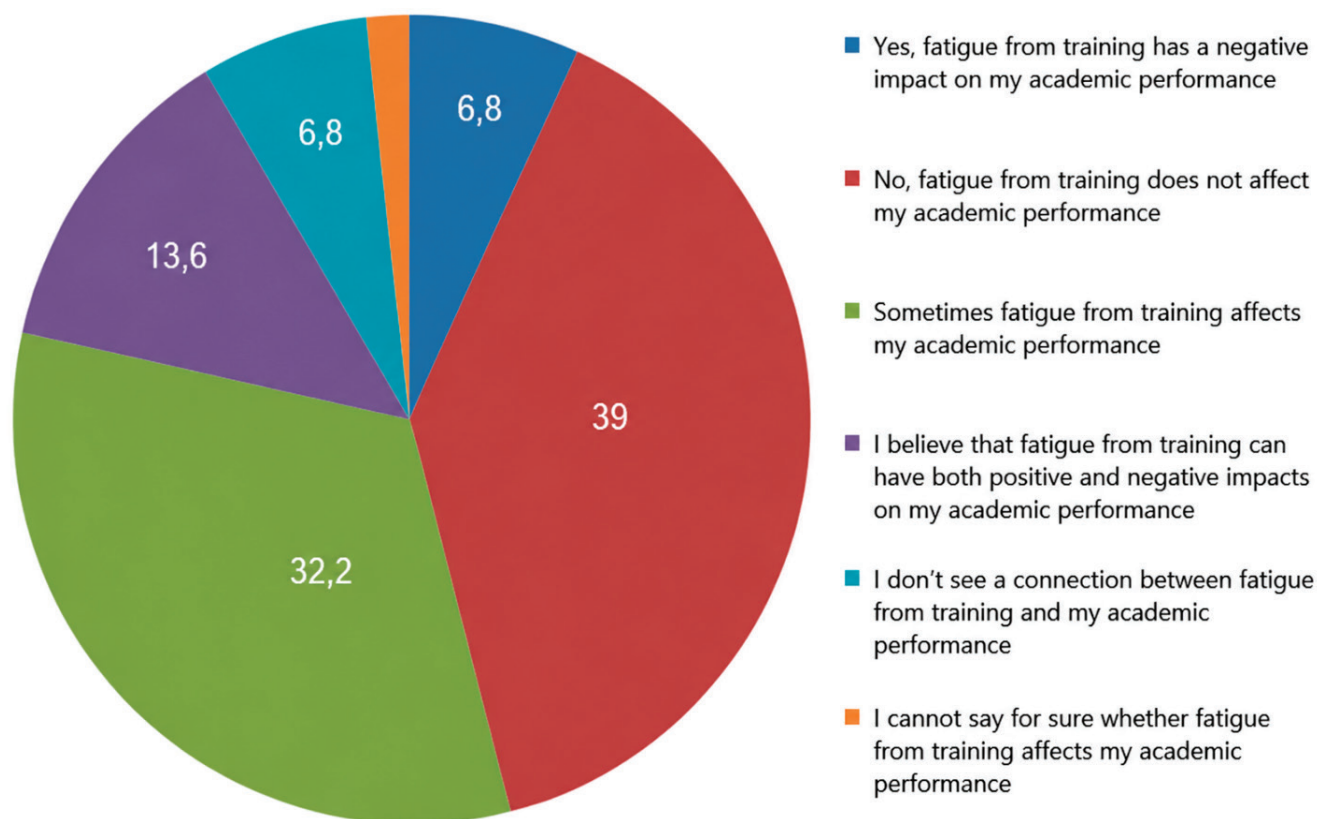

Fig. 9. Distribution of respondents by the influence of training fatigue on academic performance

References:

1. Abramova S. B. Osobennosti polucheniya vysshego obrazovaniya sportsmenami vysokogo klassa [Characteristics of higher education obtainment by elite athletes] [Electronic resource] // 2019. — URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/59158/1/978-5-91256-403-1_2018_085.pdf (accessed: 27.04.2026).
2. Sautkin M. F. Sport i akademicheskaya uspevaemost studentov [Sport and academic performance of students] [Electronic resource] // 2016. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sport-i-akademicheskaya-uspevaemost-studentov/viewer> (accessed: 27.04.2026).
3. Chelnokova E. A. Vliyaniye dvigatelnoy aktivnosti, zanyatiy fizicheskoy kulturoy ili sportom na umstvennyuyu deyatel'nost' studenta i ego uspevaemost [The influence of motor activity, physical culture or sports on students' mental activity and their academic performance] [Electronic resource] // 2019. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyaniye-dvigatelnoy-aktivnosti-zanyatiy-fizicheskoy-kulturoy-ili-sportom-na-umstvennyuyu-deyatelnost-studenta-i-ego-uspevaemost> (accessed: 27.04.2026).

Проблемы и перспективы реализации прав женщин в исламских государствах

Салимова Сабохад-Софья Дильшодовна, студент магистратуры
Новосибирский государственный университет экономики и управления

Реализация прав женщин в исламских государствах является сложным и неоднородным процессом. В одних странах наблюдаются реформы в сфере образования, трудовых прав, гражданского статуса и семейного законодательства, в других — сохраняются системные ограничения, связанные с патриархальными социальными нормами, правовым плюрализмом, религиозно-консервативными интерпретациями и недостаточной эффективностью правоприменения. Актуальность темы усиливается тем, что формальное признание равенства женщин и мужчин не всегда означает его фактическую реализацию. Особенно остро это проявляется в вопросах брака, развода, наследования, опеки над детьми, доступа к труду, политического участия, образования и защиты от насилия.

Ключевые слова: права женщин, исламские государства, гендерное равенство, семейное право, шариат, CEDAW, дискриминация, образование, трудовые права.

Проблема реализации прав женщин в исламских государствах требует взвешенного научного подхода. Некорректно сводить её исключительно к религиозному фактору, поскольку положение женщин определяется не только исламом как религией, но и национальным законодательством, политическим режимом, уровнем экономического развития, системой образования, судебной практикой, международными обязательствами и устойчивыми социальными нормами. Исламские государства различаются между собой: положение женщин в Марокко, Саудовской Аравии, Индонезии, Малайзии, Иране, Афганистане или странах Центральной Азии не может быть описано одной универсальной моделью.

Вместе с тем можно выделить общие проблемные зоны. Во-первых, это разрыв между формальным признанием прав и их практической реализацией. Во-вторых, это сохранение дискриминационных норм в сфере семейного и персонального права. В-третьих, это влияние социальных стереотипов, которые ограничивают участие женщин в публичной, экономической и политической жизни. Всемирный банк в исследовании *Women, Business and the Law 2025* подчёркивает, что правовой статус женщин следует оценивать не только через формальные нормы, но и через институты, влияющие на доступ к труду, собственности, кредиту и правосудию [1].

Главная проблема реализации прав женщин в исламских государствах заключается в том, что юридическое равенство часто не совпадает с фактическим. Конституции многих государств закрепляют принцип недискриминации, однако в семейном, наследственном или гражданском праве могут сохраняться нормы, устанавливающие различный правовой статус мужчин и женщин. Это проявляется в вопросах заключения брака, развода, опеки над детьми, передачи гражданства, свободы передвижения и распоряжения имуществом.

Особое значение имеет правовой плюрализм. В ряде исламских государств одновременно действуют нормы светского права, религиозного права и обычного права. Такая система может создавать неопределённость и препятствовать защите женщин. Даже если государственное законодательство декларирует равенство, местная судебная или административная практика может опираться на традиционные представления о подчинённой роли женщины в семье и обществе.

Поэтому реализация прав женщин зависит не только от принятия законов, но и от их исполнения. Если женщина формально имеет право обратиться в суд, но сталкивается с общественным давлением, экономической зависимостью или недоверием правоохранительных органов, такое право остаётся декларативным.

Семейное право остаётся одной из наиболее проблемных сфер. Именно здесь наиболее заметно проявля-

ется различие между правовым статусом мужчины и женщины. Вопросы брака, развода, алиментов, наследования, опеки над детьми и полигамии во многих странах регулируются нормами персонального статуса, которые часто обосновываются религиозной традицией.

Однако исламская правовая традиция не является однозначной и неизменной. В разных государствах используются различные школы и интерпретации исламского права. Это означает, что реформы возможны без полного отказа от религиозной правовой основы. Примером может служить Марокко, где в 2024 г. были предложены изменения семейного законодательства, направленные на расширение прав женщин в вопросах опеки, попечительства, развода и ограничения полигамии [12].

Таким образом, проблема заключается не в самом факте существования религиозно окрашенного семейного права, а в том, какие интерпретации закрепляются государством и насколько они соответствуют принципам равенства, достоинства личности и недискриминации.

Большинство исламских государств участвует в международной системе защиты прав человека, включая Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Однако значительная проблема состоит в том, что некоторые государства сохраняют оговорки к положениям Конвенции, особенно в части брачно-семейных отношений, гражданства и равенства супругов.

Например, Комитет CEDAW в 2024 г. рассматривал ситуацию в Малайзии и обращал внимание на сохраняющиеся вопросы, связанные с семейным правом, гражданством и дискриминационными социальными практиками [9]. Это показывает, что международные обязательства сами по себе не гарантируют немедленного изменения национального законодательства. Тем не менее механизмы ООН играют важную роль: они фиксируют нарушения, формируют рекомендации и создают международное давление на государства.

Проблема оговорок особенно важна для исламских государств, поскольку они часто объясняются необходимостью учитывать нормы шариата или национальные традиции. Однако современная правовая наука исходит из того, что культурные и религиозные особенности не должны использоваться как основание для нарушения базовых прав человека.

Даже при наличии прогрессивного законодательства женщины могут сталкиваться с устойчивыми социальными стереотипами. Индекс социальных гендерных норм UNDP показывает, что почти 9 из 10 мужчин и женщин в мире имеют хотя бы одно предубеждение в отношении женщин [2, с. 3]. Эти предубеждения проявляются в представлениях о том, что мужчина лучше подходит для политического лидерства, что женщина должна прежде всего

заниматься семьёй, что образование и карьера менее важны для женщин, чем для мужчин.

В исламских обществах такие нормы могут усиливаться традиционными представлениями о семейной чести, женской скромности, подчинении мужскому авторитету и приоритете семьи над индивидуальной свободой. Следствием становится ограничение женской мобильности, экономической самостоятельности и участия в публичной жизни.

Именно поэтому правовые реформы должны сопровождаться образовательными, культурными и институциональными изменениями. Иначе закон формально меняется, но социальная практика остаётся прежней.

Образование является одним из главных условий реализации прав женщин. Оно влияет на экономическую самостоятельность, брачный возраст, участие в политике, доступ к информации и способность защищать свои права. Во многих исламских государствах женщины достигли значительных успехов в сфере среднего и высшего образования. В странах Персидского залива, Малайзии, Индонезии, Казахстане и ряде других государств женщины активно участвуют в университетском образовании.

Однако в отдельных странах наблюдается резкий откат. Наиболее яркий пример — Афганистан после 2021 г. ЮНЕСКО в 2025 г. указала, что Афганистан остаётся единственной страной мира, где девочкам и женщинам запрещено получать среднее и высшее образование; почти 2,2 млн девочек лишены доступа к школе выше начального уровня [5]. UNICEF также оценивал, что запрет на среднее образование для девочек ведёт к серьёзным экономическим потерям для Афганистана [6].

Таким образом, ограничение образования женщин является не только нарушением прав человека, но и фактором экономической деградации государства. Страна, исключая женщин из системы образования, фактически лишает себя значительной части человеческого капитала.

Экономическая самостоятельность женщин является важнейшим условием реализации всех остальных прав. Женщина, не имеющая доступа к труду, собственности, банковским услугам и предпринимательству, остаётся зависимой от семьи или супруга. Это снижает её способность защищать себя от насилия, дискриминации и принудительных решений.

В исламских государствах существует заметный разрыв между уровнем образования женщин и их участием в рынке труда. Женщины могут получать высшее образование, но затем сталкиваться с ограничениями при трудоустройстве. Среди причин — недостаток рабочих мест, дискриминация работодателей, отсутствие доступной системы ухода за детьми, ограничения мобильности, небезопасный транспорт, а также социальное осуждение женщин, работающих вне дома.

По данным *Global Gender Gap Report 2025*, регион Ближнего Востока и Северной Африки остаётся самым низким

по уровню гендерного паритета: его показатель составляет 61,7 % [3]. Особенно серьёзные проблемы сохраняются в сфере экономического участия и политического представительства женщин. Это означает, что правовые реформы должны быть дополнены социально-экономическими мерами: созданием рабочих мест, защитой от дискриминации, развитием инфраструктуры ухода за детьми и обеспечением безопасной трудовой среды.

Политическое участие женщин является показателем зрелости правовой и демократической системы. В исламских государствах ситуация неоднородна. В некоторых странах женщины занимают места в парламентах, работают министрами, дипломатами, судьями и руководителями государственных органов. В других государствах их участие остаётся символическим или ограниченным.

Доклад UN Women и UN DESA *The Gender Snapshot 2024* подчёркивает, что ни один показатель Цели устойчивого развития № 5 о гендерном равенстве пока полностью не достигнут, а женщины в мире по-прежнему недостаточно представлены в политических институтах [4]. Для исламских государств эта проблема усиливается тем, что участие женщин в публичной власти иногда воспринимается как противоречащее традиционным представлениям о роли женщины.

Однако практика ряда мусульманских стран показывает, что женское политическое лидерство совместимо с исламским культурным контекстом. Следовательно, препятствие является не исключительно религиозным, а институциональным и социальным. Для расширения политического участия необходимы квоты, поддержка женского лидерства, защита женщин-политиков от давления и изменение общественных представлений о женской роли в управлении государством.

Насилие в отношении женщин остаётся одной из наиболее серьёзных проблем. Всемирная организация здравоохранения указывает, что почти каждая третья женщина в мире подвергалась физическому или сексуальному насилию со стороны партнёра либо сексуальному насилию со стороны другого лица [7]. В исламских государствах, особенно в условиях конфликта, бедности и политической нестабильности, риски насилия усиливаются.

Проблема осложняется тем, что женщины не всегда могут обратиться за защитой. Они могут зависеть от мужа или родственников, опасаться общественного осуждения, не доверять полиции или сталкиваться с тем, что домашнее насилие воспринимается как «семейное дело». В ряде случаев правовая система недостаточно защищает женщин от принудительного брака, детского брака, сексуального насилия или экономического контроля.

Особую проблему составляют детские браки. UNICEF MENA указывает, что в регионе Ближнего Востока и Северной Африки насчитывается около 40 млн женщин и девочек, вступивших в брак в детском возрасте, а ежегодно около 700 тыс. девочек становятся жертвами детских браков [8]. Это напрямую связано с нарушением права на образование, здоровье, свободу выбора и личное развитие.

Афганистан является крайним примером системного вытеснения женщин из публичной жизни. Ограничения, введённые после 2021 г., затрагивают образование, труд, свободу передвижения, участие в общественной жизни и доступ к профессиональной подготовке. Запрет на образование девочек выше начального уровня означает не просто нарушение отдельного права, а разрушение всей системы будущих возможностей для женщин [5].

Ситуация в Афганистане показывает, что реализация прав женщин напрямую зависит от политического режима. Если государственная власть использует религиозную риторику для институционального исключения женщин, международные механизмы защиты оказываются ограниченными. При этом последствия таких ограничений затрагивают всё общество: ухудшается здравоохранение, сокращается число женщин-специалистов, растёт бедность, усиливается зависимость женщин от семьи и местных сообществ.

Несмотря на сохраняющиеся проблемы, перспективы реализации прав женщин в исламских государствах существуют. Во-первых, важную роль играет международное право и мониторинг со стороны ООН. Во-вторых, внутри самих исламских государств развиваются правовые реформы. Например, Саудовская Аравия сообщала о поправках, связанных с правом женщин получать документы, регистрировать браки, разводы и смерти, а также с изменениями в сфере труда и пенсионного возраста [10].

В-третьих, значимую роль играют региональные организации. Организация исламского сотрудничества в 2025 г. заявила, что расширение прав женщин является частью её программных документов и Плана действий по улучшению положения женщин [11]. Это важно, поскольку реформы, обоснованные внутри исламской пра-

вовой и культурной системы, могут восприниматься обществом как более легитимные.

Перспективным направлением является развитие исламского феминизма и реформаторской правовой мысли. Эти подходы исходят из того, что принципы справедливости, достоинства, образования и защиты личности совместимы с исламской традицией. Такой подход позволяет вести реформы не через противопоставление религии и прав человека, а через поиск современных интерпретаций, направленных на защиту женщин.

Реализация прав женщин в исламских государствах остаётся противоречивым процессом. С одной стороны, сохраняются дискриминационные нормы семейного права, социальные стереотипы, экономическое неравенство, недостаточное политическое представительство, насилие и слабый доступ к правосудию. С другой стороны, наблюдаются реформы законодательства, рост женского образования, активизация международного мониторинга и развитие региональных инициатив.

Главный вывод состоит в том, что права женщин в исламских государствах не могут быть реализованы только через формальное провозглашение равенства. Необходим комплексный подход: реформирование семейного законодательства, отмена дискриминационных оговорок, защита от насилия, расширение доступа к образованию и труду, поддержка политического участия женщин и изменение социальных норм.

Перспектива улучшения положения женщин связана не с отказом от исламской идентичности, а с развитием таких правовых и религиозных интерпретаций, которые признают достоинство женщины, её субъектность и равное участие в общественной жизни.

Литература:

1. Afghanistan: Four years on, 2.2 million girls still banned from school // UNESCO. 2025. URL: <https://www.unesco.org/en/articles/afghanistan-four-years-22-million-girls-still-banned-school> (дата обращения: 04.04.2026).
2. Breaking Down Gender Biases: Shifting Social Norms towards Gender Equality: 2023 Gender Social Norms Index / United Nations Development Programme. New York: UNDP, 2023. URL: <https://hdr.undp.org/content/2023-gender-social-norms-index-gsni> (дата обращения: 04.04.2026).
3. CEDAW/C/MYS/CO/6: Concluding observations on the sixth periodic report of Malaysia // Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights. 2024. URL: <https://www.ohchr.org/en/documents/concluding-observations/cedawcmysco6-concluding-observations-sixth-periodic-report> (дата обращения: 04.04.2026).
4. Child marriage in the Middle East and North Africa / UNICEF MENA. 2022. URL: <https://www.unicef.org/mena/reports/facts-and-figures-child-marriage-middle-east-and-north-africa> (дата обращения: 04.05.2026).
5. Depriving girls of secondary education translates to a loss of at least US\$500 million for Afghan economy in last 12 months // UNICEF. 2022. URL: <https://www.unicef.org/rosa/press-releases/depriving-girls-secondary-education-translates-loss-least-us500-million-afghan> (дата обращения: 04.04.2026).
6. Experts of the Committee on the Elimination of Discrimination against Women praise Saudi Arabia's reforms, ask questions on male guardianship and women human rights defenders // Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights. 2024. URL: <https://www.ohchr.org/en/meeting-summaries/2024/10/experts-committee-elimination-discrimination-against-women-praise-saudi> (дата обращения: 04.04.2026).
7. Global Gender Gap Report 2025 / World Economic Forum. Geneva: World Economic Forum, 2025. URL: <https://www.weforum.org/publications/global-gender-gap-report-2025/> (дата обращения: 04.04.2026).
8. Morocco proposes family law reforms to improve women's rights // Reuters. 2024. URL: <https://www.reuters.com/world/africa/morocco-proposes-family-law-reforms-improve-womens-rights-2024-12-24/> (дата обращения: 04.04.2026).

9. OIC Commemorates International Women's Day 2025 // Organization of Islamic Cooperation. 2025. URL: <https://www.oic-oci.org/en/news/5974> (дата обращения: 04.04.2026).
10. Progress on the Sustainable Development Goals: The Gender Snapshot 2024 / UN Women, UN DESA. New York: UN Women, 2024. URL: <https://unstats.un.org/sdgs/gender-snapshot/2024/> (дата обращения: 04.04.2026).
11. Violence against women // World Health Organization. 2024. URL: <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/violence-against-women> (дата обращения: 04.04.2026).
12. Women, Business and the Law 2025: Methodology Handbook / World Bank. Washington, DC: World Bank, 2025. DOI: 10.1596/43281. URL: <https://hdl.handle.net/10986/43281> (дата обращения: 04.04.2026).

Эмпирическое изучение политических установок глухих граждан: методы и подходы

Селезнев Пересвет Святославич, студент
Российский университет транспорта (МИИТ) (г. Москва)

В статье рассматриваются методологические особенности эмпирического исследования политических установок граждан с нарушениями слуха. Анализируются ключевые подходы — количественные, качественные и смешанные, — применяемые при изучении данной группы респондентов. Особое внимание уделяется языковым барьерам, специфике жестового перевода опросного инструментария и этическим аспектам проведения полевой работы. Автор демонстрирует, что адаптация классических социологических методов к коммуникативным потребностям глухих граждан требует учёта лингвокультурной автономии данного сообщества. Предложены рекомендации по повышению валидности и надёжности получаемых данных.

Ключевые слова: *политические установки, глухие граждане, сообщество Deaf, социологические методы, жестовый язык, инклюзивные исследования, электоральное поведение, политическая социализация.*

Введение

Изучение политических установок различных социальных групп традиционно занимает одно из центральных мест в политической социологии. Однако среди категорий населения, длительное время остававшихся на периферии эмпирических исследований, находятся граждане с нарушениями слуха. Их исключение из опросных панелей, фокус-групп и иных исследовательских процедур связано не столько с осознанным игнорированием, сколько с методологическими трудностями, обусловленными коммуникативной спецификой данной общности.

Сообщество Deaf — как его принято обозначать в современной академической литературе — представляет собой не просто совокупность лиц с определёнными сенсорными особенностями, но особую лингвокультурную группу, носителями собственной языковой системы, ценностей и форм коллективной идентичности. Данное обстоятельство принципиально меняет логику построения исследовательского дизайна: глухие граждане выступают не как «респонденты с ограниченными возможностями», а как полноправные участники политического процесса, требующие адаптированных инструментов сбора информации.

Настоящая статья ставит целью систематизировать методы и подходы, применяемые в современной эмпирической науке при изучении политических установок глухих граждан, выявить наиболее перспективные стратегии и обозначить существующие методологические лакуны.

1. Теоретико-методологический контекст

Под политическими установками в статье понимается устойчивая предрасположенность индивида к определённой оценке и реакции в отношении политических объектов — партий, институтов, лидеров, идеологий, конкретных решений. В классической традиции, восходящей к работам Г. Олпорта и Ф. Конверса, установки рассматриваются как трёхкомпонентная структура, включающая когнитивный, аффективный и поведенческий элементы.

Применительно к глухим гражданам теоретическая рамка нуждается в расширении за счёт концепций, учитывающих особенности политической социализации в условиях сенсорной депривации. Исследователи последних лет подчёркивают, что формирование политических предпочтений в данной группе происходит в условиях ограниченного доступа к мейнстримным медиа, зависимости от качества сурдоперевода новостного вещания и значительной роли горизонтальных каналов коммуникации внутри сообщества.

Важным теоретическим ориентиром служит концепция «лингвистической меньшинственности», согласно которой жестовый язык выступает не субститутутом звукового, а самостоятельной знаковой системой. Это означает, что перевод вопросов анкеты с русского звукового языка на русский жестовый язык (РЖЯ) по сути представляет межъязыковой трансфер со всеми сопутствующими рисками потери семантики.

2. Специфика объекта исследования

Перед рассмотрением конкретных методов необходимо охарактеризовать особенности, которые должен учитывать исследователь:

- **Гетерогенность сообщества.** Глухие граждане различаются по возрасту наступления глухоты (пренатальная, ранняя, постлингвальная), уровню владения жестовым и звуковым языками, степени интеграции в слышащее общество, образованию.
- **Информационная изоляция.** Доступ к политической информации опосредован наличием субтитров, сурдоперевода, адаптированных материалов, что напрямую влияет на когнитивный компонент установок.
- **Высокая плотность внутригрупповых связей.** Принадлежность к сообществу Deaf часто формирует коллективные модели восприятия политических событий.
- **Недоверие к внешним исследователям.** Исторический опыт маргинализации порождает осторожное отношение к анкетам из слышащей среды.

3. Количественные методы

3.1. Адаптированный массовый опрос

Наиболее распространённым инструментом остаётся стандартизированный опрос, однако его проведение требует специфических модификаций. Анкета должна быть доступна в двух форматах: письменном (с упрощённой лексикой, поскольку звуковой язык для многих глухих является вторым) и видеоформате с переводом на РЖЯ. Практика показывает, что отказ от видеоверсии приводит к систематическому смещению выборки в пользу респондентов с высшим образованием и хорошим владением письменной речью.

3.2. Онлайн-панели и электронные опросы

Распространение цифровых платформ существенно упростило рекрутинг респондентов. Онлайн-опросы, содержащие встроенные видеовопросы на жестовом языке, позволяют достичь респондентов, прежде недоступных для традиционного интервьюирования. Вместе с тем сохраняется проблема цифрового неравенства среди пожилых глухих граждан.

3.3. Шкалы и индексы

При измерении политических установок применяются традиционные шкалы (шкала Лайкерта, семантический дифференциал), однако их валидизация для данной группы требует дополнительных процедур, включая когнитивное тестирование формулировок и оценку эквивалентности перевода.

4. Качественные методы

4.1. Глубинные интервью на жестовом языке

Полуструктурированные интервью, проводимые непосредственно на РЖЯ, позволяют получить наиболее аутентичные данные. Оптимальным сценарием признаётся участие интервьюера — носителя жестового языка, что устраняет посредничество переводчика и связанные с ним искажения. Если такой вариант недостижим, привлекается сертифицированный сурдопереводчик, прошедший предварительный инструктаж по исследовательским задачам.

4.2. Фокус-группы

Групповые дискуссии в среде глухих участников имеют свои особенности: визуальный контакт между всеми участниками является обязательным условием, что определяет круговое расположение и ограничивает численность группы (обычно 5–7 человек). Видеозапись необходима не только для последующей расшифровки, но и как основной «протокол» обсуждения, поскольку жестовая коммуникация не поддаётся стенографированию в традиционном смысле.

4.3. Этнографические наблюдения

Включённое наблюдение в местах концентрации сообщества — общества глухих, культурных центрах, спортивных клубах — позволяет фиксировать спонтанные политические дискуссии и неформальные практики обсуждения политических событий.

5. Смешанные дизайны

Признано, что наибольшую аналитическую ценность демонстрируют смешанные (mixed-methods) дизайны. Стандартная схема предполагает последовательное сочетание качественного и количественного этапов:

1. Предварительные интервью с экспертами сообщества для выявления значимых политических тем.
2. Проведение фокус-групп для формулирования гипотез и адаптации анкеты.
3. Массовый опрос на репрезентативной выборке.
4. Дополнительные глубинные интервью для интерпретации обнаруженных статистических закономерностей.

6. Сводная характеристика методов

Метод	Преимущества	Ограничения
Массовый опрос с видеоверсией	Репрезентативность, возможность обобщения	Высокая стоимость подготовки инструментария
Онлайн-опрос	Широкий охват, анонимность	Цифровое неравенство, смещение выборки
Глубинное интервью на РЖЯ	Глубина и аутентичность данных	Трудоёмкость, требования к квалификации интервьюера
Фокус-группы	Фиксация групповой динамики установок	Ограниченный размер, сложности модерирования
Этнография	Контекстуальность, естественность данных	Длительность, проблема доступа к полю

7. Этические и языковые вызовы

Особое внимание исследователи уделяют этическим аспектам полевой работы. Принцип «ничего о нас без нас» (Nothing about us without us), сформулированный активистами инвалидного движения, требует вовлечения представителей сообщества уже на стадии дизайна исследования. Практика соисследования (co-research), при которой глухие участники становятся соавторами методологии, получает всё большее распространение.

Языковые вызовы связаны с необходимостью обеспечения концептуальной эквивалентности вопросов. Такие понятия, как «демократия», «легитимность», «гражданское общество», требуют не механического перевода, а семантической адаптации с учётом того, как соответствующие идеи концептуализируются в жестовом дискурсе.

«Исследование политических установок глухих — это не просто применение стандартных методов к «особой» группе, а перестройка самой исследовательской оптики в логике культурной модели глухоты».

8. Направления дальнейших исследований

Несмотря на заметный прогресс, ряд проблем остаётся нерешённым. Среди приоритетных направлений дальнейшей работы следует выделить:

- разработку валидизированных шкал измерения политических установок на РЖЯ;
- сравнительные исследования политической культуры глухих сообществ в разных странах;
- изучение влияния новых медиа и социальных сетей на политическую социализацию молодых глухих граждан;
- анализ электорального поведения и участия в референдумах;
- применение методов цифровой этнографии к жестовым политическим блогам и видеоканалам.

Заключение

Эмпирическое изучение политических установок глухих граждан является одновременно методологически сложной и исследовательски перспективной областью. Адекватный инструментарий не может быть заимствован из стандартной социологической практики без существенной адаптации, учитывающей лингвокультурную специфику сообщества

Deaf. Наиболее результативным представляется смешанный дизайн, предполагающий сочетание адаптированных количественных процедур с качественными методами на жестовом языке, а также активное вовлечение представителей сообщества в исследовательский процесс.

Развитие инклюзивной методологии не только расширяет эмпирическую базу политической науки, но и способствует более полному воплощению принципов демократического представительства, поскольку делает голос ранее невидимой группы граждан слышимым — в том числе буквально, в категориях политического анализа.

Литература:

1. Бабалова Г. Г. Проблема эквивалентности перевода и переводческие трансформации // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2017. № 4 (30). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-ekvivalentnosti-perevoda-i-perevodcheskie-transformatsii> (дата обращения: 10.05.2026).
2. Балашов Д. Е. Методологические аспекты исследования проблем социализации глухих // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-aspekty-issledovaniya-problem-sotsializatsii-gluih> (дата обращения: 10.05.2026).
3. Богданова Т. Г. Исследование мышления лиц с нарушениями слуха: проблемы и перспективы // Известия ВГПУ. 2009. № 01. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-myshleniya-lits-s-narusheniyami-sluha-problemy-i-perspektivy> (дата обращения: 10.05.2026).
4. Большаков Н. В. От девиации к идентичности: трансформация научных подходов к пониманию глухоты // ЖССА. 2016. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-deviatsii-k-identichnosti-transformatsiya-nauchnyh-podhodov-k-ponimaniyu-gluihoty> (дата обращения: 10.05.2026).
5. Большаков Н. В. Возможности применения стратегии смешивания методов при изучении сообщества глухих и слабослышащих // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2017. № 38. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-primeneniya-strategii-smeshivaniya-metodov-pri-izuchenii-soobschestva-gluih-i-slaboslyshashchih> (дата обращения: 10.05.2026).
6. Ваневская П. Н. Сенсорная этнография как методологический ресурс качественных исследований // Inter. 2021. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sensornaya-etnografiya-kak-metodologicheskii-resurs-kachestvennyh-issledovaniy> (дата обращения: 10.05.2026).
7. Воеводина Е. В., Райдугин Д. С. Инвалидность как социальная проблема и объект специальной отрасли социологии // Человек. Общество. Инклюзия. 2013. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/invalidnost-kak-sotsialnaya-problema-i-obekt-spetsialnoy-otrasli-sotsiologii> (дата обращения: 10.05.2026).
8. Гаврилова М. В. Адаптация социологического инструментария для респондентов с нарушениями слуха // Вестник общественного мнения. — 2024. — № 1 (138). — С. 66–81. URL: <https://rusacademedu.ru/wp-content/uploads/2025/08/obzor2025-8-1.pdf> (дата обращения: 10.05.2026).
9. Деточенко Л. С. Специфика социализации инвалидов: опыт нарративной реконструкции // ЖССА. 2020. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-sotsializatsii-invalidov-opyt-narrativnoy-rekonstruktsii> (дата обращения: 10.05.2026).
10. Жаворонкова Л. В. Научно-методическое обеспечение региональной системы инклюзивного образования // Современное педагогическое образование. 2021. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchno-metodicheskoe-obespechenie-regionalnoy-sistemy-inklyuzivnogo-obrazovaniya> (дата обращения: 10.05.2026).
11. Колобова С. А. Политическая социализация граждан в условиях модернизации российской Федерации // Власть. 2009. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-sotsializatsiya-grazhdan-v-usloviyah-modernizatsii-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 10.05.2026).
12. Kusters A., De Meulder M. Linguistic Citizenship and the Deaf Community: A Methodological Perspective // Journal of Sociolinguistics. — 2021. — Vol. 25. — No. 3. — P. 312–331. URL: <https://maartjedemeulder.be/wp-content/uploads/2019/09/5932fcf5-6d1d-4fc5-9673-687610b33e79.pdf> (дата обращения: 10.05.2026).
13. Braithwaite, Ben. “Sign Language Endangerment and Linguistic Diversity.” *Language*, vol. 95, no. 1, 2019, pp. e161–87. JSTOR, <https://www.jstor.org/stable/48771158>. Accessed 9 May 2026.
14. Skelton T., Valentine G. Political Engagement of Deaf Youth: A Comparative Study // *Political Studies Review*. — 2024. — Vol. 22. — No. 2. — P. 401–420. URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC10994419/> (дата обращения: 10.05.2026).
15. Янг Алис и Богусия Темпл, Подходы к социальным исследованиям: пример исследований глухоты, Перспективы глухоты (Нью-Йорк, 2014; онлайн-издание, Oxford Academic, 24 марта 2015 г.), URL: <https://doi.org/10.1093/acprof:osobl/9780199929535.001.0001>, доступно 14 апреля 2026 г.

Укрепление традиционных ценностей как инструмент сохранения единства русского народа

Сукач Юлия Сергеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Хлестакова Любовь Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент
Костромской государственной университет

В статье приводятся актуальные причины изучения системы нравственных и духовных ценностей, проводится исследование нормативно-правовой базы, отражающей вопросы сохранения исторических, духовно-нравственных, семейных и патриотических ценностей, затрагиваются проблемы распространения и защиты традиций в условиях развития современной России, а также событий, происходящих на международной арене. Авторами отмечаются существующие угрозы исторически сложившимся семейным ценностям и историческим фактам. По окончании научного исследования сделан вывод о важности сохранения и распространения исторически сложившихся, культурно-нравственных ценностей для дальнейшего успешного развития Российской Федерации.

Ключевые слова: нравственные ценности, историческое наследие, государственная политика, национальная безопасность, опыт, патриотическое воспитание.

В современных реалиях развития Российской Федерации, ее места на международной арене, а также трансформаций, происходящих во внешнеполитической сфере необходимость изучения, сохранения и распространения исторических ценностей нашей страны приобретает приоритетное значение.

Развитие и защита прав и интересов граждан Российской Федерации, повышение обороноспособности страны, защита государственного суверенитета, преемственность, преумножение и распространение традиций русского народа являются главными ориентирами государственной политики.

В целях сохранения исторической памяти, ознаменования 80-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, в благодарность ветеранам и признавая подвиг участников специальной военной операции, глава нашей страны объявил 2025 год в Российской Федерации Годом защитника Отечества [5].

Исходя из анализа положений статьи 67.1 Конституции Российской Федерации, можно сделать вывод о том, что преемственность поколений, защита и сохранение памяти подвига наших предков, нормативно-правовой запрет на искажение исторических фактов являются одним из направлений национальной политики России [2].

Несмотря на препятствия, создаваемые в различных сферах международных отношений, притеснений интересов граждан Российской Федерации, унижения человеческого достоинства по признакам национальной ненависти, нарушения прав людей, гарантированных каждому человеку от рождения, распространение заведомо ложной информации для обострения военных конфликтов и возбуждения ненависти определенных групп лиц или народов, внутренняя политика нашей страны направлена на сохранение исторических традиций ее многонационального народа, уважение памяти о подвигах предков, развитие патриотического воспитания и любви к своей Родине.

Духовная преемственность в современной России представляет собой передачу исторического опыта от

старшего поколения младшему, сохранения семейных традиций, разговоры о недопустимости повторения страшных событий Великой Отечественной войны, воспитание уважения к Родине и формирование соблюдения нравственных и правовых законов, недопустимости их нарушений.

Мировые события последних лет показали значимость существования патриотического воспитания граждан, уровень сплоченности народа в призме получения недостоверной и лживой информации об исторических фактах развития России.

На сегодняшний день, одним из национальных приоритетов развития Российской Федерации является укрепление традиционных духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия нашего народа. Основным нормативно-правовым актом, закрепляющим понятие традиционных ценностей, направления в области сохранения и укрепления последних является Указ Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [6].

Важность и значимость данного направления национальной политики подтверждается наличием достаточно развитой базы законодательных и подзаконных актов, принятых на федеральном уровне.

При анализе законодательных положений интересным видится тот факт, что политика в области сохранения традиционных ценностей охватывает прямо пропорциональные сферы жизнедеятельности людей, начиная от охраны и защиты исторических фактов, заканчивая сохранением семейных ценностей.

Активная, наступающая позиция стран США и Евросоюза по пропаганде ЛГБТ-движения, навязывание категорий «нормальности» и «проявления свободы» при переходе к нетрадиционным сексуальным отношениям, распространение недостоверной информации среди подрастающего поколения является непосредственной

угрозой традиционным, исторически сложившимся на территории нашей страны семейным ценностям.

Основными целями данной пропаганды является подрастающее поколение, которое в силу возрастного и психического развития наиболее подвергнуто влиянию деструктивных сообществ.

Для защиты и сохранения семейных традиций, предотвращения распространения искаженных ценностей о брачных отношениях в Российской Федерации были приняты законы, предусматривающие запрет пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений, признание ЛГБТ экстремистским движением, введение цензуры в средствах массовой информации.

Во исполнение указанных нормативных положений видится, что главными субъектами передачи духовного и нравственного опыта должны быть семья, образовательные учреждения, церковь, а также органы государственной власти.

В семье для ребенка главными ориентирами укрепления ценности брака должны быть мама и папа. Именно они должны заложить основы правильного понимания семьи как ячейки общества, важности сохранения семейных ценностей.

Как справедливо отмечает Мун В. А., эффективное функционирование института семьи зависит от стремления каждого индивида и общества в целом к осознанному выбору в пользу самоидентификации, основанной на глубинных ценностях предшествующих поколений, культурном единстве нашей страны, и ключевым фактором развития этих ценностей должна быть семья [4, с. 143].

Подводя промежуточный итог, считаем необходимым еще раз подчеркнуть важность укрепления семейных ценностей в призме осуществления государственной политики, недопустимости распространения негативного влияния на граждан России, повышение уровня значимости развития традиционных семейных отношений не только для семьи как отдельной ячейки общества, но и для защиты национальных интересов в целом.

В юбилейный год великого праздника Победы для каждого гражданина России видится необходимым отметить недопустимость распространения лживых и искаженных фактах об этапах развития нашей страны, исторических событиях, написанных «кровью» наших предков.

В условиях повсеместного применения информационно-телекоммуникационных сетей, развития системы искусственного интеллекта, транслирование недостоверной информации об исторических событиях и фактах выступает одной из глобальных проблем общества, требующих принятия незамедлительных мер реагирования.

В последнее время участились случаи пересмотров итогов Второй мировой войны, притеснении и умалении роли СССР. Распространение заведомо ложной информации со стороны недружественных правительств, стран, а также лидеров последних может рассматриваться как попытка подрыва обороноспособности нашей страны, ее роли на мировой арене, разрушения основ патрио-

тического воспитания населения, дискредитации деятельности органов и институтов власти. Указанное обстоятельство выступает в качестве одного из основных инструментов проведения информационной войны.

Опасность данных фальсификаций, их распространения в средствах массовой информации, состоит в искажении исторических фактов, а также дальнейшей неправильной трансформации в сознание населения, уничтожении нравственных основ нашей страны.

С целью защиты исторических ценностей в научном сообществе проводится работа, направленная на опровержение лжефактов, укрепление и пропаганду правдивых исторических событий. В своих трудах Гришин А. А. и Морозов Ю. В. подробно описывают основные задачи фальсификации фактов о войне, приводят примеры таких фальсификаций, аргументируют недопустимость, а также возможные итоги распространения таких сведений [1, с. 12; 3, с. 59].

Рассматривая государственные меры по недопущению распространения искаженных исторических фактов обращает на себя внимание отнесение исторического просвещения к одному из направлений осуществления государственной политики России. Обосновывая данный факт, законодатель подробно описывает обстоятельства, предшествующие принятию такого решения, а именно: рост международной напряженности, кризис национальной идентичности, состоящий в уничтожении исторической памяти и реабилитации нацизма [7].

В рамках реализации государственной политики в области защиты исторической памяти органами власти реализуются различные проекты, направленные на сохранение памяти о преступлениях военного времени, героях Великой Отечественной войны; ужесточается юридическая ответственность за реабилитацию нацизма, преступления и правонарушения против символов воинской славы; принимаются меры, направленные на обеспечение доступа к государственным архивам, содержащим информацию о военном времени.

На сегодняшний день развитие Российской Федерации непосредственно связано с определенными ограничениями и запретами, наличием противостояний на мировой арене, присутствием различных военных конфликтов. Преодоление указанных проблем, а также дальнейшее успешное развитие Российской Федерации, повышение качества жизни населения нашей страны являются приоритетными целевыми установками организации государственной политики на ближайшие десятилетия.

На наш взгляд, понимание важности сохранения исторической памяти, недопущение распространения идей нацизма, принятие мер к сохранению и преумножению исторических традиций, формирование нравственного, патриотического сознания общества, повышение уровня уважения к закону, углубление исторически правильных семейных ценностей являются одними из опорных точек благополучного развития страны, а также успешными инструментами противостояния политике недружественных стран на мировой арене.

Литература:

1. Гришин А. А. Великая Отечественная война и ее фальсификаторы // Вестник Московского университета МВД России. 2015. — № 5. — С. 10–13.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». — URL: www.consultant.ru.
3. Морозов Ю. В. Фальсификация итогов Второй мировой войны в рамках информационной борьбы против России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. — № 25. — С. 50–63.
4. Мун В. А. Семья как ценность Российского государства (историко-правовой аспект) // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина — 2024. — № 12. — С. 137–144.
5. Указ Президента Российской Федерации от 16 января 2025 г. № 28 «О проведении в Российской Федерации Года защитника Отечества» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». — URL: www.consultant.ru.
6. Указ Президента Российской Федерации от 09 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». — URL: www.consultant.ru.
7. Указ Президента Российской Федерации от 08 мая 2024 г. № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». — URL: www.consultant.ru.

ФИЛОЛОГИЯ, ЛИНГВИСТИКА

Гротескное отражение ономастической повседневности в цикле очерков «Помпадур и помпадурши» М. Е. Салтыкова-Щедрина

Ващенко Мария Юрьевна, студент магистратуры
Ярославский государственный педагогический университет имени К. Д. Ушинского

Изучение функционирования имен собственных в художественном произведении может стать ключом к описанию актуальной в научном знании категории повседневности, поскольку они содержат много информации о том мире, в который они вписаны. Данная статья посвящена рассмотрению отражения гротеска в ономастической повседневности в цикле очерков М. Е. Салтыкова-Щедрина «Помпадур и помпадурши».

Ключевые слова: гротеск, ономастика, антропонимы, топонимы, повседневность.

A grotesque reflection of onomastic everyday life in the series of essays «The Pompadours and the Pompadouresses» by M. E. Saltykov-Shchedrin

Studying proper names in a work of fiction can be the key to understanding the category of everyday life that is relevant in scientific knowledge, since proper names provide a lot of information about the world in which they are inscribed. This article is devoted to the reflection of the grotesque in onomastic everyday life in the cycle of essays by M. E. Saltykov-Shchedrin «The Pompadours and the Pompadouresses».

Keywords: grotesque, onomastics, anthroponyms, toponyms, everyday life.

В последнее время изучение повседневности становится одним из популярных направлений в гуманитарных науках — в истории, социологии, культурологии и ряде других дисциплин, но в лингвистике это направление наименее развито. Это объясняется тем, что учёные сравнительно поздно обратились к анализу разговорной речи — одному из главных показателей повседневности. Актуальность изучения повседневности именно в лингвистике обуславливается «самой социальной природой языка» [8, с. 15]. Изучение функционирования имён собственных в художественном тексте может стать перспективным направлением в исследовании категории повседневности, поскольку в них отражаются особенности социума вымышленного мира: эпоха, ценности, моральные качества, профессии, отношения и др.: «Интерес для изучения представляет не только сам факт выбора человеком антропонима, но и особенности его использования в языковом коллективе» [8, с. 16].

Творчество М. Е. Салтыкова-Щедрина всесторонне изучено, существует множество работ по особенностям собственных имён в его произведениях, однако аспект отражения в них ономастической повседневности ещё не

затрагивался. Актуальность статьи обусловлена тем, что сатирический цикл очерков «Помпадур и помпадурши» является произведением с богатой антропонимией и топонимией, в котором писатель создал гротескный образ российской провинции XIX века. Жестокость власть имущих показана через образы «самодура-администратора, пользующегося покровительством высшей власти и потому упивающегося своей безнаказанностью» [14, с. 606], и помпадурш — жён или фавориток помпадуров. М. Е. Салтыков-Щедрин не случайно выбрал слово *помпадур* (вычурный, пышный стиль (в архитектуре, прикладном искусстве 18 в.) [2, с. 953]), ставшее нарицательным для обозначения таких правителей: оно вызывает ассоциации: «с капризной фавориткой Людовика XV маркизой де Помпадур», которая с XVIII века «считается символом непристойного женского поведения» [3, с. 42], почти 20 лет оказывавшей большое влияние на личные дела короля, в том числе и на государственные дела — в её ведении находилось продвижение по службе, а также все придворные приёмы и увеселения), а также «помпезностью царского двора и с причудами отечественных купцов-самодуров» [14, с. 606].

Сатирическая специфика очерков отражается в их ономастическом пространстве: с помощью языковых средств писатель стремится показать, вывернуть все негативные черты общества, создавая фантастический и гиперболизированный мир порока и безнравственности. Главным средством создания ономастической повседневности является гротеск, который формирует искажённую реальность для того, чтобы вызвать у читателя отторжение к подобным правителям.

Гротеск — это «тип художественной образности (образ, стиль, жанр), основанный на фантастике, смехе, гиперболе, причудливом сочетании и контрасте фантастического и реального, прекрасного и безобразного, трагического и комического, правдоподобия и карикатуры» [6, с. 83]. Особенность гротеска в том, что он участвует в создании особого мира — аномального, неестественного и странного. Гротеску «свойственно резкое смещение «форм самой жизни», захватывающее не отдельные слои, а все художественное пространство произведения» [6, с. 83].

В исследуемом цикле очерков М. Е. Салтыкова-Щедрина существует большое количество антропонимов, и большая часть из них носит гротескный характер, выраженный с помощью различных приёмов, которые будут рассмотрены ниже.

Одним из проявлений гротеска является сочетание иностранного имени или фамилии с русским антропонимом, что само по себе выглядит нелепым. Это иллюстрируют следующие онимы: *Шарлотта Фёдоровна* — здесь сочетается немецкое имя *Charlotte, Charlotta* с русским отчеством *Фёдоровна*. Данный персонаж является намёком на реальную историческую личность — Минну (Вильгельмину) Ивановну Буркову, фаворитку министра двора графа В. Ф. Адлерберга, которая также носила имя германского происхождения *Вильгеминна*. И реальный прототип, и героиня очерка носят общую отрицательную черту: современники Бурковой отмечали, что она пользовалась своим положением и торговала чинами и наградами, как и Шарлотта Фёдоровна, утверждавшая на руководящую должность своих приближенных. Также имя *Лотта* (полное имя — Шарлотта, но в тексте использована усечённая форма) должно вызывать ассоциации с королевской особой, т. к. многие знатные люди носят это имя (например, Шарлотта Бельгийская (1840–1927), императрица Мексики), однако в главе «Он!!» писатель демонстрирует неприятный образ носительницы этого имени: «*Лотта безобразна, редковолоса, лишена бровей и ресниц и за всем тем с ожесточением упрекает его в том, что он загубил ее молодость*» [9, с. 92]. Таким образом, создаётся противоречие между утончённым именем (редуцированное до усечённой формы, вероятно, с целью снизить образ) и героиней.

Подобным же образом строится антропоним *Надежда Петровна Бланманже*, в котором сочетаются русские имя и отчество с псевдо-французской фамилией. В реальном французском ономастике такой фамилии не суще-

ствует, она созвучна с названием французского десерта — бланманже (желе из сливок или миндального молока [2, с. 83]), что противоречит образу героини, поскольку её период правления был отмечен многими жестокими мерами, например — «*Во-первых, татарскую княгиню Уланбекову немедленно фюить! и водворили в городе Свияжске, при слиянии реки Свияги с Волгой. Во-вторых, полицеймейстера удалили от должности, а прочих недовольных разослали в заточение по уездным городам...*» [9, с. 34] и др. Такое противоречие имени и образа можно рассматривать как оксюморон.

Похожим образом на «сочетании несочетаемого» построен и антропоним *Созонт Потапыч Праведный* — фамилия настраивает читателя на ожидание того, что перед нами положительный персонаж — имя *Созонт* отсылает к христианскому мученику, а фамилия *Праведный* настраивает на то, что человек придерживается строгих норм морали за счёт своего прямого лексического значения. Но в реальности этот герой наделён жестокостью, полностью противоречащей имени с положительной оценкой: «*репутацию этот человек имел ужаснейшую. Говорили, что, во время процветания крепостного права, у него был целый гарем, но какой-то гарем особенный, так что соседи шутили называли его Дон-Жуаном наоборот; говорили, что он на своем веку не менее двадцати человек засек или иным образом лишил жизни*» [9, с. 52].

В очерках часто встречаются герои, не имеющие имени и отчества, что тоже является способом проявления гротескности — имена строятся не на уже упомянутом приёме оксюморона, а на создании однокомпонентного антропонима, обладающего выразительной оценкой, зачастую — негативной. Рассмотрим самые показательные примеры. Во-первых, встречаются как двойные фамилии с негативной экспрессивностью внутренней формы, так и одиночные. Среди двойных можно отметить следующие: *Удар-Ерыгин*, *Оболдуй-Тараканов*, *Валяй-Бурляй*, *Иуда-Берендеев* и *Глупчик-Ядрилич*. «Вплоть до XX века двойная фамилия указывала на связь с аристократией или дворянством, то есть считалась социально престижной» [13, с. 305], — отмечал лингвист Борис Унбегаун.

Этот факт можно трактовать как стремление писателя показать знатное происхождение этих героев как негативную черту, высмеять через эти образы высшие слои общества. Все пять фамилий содержат негативные коннотации, выраженные в их семантике, рассмотрим их подробнее. В фамилии *Удар-Ерыгин* первая часть ассоциируется с насилием за счёт существительного *удар*, а вторая может быть образована от существительного *ерыга*, которое в словаре В. И. Даля трактуется как «шатун, пьянюга» [4, с. 466] (кроме этого, имя имеет ещё и свою литературную историю — ранее оно встречалось у М. Е. Салтыкова-Щедрина в очерке «К читателю», где это имя фигурировало в паре с другим — «Зубатов и Удар-Ерыгин олицетворяют собой две стороны самодержавной власти в ее старых, „николаевских“ устоях, ещё не поколебленных никакими реформами. Удар-Ерыгин — ее ис-

полнительный «механизм», многотысячное воинство станковых, исправников и проч». [10, с. 540]).

В следующей фамилии — *Обалдуй-Тараканов* первая часть является бранным словом со значением «балда, болван», согласно словарю С. А. Кузнецова [2, с. 684], а вторая часть образована от существительного *таракан*, что является уничижительным для характеристики человека, поскольку он приравнивается к насекомому-паразиту, который заводится у нечистоплотных людей в домах. Это имя тоже имеет литературную историю — впервые оно появляется в рассказе «Скрежет зубовный», далее встречается в очерке «К читателю», а также в более поздних сатирических циклах: «Дневник провинциала в Петербурге» и «Современная идилия».

Кроме того, имя князя *Обалдуй-Тараканов* также упоминалось в переписке Ф. М. Достоевского с Р. В. Авдеевым, где он использовался как пример омерзительного типажа: «как он омерзителен. Князь Обалдуй Тараканов проповедует принципы аристократии общеевропейской-монархической — Россия здесь не при чем. Князек глуп» [7]. У фамилии *Валяй-Бурляй* оба компонента имеют также негативную семантику и звучат как глаголы в повелительном наклонении, а само сочетание является нелепым и гротескным.

В фамилии *Иуда-Берендеев* первый компонент появился не сразу, а лишь в конце произведения, добавив явную негативную оценку, поскольку имя Иуда давно стало нарицательным и обычно означает предателя, а второй компонент связан с литературным контекстом — например, можно вспомнить царя Берендея из сказки о царе Берендее В. А. Жуковского. Сочетание имени царской особы и библейского предателя создаёт гротескный эффект и отрицательный образ. И последний антропоним — *Глупчик-Ядрилич* содержит в себе пренебрежительную окраску также за счёт семантики: первая часть фамилии образована от существительного «глупость». Окончание фамилии *-ич* обусловлено патронимическим характером сербских фамилий и несёт только указание на национальную принадлежность героя.

Однокомпонентные антропонимы с одиночными фамилиями строятся похожим образом — имя создается на основе существительного с негативной семантикой, обычно означающего какое-либо плохое качество человека. Кроме того, имя и отчество часто опускаются, так как некоторые фамилии вводятся лишь для того, чтобы обозначить супруга или супругу героя. Приведём примеры: советник *Проходимцев* (персонаж существует лишь для роли супруга, а также фамилия построена на существительном *проходимец*, означающим человека с нечистой совестью — мошенника, плута, пройдоху [2, с. 1078]), советница Прохвостова (фамилия образовано от существительного *прохвост*, обозначающего негативное моральное качество), советница *Балбесова* (строится по той же модели, что и имя советника *Проходимцева*, а также имеет парный антропоним — фамилия супруга *Балбесов*), господин *Мерзопутиос* (фамилия образована от существи-

тельного с негативной семантикой — *мерзость* (то, что вызывает омерзение, отвращение) [2, с. 550]) и др.

В полнокомпонентных антропонимах также могут встретиться фамилии с негативной окраской — например, *Ольга Семеновна Проходимцева*; *Онисим Шенапан* — фамилия основана от французского слова *chenapan* (разг., «шалопай, хулиган, лодырь» [4, с. 153]), презрительно-ругательная кличка, вроде русского «прохвоста» и «негодяя», *Петька Толстолобов* — образ снижен, во-первых, за счёт неформальной формы имени с суффиксом *-к-*, а во-вторых, за счёт семантики фамилии, образованной от прилагательного «толстолобый» (трактуются через синоним «тупой» [12]). Подобное прилагательное имплицитно позволяет судить о герое как недалёком, упрямом, крепколобом человеке. В-третьих, в тексте существует другой вариант написания фамилии — *Толстолобое*, который превращает фамилию в прилагательное среднего рода за счёт окончания *-ое*, вызывая негативные ассоциации.

Обратимся к рассмотрению топонимов: в них гротескные элементы встречаются значительно реже и исключительно в вымышленных местах. Они так же, как и антропонимы, играют роль в формировании образа порочного мира, используя негативные коннотации, связанные с моральным обликом людей и уровнем нравственности общества.

Гротеск в топонимах проявляется за счёт негативной семантики их внутренней формы. Например, топоним *Вислоуховский переулочек* отсылает к негативным коннотациям за счёт семантики глупости (данное прилагательное является синонимом к слову «глупость» [1, с. 65]), что подтверждается и в тексте произведения: «Приедет начальник, не успеет к «благим начинаниям» вплотную приступить — глядь, его уж сменили, нового шлюют! Поэтому мостовая в Вислоуховском переулке и дондесь не докончена» [9, с. 2]. Название улицы становится частью сатирической картины — оно метафорически подчёркивает бессмысленную текучесть власти и хроническую незавершённость дел: постоянная смена начальников, не успевающих довести до конца даже простейшие задачи (в данном случае — ремонт мостовой), напрямую соотносится с заложенной в топониме характеристикой глупости.

Подобным образом гротеск выражается и в топониме *село Обиралово*: в контексте сочетается несочетаемое — «Я сам посетил его в благоприобретенном селе Обиралове» [9, с. 11]. Это название происходит от глагола «обирать», то есть грабить, вымогать, а прилагательное *благоприобретенный* вносит положительный оттенок, который противоречит негативному явлению. Топоним *Паскудск* построен по аналогичной модели: он образован от грубого, обычно бранного существительного *паскуда* («мерзкий, гадкий человек» [2, с. 813]), из-за чего возникает уничижительная семантика.

Последний топоним, который строится по данной модели, — *город Навозный*. В нём точно так же проявлена негативная семантика, как и в предыдущих, и возникновение

этого города в сатирической топонимике не случайно — скорее всего оно связано с впечатлениями М. Е. Салтыкова-Щедрина от города Пензы. В письме к П. В. Анненкову от 2 марта 1865 года писатель закончил свою отрицательную характеристику Пензы такими словами: «У меня начинают складываться Очерки города Брюхова, но не думаю, чтобы вышло удачно. Надобно, чтобы и в самой пошлости было что-нибудь человеческое, а тут, кроме навоза, ничего нет. И как плотно скупился этот навоз...» [9, с. 343].

Гротескное отражение действительности проявляется в ономастическом пространстве текста произведения как в антропонимах, так и в топонимах, работая на авторскую идею обличения пороков правителей («помпадуров»), деятельность которых обычно является бурной, но беспо-

лезной для народа, а должности раздаются благодаря фаворитизму. Гротеск в антропонимической системе создаётся с помощью таких приёмов, как оксюморон (сочетание иностранного имени или фамилии с русским, противоречие благозвучной фамилии и поступков героя и др.), намеренного создания однокомпонентных антропонимов, обладающих выразительной оценкой в его семантике, зачастую — негативной, отрицательная семантика двойных фамилий, которыми обычно обладали знатные люди, негативная семантика фамилий в полнокомпонентных антропонимах (иногда с изменением окончания, которое добавляет уничижительный оттенок). В топонимической системе гротеск проявляется более однотипно в вымышленных названиях с негативной семантикой существительных и глаголов, от которых они образованы.

Литература:

1. Александрова, З. Е. Словарь синонимов русского языка. Около 9000 синонимических рядов. Под ред. Л. А. Чешко. / З. Е. Александрова. — Изд. 2-е, стереотипное. — М.: Советская Энциклопедия, 1969. — 600 с. — Текст: непосредственный.
2. Большой толковый словарь русского языка [А-Я] / Российская академия наук, Институт лингвистических исследований; [руководитель проекта, главный редактор доктор филологических наук С. А. Кузнецов]. — СПб.: Норинт, 2004. — 1534 с. — Текст: непосредственный.
3. Берли, С. Перо в её руке: Женские письма — женские судьбы в XVIII веке [пер. с фр. О. А. Михайловой] / С. Берли. — М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2025. — 320 с. — Текст: непосредственный.
4. Гак, В. Г. Новый французско-русский словарь 70000 слов, 200000 единиц пер. / В. Г. Гак. — 3-е изд., испр. — М.: Русский яз., 1997. — 1194 с. — Текст: непосредственный.
5. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. ч. 1. А — З. / В. И. Даль. — 3-е изд., испр. — М.: Типография А. Семёна, 1863. — 627 с. — Текст: непосредственный.
6. Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. — М.: Советская энциклопедия, 1987. — 751 с. — Текст: непосредственный.
7. Неизданные письма к Достоевскому. Достоевский. Материалы и исследования. — Текст: электронный // Санкт-Петербург: «Наука»: [сайт]. — URL: http://az.lib.ru/d/dostoewskij_f_m/text_1877_neizdannye_pisma.shtml#: (дата обращения: 29.03.2026).
8. Разумов, Р. В. Ономастическая повседневность 1920-х гг. (на примере повести Л. Кассиля «Кондуит и Швамбрания») / Р. В. Разумов, М. Д. Белова. — Текст: непосредственный // Культура. Литература. Язык: Материалы конференции. — Ярославль: Ярославский гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского, 2022. — С. 14–22.
9. Салтыков-Щедрин, М. Е. Собрание сочинений в двадцати томах. Том 8. Помпадуры и помпадурши. История одного города. / М. Е. Салтыков-Щедрин. — М.: Художественная литература, 1969. — 618 с. — Текст: непосредственный.
10. Салтыков-Щедрин, М. Е. Сатиры в прозе, Невинные рассказы. / М. Е. Салтыков-Щедрин. — М.: Художественная литература, 1965. — 655 с. — Текст: непосредственный.
11. Суперанская, А. В. Современный словарь личных имён: Сравнение. Происхождение. Написание / А. В. Суперанская. — М.: Айрис-пресс, 2005. — 384 с. — Текст: непосредственный.
12. Тришин, В. Н. Большой словарь-справочник синонимов русского языка системы ASIS. / В. Н. Тришин. — Текст: электронный // Наука. Искусство. Величие.: [сайт]. — URL: <https://rus-yaz.niv.ru/doc/synonyms-trishin/fc/slovar-210-24.htm#zag-314128> (дата обращения: 29.03.2026).
13. Унбегаун, Б. О. Русские фамилии / Б. О. Унбегаун. — М.: Прогресс, 1989. — 305 с. — Текст: непосредственный.
14. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений: Более 4000 статей / Авт.-сост. В. Серов. — 2-е изд. — М.: Локид-Пресс, 2005. — 880 с. — Текст: непосредственный.

Особенности перевода экспрессивной лексики на материале романа Тома Вулфа «Костры амбиций»

Геберлейн Алина Александровна, студент;
Трошкова Юлия Викторовна, студент
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

В данной статье рассматриваются приемы перевода экспрессивной лексики с английского языка на русский на материале романа Тома Вулфа «Костры амбиций». Экспрессивные языковые средства играют ключевую роль в формировании авторского идиостиля и передаче оценочных смыслов, их перевод сопряжен со значительными трудностями, обусловленными различиями в семантической структуре и экспрессивном потенциале двух языков. Авторы анализируют классификацию эмотивной лексики В. И. Шаховского, а также лексические трансформации, предложенные Я. И. Рецкером, и на основе сопоставительного анализа исходного и переводного текстов выявляет основные стратегии передачи аффективов, коннотативов и потенциалов.

Ключевые слова: экспрессивная лексика, художественный перевод, эмотивность, лексические трансформации, аффективы, коннотативы, потенциалы.

Передача экспрессии в переводе представляет собой одну из наиболее сложных задач, стоящих перед переводчиком художественного текста. Художественный стиль речи, по определению В. В. Виноградова, представляет собой особую форму литературного языка, допускающую использование элементов иных стилей и даже языковых фактов, выходящих за пределы литературной нормы [1, с. 56]. Центральную роль в формировании этого стиля играют образность и эмоциональная окрашенность высказывания, которые реализуются через тщательный отбор лексических средств [1, с. 312]. Экспрессивно окрашенные единицы формируют авторский идиостиль, передают оценочные смыслы и служат ключевым средством создания художественной образности. При переводе передача экспрессии представляет собой особую сложность, поскольку она неразрывно связана с контекстом, культурными кодами и не имеет прямых словарных эквивалентов в языке перевода.

Центральным понятием для исследования данного пласта лексики является экспрессивность, которая в концепции В. И. Шаховского рассматривается как сложный семантический феномен, возникающий на пересечении концептуальных и эмоциональных процессов сознания [3, с. 57]. Ключевой категорией здесь выступает эмотивность — способность слова отражать и выражать типизированные эмоциональные состояния и оценочные отношения субъекта к действительности, закрепленные в коллективном языковом опыте. Эмотивный компонент семантики слова образуется на основе эмотивных сем — мельчайших смысловых единиц, соотносимых с эмоциями говорящего [3, с. 73–74].

В зависимости от статуса эмотивного компонента в семантической структуре слова В. И. Шаховский выделяет три типа эмотивной лексики. Аффективы — это слова, у которых эмотивность является обязательным денотативным компонентом значения; они выражают сильные эмоции говорящего и не имеют нейтральных коррелятов (междометия, бранная лексика). Коннотативы — слова, у которых эмотивность выступает в статусе коннотации,

то есть факультативного компонента, сопровождающего логико-предметное значение. Потенциалы — слова, которые в определенных контекстах могут приобретать эмотивную окраску, хотя в их исходной семантике она отсутствует [3, с. 75–77].

Специфика перевода экспрессивной лексики с английского языка на русский обусловлена фундаментальными различиями в семантической структуре двух языков. Согласно теории Я. И. Рецкера, лексика русского языка отличается большей экспрессивностью и конкретностью, в то время как английские слова обладают более широкой, расплывчатой семантикой [2, с. 133–134]. Вследствие этого переводчик вынужден компенсировать отсутствие прямых нейтральных эквивалентов, прибегая к лексическим трансформациям. К наиболее продуктивным приемам относятся дифференциация значений, конкретизация, генерализация, смысловое развитие, антонимический перевод, целостное преобразование и компенсация потерь [2, с. 45]. Особое место среди них занимает экспрессивная конкретизация, при которой нейтральное английское слово заменяется русским соответствием с более яркой и точной семантикой. Данная операция не искажает смысл, а раскрывает эмоциональный потенциал, который в оригинале передан лишь имплицитно, через образ или контекст.

Для анализа перевода экспрессивной лексики был выбран роман американского писателя и журналиста Тома Вулфа «Костры амбиций» (*The Bonfire of the Vanities*, 1987). Роман представляет собой сатирическую панораму Нью-Йорка 1980-х годов, в которой экспрессия создается посредством различных языковых средств. На фонетическом уровне экспрессивность реализуется через графическую имитацию звуков и интонаций — искаженное произношение, междометия-лейтмотивы, растянутые гласные. На графическом уровне капитализация визуализирует внутренний крик, а курсив маркирует переход от социально одобряемой речи к внутренней, циничной. На синтаксическом уровне парцелляция имитирует паническое усилие удержать контроль, а параллелизм порождает

иронию. На лексическом уровне экспрессия достигается через авторские неологизмы, социально маркированную лексику, эмоционально-оценочные прилагательные и зооморфные метафоры. Автор создает многоуровневую систему экспрессивных средств, где каждый языковой уровень работает на создание единого эффекта — погружения читателя в мир, где социальные различия и психологическое напряжение передаются через саму ткань языка, от фонемы до синтаксической конструкции.

Рассмотрим пример перевода аффектива: *...terrific posture... terrific to the point of imperious...* — ПТ: *...осанка побряскающая, можно сказать царственная...* Кембриджский словарь определяет лексему *imperious* как ‘unpleasantly proud and expecting to be obeyed’, а словарь Коллинза — как ‘If you describe someone as imperious, you mean that they have a proud manner and expect to be obeyed’. Лексема *царственная* определяется словарем Ожегова как «величественный и горделивый, величавый». Сопоставив дефиниции, можно отметить, что английская единица перевода содержит ярко выраженную сему высокомерной властности с устойчивой негативной коннотацией, которая является ядром семантики слова, в то время как русская лексема содержит сему величественности и горделивости, нивелируя сему высокомерия. Согласно теории В. И. Шаховского, данную лексему можно классифицировать как аффектив. Согласно классификации Я. И. Рецкера, при переводе был применен прием смыслового развития: значение *imperious* передано лексемой *царственная*, которая сохраняет общую сему величия и превосходства, но негативная коннотация переходит в положительную. Переводчик изменяет оценочную модальность оригинала, что может отражать культурные различия в восприятии социальной иерархии, однако ключевая сема превосходства сохранена.

Рассмотрим пример перевода коннотатива: *The beast ducked again...* — ПТ: *Кобель снова увернулся...* Кембриджский словарь определяет лексему *beast* как ‘an animal, especially a large or wild one’, а в переносном значении — как ‘an unpleasant, annoying, or cruel person’. Лексема *кобель* определяется словарем Ушакова в первом значении как «собака самец», а во втором переносном — как «о человеке с грубо чувственным отношением к женщине». Если в оригинале доминировала сема жестокости и неконтролируемой агрессии, то в переводе она заменяется семой грубой чувственности. Согласно теории В. И. Шаховского, обе лексемы можно классифицировать как коннотативы, поскольку их первичное значение является предметным, а эмотивная оценка возникает в переносном употреблении. Согласно классификации Я. И. Рецкера, при переводе был применен прием смыслового развития: переводчик сохранил общую сему уничижительной характеристики человека через зооморфную метафору, но изменил смысловой акцент, адаптировав его к контексту.

Рассмотрим перевод потенциала: *Insulation! That was the ticket. That was the term Rawlie Thorpe used. «If you want to live in New York», he once told Sherman, «you’ve got to insulate, insulate, insulate», meaning insulate yourself from those people.* — ПТ: *Изоляция — вот их жизненное правило.*

Этот термин использовал Роли Торп. «Хочешь жить в Нью-Йорке, — как-то сказал он Шерману, — позаботься об изоляции», то есть отгородись от этих людей. Кембриджский словарь определяет лексему *insulation* как ‘the act of covering something to stop heat, sound, or electricity from escaping or entering’, а также как ‘the fact of being protected from something harmful’. Лексема *изоляция* определяется словарем Ожегова в первом значении как «то же, что изолировать/изолироваться», а во втором специальном — как «приспособление, материал, которым изолируют электрические провода и другие проводники энергии». В исходной семантике обеих лексем эмотивная окраска полностью отсутствует. Однако в контексте романа под влиянием авторской интенции лексема приобретает ярко выраженную отрицательную коннотацию социального эгоизма и высокомерия. Согласно теории В. И. Шаховского, это классический потенциал. Согласно классификации Я. И. Рецкера, при переводе был подобран эквивалент, который используется при переводе технического термина, в сочетании с целостным преобразованием на уровне фразы. Переводчик сохраняет авторскую иронию через противопоставление технического термина и циничного социального принципа.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что переводчик последовательно применяет стратегию адекватного перевода, при которой сохранение прагматического эффекта и авторской иронии является приоритетным по отношению к формально-лексической точности. В зависимости от типа эмотивной лексики используются различные лексические трансформации. При переводе аффективов и коннотативов преобладает прием смыслового развития и конкретизации, что позволяет адаптировать оценочную модальность к нормам русской лингвокультуры при сохранении ядерной эмотивной семы. В одних случаях наблюдается смягчение негативной коннотации оригинала и замена ее на положительную, в других — напротив, усиление отрицательной оценки за счет использования лексем с закрепленной в словаре пренебрежительной коннотацией. Перевод потенциалов, эмотивная окраска которых актуализируется исключительно в контексте, представляет наибольшую сложность и требует целостных преобразований и добавления эксплицирующих элементов. Во всех случаях переводчику удается актуализировать потенциальную эмотивность оригинала с помощью контекстуальных средств русского языка. Основная трудность при переводе романа «Костры амбиций» заключается не в передаче отдельных лексических единиц, а в воспроизведении целостной системы авторской экспрессии, пронизывающей все уровни текста — от фонетического до синтаксического. Работа с различными типами эмотивной лексики требует от переводчика гибкого применения лексических трансформаций и глубокого понимания как семантической структуры экспрессивных единиц, так и культурных различий в выражении эмоционально-оценочных значений в английском и русском языках.

Литература:

1. Виноградов, В. В. Избранные труды. О языке художественной прозы [Текст] / В. В. Виноградов. — М.: Наука, 1980. — 528 с.
2. Рецкер, Я. И. Теория перевода и переводческая практика: очерки лингвистической теории перевода [Текст] / Я. И. Рецкер. — М.: Изд-во Р. Валент, 2007. — 256 с.
3. Шаховский, В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка [Текст] / В. И. Шаховский. — Воронеж: Воронежский университет, 1987. — 208 с.
4. Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс]. — URL: <https://slovarozhegova.ru> (07.04.2026).
5. Толковый словарь Ушакова [Электронный ресурс]. — URL: <https://ushakovdictionary.ru> (07.04.2026).
6. The Cambridge Dictionary Online [Электронный ресурс]. — URL: <http://dictionary.cambridge.org> (07.04.2025).
7. The Collins Dictionary Online [Электронный ресурс]. — URL: <http://collinsdictionary.com> (07.04.2026).

Прототип ницшеанского сверхчеловека в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» и его отражение в современной культуре

Дэн Цзыи, студент

Шихэцзский университет (г. Шихэцзы, Китай)

Научный руководитель: Бартенева Ангелина Алексеевна, педагог дополнительного образования

Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина (г. Москва)

В статье сравниваются теории сверхчеловека Достоевского и Ницше. На примере Раскольникова показан первый прототип «сверхчеловека», который пытается переступить через других, но терпит крах из-за мук совести. А Ницше понимает сверхчеловека как преодоление себя. Автор также анализирует, как эти идеи отражаются в современной молодёжной культуре: стремление к саморазвитию (близко к Ницше) и явления «нецзюань» или «культура волков» (близко к Раскольникову). Главный вопрос: как остаться человеком на пути к успеху.

Ключевые слова: теория сверхчеловека, Достоевский, Ницше, преступление и наказание, современная молодёжь.

В современном мире всё чаще уделяют внимание ценностям молодёжи, особенно отношению молодёжи к успеху. Многие хотят быть успешными: иметь хорошую работу, много денег, высокий статус. Но что значит «быть успешным»? Ответ на этот вопрос непрост. Интересно, что в отношении молодёжи к успеху проявляются черты, сближающие его как с теорией сверхчеловека Достоевского, так и с теорией сверхчеловека Ницше: с одной стороны, молодёжь стремится к саморазвитию и самопревосхождению — это близко к идеям Ницше. С другой стороны, в молодёжной среде появляются жёсткая конкуренция, равнодушие к другим, желание «переступить» ради успеха. Это напоминает героя Достоевского — Раскольникова. Обе теории помогают понять, как современная молодёжь стремится к успеху и какие проблемы при этом возникают.

Теория сверхчеловека Достоевского. «Преступление и наказание» — это одно из самых великих классических произведений в мире, в котором упоминается теория сверхчеловека, известная многим людям. Герой Раскольников является сторонником и практиком этой теории в романе, становясь первым прототипом сверхчеловека, описанного в дальнейшем Ницше.

Раскольников был студентом юридического факультета, доведённым до нищеты. Он был очень бедным,

бросил университет, потому что не мог платить за обучение. Он снимал каморку под самой крышей в Петербурге и считал, что это тесное пространство давит на него, как «гроб». Он жил за счёт поддержки сестры и матери, но избегал общества, сторонился близких. В таком положении Раскольников формулирует свою идею в статье «О преступлении», которая говорит: «<...> Все люди разделяются на «обыкновенных» и «необыкновенных». Обыкновенные должны жить в послушании и не имеют права переступать закона, потому что они, видите ли, обыкновенные. А необыкновенные имеют право делать всякие преступления и всячески преступать закон, собственно потому, что они необыкновенные». [2]. Это разделяет людей на «обыкновенных» и «необыкновенных» и утверждает, что «необыкновенные люди», такие как Наполеон, могут преступать нормы ради блага человечества, не испытывая угрызений совести. Раскольников сам пытается проверить эту теорию, убив старуху-процентщицу, потому что он видел в ней «вредный вош». Однако эксперимент проваливается из-за мук совести и душевного надлома.

Из этого можно сделать следующие выводы о теории сверхчеловека Достоевского:

— во-первых, деление людей на «обыкновенных» и «необыкновенных» ошибочно. Сам Достоевский считал такое деление нравственно несостоятельным.

— во-вторых, согласно этой теории, «необыкновенные люди» имеют моральное право «переступить» через препятствия ради блага человечества и высшей идеи, даже могут жертвовать «обыкновенными людьми».

Теория сверхчеловека Ницше. Ницше развивал теорию сверхчеловека Достоевского. Он ввёл понятие «сверхчеловека» — человека, который стоит «по ту сторону добра и зла», способного пересмотреть ценности и создать новую мораль. Для Ницше сверхчеловек — это не тот, кто презирает «обыкновенных» и переступает через них, а тот, кто преодолевает самого себя. Философ считает, что это идеал творческого и свободного человеческого духа. В книге «Так говорил Заратустра» Ницше пишет: «Человек — это канат, натянутый между животным и сверхчеловеком, — канат над пропастью». [3]. Сверхчеловек — это не господин над другими, а победа над собственным нигилизмом, страхом.

Можно выделить главные черты теории сверхчеловека Ницше: во-первых, созидание, а не разрушение. Это цель сверхчеловека. Сверхчеловек сам даёт себе закон, но этот закон — творчество. Во-вторых, воля к жизни, а не к смерти. Ницше критиковал тех, кто проповедует жестокость во имя «высших целей» — это, по его мнению, проявление слабости, а не силы. Он думает, что человек должен развивать себя, чтобы стать сверхчеловеком. В-третьих, любовь к другу и «дальнему» — это сам, который развивается и совершенствуется. Герой Заратустра говорит: «Выше любви к ближнему стоит любовь к дальнему и будущему <...> Не о ближнем учу я вас, но о друге. Пусть друг будет для вас праздником земли и предчувствием сверхчеловека». [4].

Возвращаясь к теории сверхчеловека Достоевского, сравним её с теорией сверхчеловека Ницше, используя в качестве прототипа Раскольникова:

— во-первых, **цель** сверхчеловека. У Достоевского цель Раскольникова — через сцену убийства доказать себе, что он — «необыкновенный» человек, однако в конце романа наказание доказал, что он на самом деле обыкновенный человек, тогда как Ницше считает, что цель сверхчеловека касается самопревосхождения и саморазвития;

— Во-вторых, **способ стать сверхчеловеком.** Для Достоевского стать сверхчеловеком — значит отказаться от моральных принципов, а для Ницше это самодисциплина и преодоление себя.

— В-третьих, **отношение к другим людям.** Создавая из Раскольникова прототип «неудавшегося» сверхчеловека, Достоевский показывает, что он обычно избегает общества и равнодушен к жизни старухи-процентщицы и других людей, а Ницше считает, что сверхчеловек не нуждается в унижении других и готов помогать им, чтобы расти и развиваться вместе.

— В-четвёртых, их **финал.** Раскольникова в конце романа постигла кара совести, что показывает несостоятельность теории сверхчеловека по Достоевскому. Сверхчеловек, по его мнению, обречён на страдания, поскольку он отказался от души. Ницше противопоставляет этому сво-

боду, которую обретает сверхчеловек и его способность к бесконечному созиданию.

Главное различие состоит в том, что Достоевский считает, что человек может быть цельным и свободным только с Богом. Он за «Богочеловека»: через веру, и любовь к Христу человек спасается от саморазрушения. А Ницше отрицает Бога и говорит, что человек сам должен создавать свои ценности. Он за «сверхчеловека»: человек становится выше, преодолевая себя, выходя за пределы обычной морали и утверждая волю к власти. Ницше принимает эгоизм и считает, что традиционная мораль подавляет жизнь [1].

Отношение современной молодёжи к успеху. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) представляет данные о том, что для россиян является признаком успеха и насколько важно быть успешным человеком сегодня. Для россиян понятие «успех» чаще всего связано с материальным благополучием и **самореализацией**: так, 26 % считают успешным человеком того, кто всего добился в жизни, другие 26 % — того, кто живёт в достатке, 10 % считают символом успеха хорошую работу, 9 % — реализацию себя в какой-либо деятельности, а 7 % — достижение определенного социального статуса [5].

Согласно исследованию ценностей поколения Z, проведённому Becoming You Labs, представители этого поколения больше всего ценят: заботу о себе, подлинное самовыражение и помощь другим [6]; Фан Цзин в работе «Исследование структуры и механизмов формирования концепции успеха у молодёжи в контексте профессионального развития» отмечает: «Представленные данные свидетельствуют о постепенном росте стремления молодёжи к самореализации, при этом традиционные нормативные ограничения ослабевают, а критерии успеха смещаются в сторону субъективного восприятия и самоидентификации» [7]. Всё это отражает то, что современная молодёжь всё больше и больше ценит само превосходство и саморазвитие, что также созвучно позитивным сторонам теории Ницше о сверхчеловеке.

Тем не менее, среди молодёжи в Китае возникает явление «**Нецзюань**», это сложный академический термин, который в Китае используют для описания иррациональной конкуренции: Люди вынуждены работать всё интенсивнее, но общий результат почти не меняется [8]. Кроме того, в обществе есть такие взгляды и явления: Во-первых, «Или Наполеон, или вошь», В соцсетях много статей с названиями: «Твои сверстники бросают тебя далеко позади» или «Ты всё ещё беден, даже если зарабатываешь 100 тысяч в месяц». Это навязывает нездоровый тип мышления молодёжи: если ты не «успешный», значит ты «неудачник», «вошь». Во-вторых, искушение «переступить» правила: различные «курсы быстрого успеха» и «секреты быстрого обогащения», «культура волков» на работе — всё это говорит, что ради успеха можно временно забыть о морали и чувствах других. В-третьих, отношение к другим как к инструменту: суть феномена «инволюция» — видеть в других не союзников, а конкурентов.

В философии успеха «связи» — это не друзья, а «ресурсы». Можно отметить, современная молодёжь жертвует сном, здоровьем и дружбой, чтобы достичь своей цели. Это противоречит идеям Достоевского и Ницше.

Путём анализа теорий сверхчеловека Достоевского и Ницше мы можем понять, как современная молодёжь достигает успеха. С одной стороны, современная молодёжь стремится к самопревосхождению и саморазвитию, это совпадает с идеей Ницше о сверхчеловеке. С другой стороны,

среди молодёжи распространены такие явления, как «не-цзюань» и «культура волков» — в этом случае современная молодёжь напоминает Раскольникова: она тоже пытается «переступить» окружающих и равнодушна к ним. [9]

Таким образом, молодые люди оказываются на распутье: одна дорога ведёт к подлинному росту, другая — к внутреннему опустошению. Главный вопрос не в том, как достичь успеха любой ценой, а в том, как остаться человеком на этом пути.

Литература:

1. ВЦИОМ, 2013, <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/uspekh-chto-eto-takoe-i-naskolko-vazhno-byt-uspeshnym>
2. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений в 15-ти томах // Л., «Наука». — 1989. — Том 5. — 414 с.
3. Зайцева Е. Б., Страхова И. А. Сопоставление антропологических идей Ф. М. Достоевского и Ф. В. Ницше // Труды Белгородской духовной семинарии. — 2018. — № 8. — 6 с.
4. Ницше Ф. В. Так говорил Заратустра // М.: АСТ, 2015. — 13 с.
5. Ницше Ф. В. Так говорил Заратустра // М.: АСТ, 2015. — 72 с.
6. Suzy Welch, 2025, <https://www.cnbc.com/2025/10/14/they-hate-hustle-but-need-a-job-a-ceos-advice-for-an-unemployable-gen-z.html>
7. У Ихао, Гао Жоюнь. Идеальные истоки, реальные причины и будущий выход из «внутренней сверхконкуренции» (нэйцзюань) // Платформа препринтов по философии и социальным наукам. — 2025. — 14 с.
8. Фан Цзин Исследование структуры и механизмов формирования представлений об успехе у молодёжи в контексте профессионального развития // Форум Развития Молодёжи. — 2025. — № 2. — С. 27–37.
9. Чжан Яо. Сравнительное исследование философии существования Фёдора Достоевского и Фридриха Ницше // Форум Развития Молодёжи. — 2022. — № 2. — 33 с

Эволюция механизмов трансформации британского культурного кода на примере произведений жанра фэнтези

Мухамадеев Кирилл Сергеевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Заболотнева Оксана Леонидовна, кандидат филологических наук, доцент
Челябинский государственный университет

В статье исследуется трансформация британского культурного кода в англоязычном фэнтези. Материалом послужили тексты художественных произведений Дж. Р. Р. Толкина, К. С. Льюиса и Н. Геймана. Классики (Толкин, Льюис) тяготеют к мифопоэтической реконструкции и теологической аллегории. Н. Гейман выбирает постмодернистскую деконструкцию и иронию над прецедентными феноменами.

Ключевые слова: художественный дискурс, фэнтези, интертекстуальность, культурный код, прецедентный феномен, аллюзия.

Evolution of mechanisms of transformation of the British cultural code on the example of fantasy genre works

Mukhamadeev Kirill Sergeevich, master's student

Scientific advisor: Zabolotneva Oksana Leonidovna, ph.d. in philology, associate professor
Chelyabinsk State University

The article explores the transformation of the British cultural code in English fantasy literature. Novels written by J. R. R. Tolkien, C. S. Lewis, and N. Gaiman were chosen as the research material. While classic authors (Tolkien, Lewis) gravitate towards mythopoetic reconstruction and theological allegory, N. Gaiman opts for postmodern deconstruction and an ironic attitude towards precedent phenomena.

Keywords: literary discourse, fantasy, intertextuality, cultural code, precedent phenomenon, allusion.

Введение

В современной лингвокультурологии наблюдается устойчивый интерес к междисциплинарным подходам. Художественный текст рассматривается исследователями как сложный лингвокультурный конструкт, отражающий национальную картину мира. В данном контексте особого внимания заслуживает жанр фэнтези, статус которого за последние десятилетия был существенно пересмотрен. Будучи «вторичной моделирующей системой», фэнтези парадоксально опирается на самые древние первичные структуры — мифы, историю и религию.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения механизмов трансформации британского культурного кода в рамках жанра фэнтези на разных этапах его развития. Учитывая значительное влияние жанра на массовую культуру, цель нашей работы — сопоставить маркеры интертекстуальности у классиков жанра (Дж. Р. Р. Толкина, К. С. Льюиса) и мастера современного городского фэнтези Н. Геймана.

Задачи исследования: 1) определить границы интертекста в фэнтези-дискурсе; 2) классифицировать используемые авторами прецедентные феномены; 3) проследить переход от модернистской серьезности к постмодернистской игре. Базой для анализа стали оригиналы романов «Властелин колец» (*The Lord of the Rings*), «Хроники Нарнии» (*The Chronicles of Narnia*) и «Задверье» (*Neverwhere*).

Теоретические основания исследования: дискурс фэнтези и культурная память

Понятие дискурса в лингвистике весьма многогранно. Как отмечал Т. А. ван Дейк, сюда входит не только вербальная ткань, но и масса экстралингвистических факторов [1, с. 25]. Фэнтези-дискурс имеет свой уникальный стержень. Это двоемирие. Обыденное и магическое здесь постоянно сталкиваются или проникают друг в друга.

Построить такой вторичный мир без интертекстуальности попросту невозможно. Ю. Кристева называла любой текст «мозаикой цитаций» [3, с. 429]. В отечественной науке схожий подход развивает Н. А. Фатеева, определяя интертекстуальность как способ формирования многомерного смыслового пространства текста [6, с. 15]. В фантастике эта мозаика берет на себя серьезную онтологическую роль. Интертекст работает как якорь. Он привязывает вымысел к реальности и культурному багажу читателя, делая придуманный мир убедительным.

Что касается культурного кода, В. Н. Телия определяет его как «сетку, которую культура набрасывает на окружающий мир» [5, с. 215]. Британская «сетка» соткана из кельтских мифов, скандинавских саг, артуровских легенд и библейских преданий. Вплетая маркеры этих текстов

в повествование, писатели заставляют англоязычного читателя бессознательно узнавать знакомые смыслы.

Эпическая реставрация: лингвокультурный проект Дж. Р. Р. Толкина

Обращаясь к творчеству Джона Рональда Руэла Толкина, необходимо учитывать сферу его научных интересов. Оксфордский профессор и лексикограф задумал не просто сказку, а масштабную «мифологию для Англии» [7, р. 144]. Он искренне считал, что нормандское завоевание обокрало британскую культуру, лишив ее собственного эпоса. Свою задачу Толкин видел в его реставрации. Интертекст у него реализуется через глубокую лингвистическую переработку древнегерманских текстов.

Культурный код закладывается уже в именах. Топоним *Middle-earth* (Средиземье) не является авторским неологизмом. Это точная семантическая калька с древнеанглийского *Middangeard* — срединного мира людей из германской мифологии.

Особенно показательна культура рохиррим. Толкин не просто играет в стилизацию. Для передачи их речи и топонимики он берет настоящий мерсийский диалект староанглийского языка.

Пример: Имя короля Рохана *Théoden* (Теоден) — это древнеанглийское слово *þeoden*, означающее «предводитель» или «повелитель» [8, р. 210]. А его меч *Herugrim* (Херугрим) складывается из корней *heoru* (меч) и *grim* (свиный).

Интертекстуальные включения в данном случае выполняют функцию хронотопического сдвига, погружая читателя в архаический контекст. Так, при описании чертога Медусельд (др.-англ. *medu-seld* — «медовый зал»), Леголас произносит: “*The light of it shines far over the land,*” said *Legolas* [12, р. 661]. («Свет его сияет далеко над землей», — сказал Леголас; здесь и далее перевод наш. — К. М.).

Перед нами точный перевод знаменитой 311-й строки из древнеанглийской поэмы «Беовульф», описывающей золотой чертог Хеорот: “*líxte se léoma ofer landa fela*” [10, р. 12].

Читатель улавливает эту архаичную монументальность интуитивно, воспринимая текст как часть своей заботливой истории. Это наглядно демонстрирует начальный этап эволюции механизмов трансформации британского культурного кода в фэнтези, направленный на мифопоэтическую реставрацию эпоса.

Теологический аллегоризм в прозе К. С. Льюиса

Совсем иначе работает с культурным кодом К. С. Льюис. В «Хрониках Нарнии» акцент смещен. В центре внимания здесь не филологическая реконструкция, а Библия и античность. Льюис транслирует этику классического хри-

стианского гуманизма, надежно пряча богословие за скалочным фасадом.

Интертекст у Льюиса прозрачен. Он подчинен жесткой дидактической цели. Главный прецедентный текст здесь — Евангелие. Лев Аслан выступает не просто отсылкой, а прямой аллегорией Христа. Даже выбор животного абсолютно не случаен. В Откровении Иоанна Богослова (5:5) напрямую упоминается «Лев от колена Иудина».

Кульминацией христианского мотива в цикле служит воскресение Аслана:

“It means that though the Witch knew the Deep Magic, there is a magic deeper still which she did not know. Her knowledge goes back only to the dawn of time. But if she could have looked a little further back... she would have known that when a willing victim who had committed no treachery was killed in a traitor’s stead, the Table would crack and Death itself would start working backwards.” [11, p. 148].

(«Это означает, что хотя Колдунья знала Глубинную Магию, есть магия еще более глубокая, которой она не знала. Ее знания доходят лишь до рассвета времен. Но если бы она могла заглянуть немного дальше... она бы узнала, что когда добровольная жертва, не совершившая предательства, убита вместо предателя, Стол расколется, и сама Смерть обратится вспять»).

В данном фрагменте эксплицируются фундаментальные концепты жертвы (sacrifice) и искупления (redemption). Мотив разорванной завесы Иерусалимского храма трансформируется в образ Расколотого Каменного Стола. Авторская стратегия заключается в адаптации теологических догматов (Ветхозаветного Закона и новозаветной Благодати) для детской аудитории посредством метафоры «Глубинной Магии». На данном этапе эволюции механизмов трансформации британского культурного кода происходит переход от лингвистической реконструкции к теологическому аллегоризму.

Топонимическая субверсия и пастиш в эстетике Н. Геймана

Если классики середины века тяготели к возвышенным и упорядоченным материям, то Нил Гейман опускает нас на землю. Его роман «Задверье» (*Neverwhere*) — это квинт-эссенция постмодерна. Прецедентными текстами становятся не только ветхие манускрипты, но и городские байки, названия лондонских улиц и клише викторианской литературы.

Автор актуализирует стертые метафоры лондонской топонимики, реализуя их прямое значение. Как отмечает В. А. Маслова, метафора выступает одним из базовых «способов представления культуры» [4, с. 88]. Гейман блестяще использует этот лингвокультурный механизм, доводя его до постмодернистской буквализации (деметафоризации).

Так, обычная лондонская станция метро *Angel* (Ангел) в магическом пространстве Нижнего Лондона вопло-

щается в настоящего небожителя — ангела Ислингтона (*Angel Islington*): *“The voice was very beautiful. It was a voice that sounded as if it were coming from nowhere, and from everywhere”* [9, p. 171]. («Голос был очень красивым. Казалось, он исходил ниоткуда и отовсюду сразу»).

Вводя мистические мотивы в описание повседневного Лондона, Гейман активно прибегает к иронии. Достаточно посмотреть на то, как трансформируется образ ангела: из традиционного символа спасения и защиты он превращается в главного антагониста романа. Тем самым христианский код, характерный для текстов К. С. Льюиса, подвергается субверсии (переосмыслению). Таким образом, механизмы трансформации британского культурного кода эволюционируют, смещаясь в сторону постмодернистской деконструкции.

Похожая судьба постигла станцию *Blackfriars* (Черные братья). У Геймана там базируется средневековый орден монахов, охраняющий тайны.

Отдельно стоит упомянуть наемных убийц мистера Круппа и мистера Вандемара (*Mr. Croup and Mr. Vandemar*), чья манера речи и поведение представляют собой пастиш на готических злодеев и викторианских джентльменов. Гейман подчеркивает эту дихотомию через избыточную велеречивость Круппа: *“Croup and Vandemar,” he said, smoothly, “the Old Firm. Obstacles obliterated, nuisances eradicated, bothersome limbs removed, and tutelary dentistry”* [9, p. 69]. (««Круп и Вандемар», — мягко произнес он, — «Старая Фирма. Устраняем препятствия, искореняем неприятности, изымаем мешающие конечности, а также оказываем опекуны стоматологические услуги»).

Очевидный контраст между изысканной, витиеватой речью (отсылка к стилистике английской классики XIX века) и хтонической, монструозной природой персонажей блестяще иллюстрирует постмодернистскую тягу к черному юмору. Гейман намеренно стирает грань между элитарным литературным наследием Англии и культурой бульварного чтива. Подобная стилистическая игра завершает рассматриваемую нами эволюцию механизмов трансформации британского культурного кода.

Заключение

Результаты проведенного анализа позволяют утверждать, что интертекстуальность в дискурсе британского фэнтези выполняет не только стилистическую, но и онтологическую функцию. Жанр аккумулирует элементы исторической памяти, выступая одним из способов фиксации и трансляции национального культурного кода, наглядно демонстрируя эволюцию механизмов его трансформации.

Научная новизна нашей работы кроется в самом сопоставлении разных литературных эпох:

У Дж. Р. Р. Толкина интертекст работает на **мифопоэтическую реконструкцию**. Через древние лексемы и образы он буквально по крупницам склеивает разбитый национальный эпос.

К. С. Льюис ставит перед собой сугубо **дидактические задачи**. Он берет библейский код и переводит его на язык сказочной аллегории, чтобы передать молодому поколению основы христианской этики.

Н. Гейман занимается **постмодернистской деконструкцией**. Его больше не интересуют монументальные системы. Писатель играет с метафорами лондонской топонимики, иронизирует над классикой и блестяще отра-

жает фрагментированное, клиповое сознание жителя современного мегаполиса.

Очевидно, что жанр фэнтези оказался невероятно пластичным. Этот литературный формат не просто бездумно консервирует ментальные установки прошлого. Он активно меняется вместе с обществом, чутко реагируя на малейшие сдвиги в культурном сознании Британии.

Литература:

1. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк; перевод с английского. — Москва: Прогресс, 1989. — 312 с. — Текст: непосредственный.
2. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград: Перемена, 2002. — 477 с. — Текст: непосредственный.
3. Кристева, Ю. Бахтин, слово, диалог и роман / Ю. Кристева. — Текст: непосредственный // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / составитель Г. К. Косиков. — Москва: ИГ Прогресс, 2000. — С. 427–457.
4. Маслова, В. А. Лингвокультурология: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / В. А. Маслова. — Москва: Издательский центр «Академия», 2001. — 208 с. — Текст: непосредственный.
5. Телия, В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. — Москва: Школа «Языки русской культуры», 1996. — 288 с. — Текст: непосредственный.
6. Фатеева, Н. А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности / Н. А. Фатеева. — Москва: Ком-Книга, 2006. — 280 с. — Текст: непосредственный.
7. Carpenter, H. J. R. R. Tolkien: A Biography / H. Carpenter. — London: George Allen & Unwin, 1977. — 287 p.
8. Clark Hall, J. R. A Concise Anglo-Saxon Dictionary / J. R. Clark Hall. — 4th ed. — Toronto: University of Toronto Press, 1984. — 432 p.
9. Gaiman, N. Neverwhere / N. Gaiman. — New York: HarperCollins, 2008. — 331 p.
10. Klaeber, Fr. Beowulf and The Fight at Finnsburg / Edited by Fr. Klaeber. — 3rd ed. — Boston: D. C. Heath and Company, 1950. — 471 p.
11. Lewis, C. S. The Lion, the Witch and the Wardrobe / C. S. Lewis. — London: HarperCollins, 2001. — 171 p.
12. Tolkien, J. R. R. The Two Towers / J. R. R. Tolkien. — London: HarperCollins, 2008. — 982 p.

Ложные друзья переводчика и терминологические лакуны в терминологии аккредитации органов по оценке соответствия на русском, английском и испанском языках

Полякова Дарья Владимировна, студент магистратуры

Научный руководитель: Учурова Светлана Александровна, кандидат педагогических наук, доцент
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург)

В статье исследуются терминологические расхождения, выраженные лакунами и ложными друзьями переводчика, возникающие при переводе терминов аккредитации органов по оценке соответствия.

Ключевые слова: терминология, ложные друзья переводчика, терминологические лакуны, аккредитация.

Аккредитация представляет собой независимую оценку добросовестности, беспристрастности и компетентности органов по оценке соответствия в выполнении ими определенных задач по оценке и подтверждению соответствия принятым нормам. Сфера аккредитации органов по оценке соответствия отличается использованием множества специальных терминов. Не-

обходимость унификации значений и порядка использования терминов в разных странах обусловлена тем, что сама аккредитация направлена на обеспечение взаимного признания результатов аккредитации и оценки соответствия во всех странах. В определении терминов в сфере аккредитации важна точность и однозначность с учетом языковых и юридических особенностей. Так, актуальной

проблемой становится выявление терминологических расхождений, возникающих при использовании терминологии аккредитации на разных языках. В настоящем исследовании рассмотрена триада языков: русский, английский и испанский.

В любом сопоставительном исследовании терминологии особое место занимают явления, создающие иллюзию взаимопонимания при внешнем сходстве языковых форм. Такие явления называются ложные друзья переводчика и терминологические лакуны.

Термин «ложные друзья переводчика» (фр. *faux amis du traducteur*) был введен в лингвистический обиход французскими лексикографами М. Кесслером и Ж. Дерокинью в 1928 году [11]. Под этим понятием понимаются пары слов в двух языках, которые имеют сходное звучание и/или написание, но различаются по значению. В некоторых случаях различие является полным (омонимия), в других — частичным (паронимия), когда значения пересекаются лишь в определенных контекстах.

В. В. Акуленко предлагает классификацию ложных друзей переводчика, согласно которой выделяются три группы [2]:

1. Межъязыковые омонимы — слова, имеющие схожую звуковую и/или графическую форму, но при этом имеющие полностью разное значение.
2. Межъязыковые паронимы — слова, схожие по форме и значению, но вызывающие ложные ассоциации.
3. Межъязыковые синонимы — слова, совпадающие по смыслу и употреблению. Слова могут иметь дополнительные оттенки значений в одном из языков.

На современном этапе исследователи предлагают иные классификации ложных друзей переводчика, например, А. И. Пахотин в своих работах предложил разделить ложных друзей переводчика на пять групп [7]:

1. Ложные друзья или обманчивые интернационализмы (*accurate* — *аккуратный* вместо *точный*, *actual* — *актуальный* вместо *реальный*).
2. Обманчивые похожие слова (*desert* — *dessert*, *personal* — *personnel*).
3. Частично обманчивые слова (*original* — *оригинальный*, но также *подлинный*, *realize* — *реализовать*, но также *осознавать*).
4. Обманчивые слова с превалирующим главным значением (*night* — не только *ночь*, но и *вечер*, *happy* — не только *счастливый*, но и *радостный*).
5. Обманчивые слова, связанные с низкой компетентностью пользователей (пожалуйста — *please* и *you're welcome* в зависимости от контекста).

В терминологии аккредитации органов по оценке соответствия при анализе и сравнении текстов официальных документов можно обнаружить ряд терминов, которые можно причислить к ложным друзьям переводчика. Ниже рассмотрим некоторые примеры таких терминов.

В испанской версии международного стандарта ISO/IEC 17000:2020 «Conformity assessment — Vocabulary and general principles», п. 6.4 указан термин «auditoría», ко-

торый вне контекста русскоязычному специалисту может показаться русским словом «аудитория» (например, в значении «публика» или «целевая аудитория»), что является примером межъязыковой омонимии или обманчивых интернационализмов. Дано следующее определение термина: «proceso para obtener información pertinente sobre un objeto de evaluación de la conformidad y evaluarlo de manera objetiva para determinar el grado en el que se cumplen los requisitos especificados» на испанском языке и «процесс получения соответствующей информации об объекте оценки соответствия и ее объективного оценивания с целью установления степени выполнения заданных требований» на русском языке. В русском языке эквивалентом испанского термина «auditoría» является термин «аудит». Зачастую явление межъязыковой омонимии объясняется этимологическим происхождением омонимов от одних и тех же слов. В данной паре слово «auditoría» происходит от лат. *audire* (слушать), «аудитория» — от лат. *auditorium* (место слушания), однокоренного *audire*, «аудит» — от лат. *auditus* (слушание) [8, 9]. При проведении сравнения эквивалентных терминов в английском языке расхождений не возникает, поскольку на английском языке термин «audit» совпадает с графической формой термина «аудит» на русском языке.

В испанской версии международного стандарта ISO/IEC 17011:2017 «Conformity assessment — Requirements for accreditation bodies accrediting conformity assessment bodies», п.7.1 используется термин «requisitos de acreditación». Слово «requisitos» имеет схожую форму с русским словом «реквизиты», тогда ошибочный перевод термина звучит как «реквизиты аккредитации». Данные этимологических словарей в очередной раз подтверждают гипотезу о происхождении от одного слова: оба слова «requisitos» и «реквизиты» происходят от лат. *requisitum* (необходимое) [8, 9]. В действительности на русский язык этот термин переводится иначе — «требования аккредитации». При этом ситуация с использованием перевода этого термина осложняется тем, что в российской юридической практике вместо термина «требования аккредитации» используется термин «критерии аккредитации», официально закрепленный в тексте Федерального закона от 28.12.2013 года № 412-ФЗ «Об аккредитации в национальной системе аккредитации», ст. 4. С англоязычным термином «accreditation requirements» расхождений не наблюдается.

В терминосистеме аккредитации часто встречается термин «test» и производные «testing», «test method», «test equipment», «testing laboratory», «proficiency testing» и другие термины. При буквальном переводе с английского языка на русский язык термин «test» становится словом «тест», поскольку «тест» возник в русском языке путем заимствования от англ. *test* [8]. Определение термина, закрепленное в стандарте ISO 9000:2015 «Quality management systems — Fundamentals and vocabulary», раскрывает немного иной оттенок значения: «determination according to requirements for a specific intended use or

application». Определение термина в русскоязычной версии стандарта звучит как «определение соответствия требованиям для конкретного предполагаемого использования или применения», тогда как сам термин — это «испытание». В таком случае производные термины на русском языке включают: «проведение испытаний», «метод испытаний», «испытательное оборудование», «испытательная лаборатория» и другие. Тем не менее, в ходе проведения сравнительной характеристики терминов из данной группы было обнаружено иное расхождение. В п. 3.5 стандарта ISO/IEC 17025:2017 «General requirements for the competence of testing and calibration laboratories» используется термин «proficiency testing», обозначающий «evaluation of participant performance against pre-established criteria by means of interlaboratory comparisons», в переводе на русский язык «оценивание характеристики функционирования участника по заранее установленным критериям посредством межлабораторных сличений». Данный термин в русскоязычной версии стандарта звучит как «проверка квалификации», а не «испытание квалификации», к которому можно было бы прийти, следуя логике перевода термина «test» из текста стандарта ISO 9000:2015 «Quality management systems — Fundamentals and vocabulary». С испанским вариантом термина «ensayo» расхождений и неточностей при переводе не возникает, так как здесь отсутствует явление межъязыковой омонимии.

Далее обратим внимание на связку терминов в триаде рассматриваемых языков «компетентность» — «competence» — «competencia», используемых в п. 3.10.4 стандарта ISO 9000:2015 «Quality management systems — Fundamentals and vocabulary». В оригинальной версии стандарта дано определение: «ability to apply knowledge and skills to achieve intended results» («способность применять знания и навыки для достижения намеченных результатов»). Английское слово «competence» совпадает по значению с русским словом «компетентность», означающим умение активно использовать полученные личные и профессиональные знания и навыки в практической или научной деятельности [4]. Испанское слово «competencia» семантически шире, это слово значит как «pericia, aptitud o idoneidad para hacer algo o intervenir en un asunto determinado» (букв. «опыт, способности или пригодность для того, чтобы что-то делать или вмешиваться в данный вопрос»), так и «incumbencia» («компетенция») [10]. При этом в русском языке эти два понятия обозначаются двумя разными словами «компетентность» и «компетенция». «Компетенция» обозначает область знаний, круг вопросов, в которых кто-либо хорошо осведомлен; также круг полномочий, прав какого-либо органа или должностного лица [5]. В английском языке также существуют два слова «competence» и «competency». Вновь обратимся к этимологии: «компетенция» образовано от лат. *competentia* (согласованность), «компетентность» — от лат. *competens* (способный), «competence» и «competency» — также от лат. *competentia*, «competencia» — от лат.

competentia. *Competentia* образовано от *competens* — причастия настоящего времени от глагола *compētere* (соответствовать, добиваться) [8, 9, 12]. При переводе испанского термина «competencia» на английский язык или русский язык может возникнуть противоречие в выборе точного термина, необходимо сверяться с контекстом употребления термина.

Перейдем к рассмотрению терминологических лакун. Лакуна (лат. *lacuna*) — это углубление, впадина. Понятие «лакуна» было введено в лингвистику Ю. С. Степановым, который назвал их «пробелами», «белыми пятнами на семантической карте языка». Терминологические лакуны — это так называемые пробелы в терминологической системе языка, характеризующие отсутствие специального слова для обозначения понятия, существующего в другом языке или научной области [1]. Лакуны подразумевают отсутствие прямого эквивалента термина.

Международный стандарт ISO/IEC 17011:2017 «Conformity assessment — Requirements for accreditation bodies accrediting conformity assessment bodies», п. 3.25 вводит понятие «witnessing». В соответствии с текстом стандарта этот термин понимается как «observation by the accreditation body of a conformity assessment body carrying out conformity assessment activities within its scope of accreditation» («наблюдение органом по аккредитации за органом по оценке соответствия, выполняющим деятельность по оценке соответствия в пределах своей области аккредитации»). Слово «witnessing» на русском языке может быть выражено словом «свидетельствование» либо «наблюдение», однако этот вариант перевода не охватывает полный смысл, заключающийся в термине «witnessing». Также ввиду морфологической формы глагола — герундия — осложняется поиск прямого и точного эквивалента на русском языке, по этой причине в официальном переводе стандарта и в тексте нормативно-правовых актов РФ было принято решение использовать описательный термин «свидетельская оценка», который наиболее полно и точно передает все оттенки значений, относящихся к термину «witnessing». В испанском варианте этот термин звучит как «testificación», что, в соответствии со Словарем Королевской академии испанского языка, означает «afirmar o probar de oficio algo, con referencia a testigos o documentos auténticos» (букв. «подтверждать или доказывать что-либо по должности, ссылаясь на свидетелей или подлинные документы») [10]. В соответствии с Федеральным законом от 28.12.2013 № 412-ФЗ «Об аккредитации в национальной системе аккредитации» в российском законодательстве термин «свидетельская оценка» имеет более узкое и специализированное значение: «наблюдение за выполнением заявителем, аккредитованным лицом работ и (или) оказанием ими услуг в соответствии с заявленной или определенной областью аккредитации, осуществляемое экспертной группой, сформированной национальным органом по аккредитации, в рамках выездной экспертизы соответствия заявителя, аккредитованного лица критериям аккреди-

тации и (или) должностными лицами национального органа по аккредитации в рамках выездных мероприятий, осуществляемых должностными лицами национального органа по аккредитации».

Далее рассмотрим пример лакуны «performance». Этот термин приведен в п. 3.7.8 стандарта ISO 9000:2015 «Quality management systems — Fundamentals and vocabulary». Согласно стандарту, этот термин означает «measurable result» («измеримый итог»). В словаре Мультигран можно встретить такие варианты перевода, как «производительность», «показатели работы», однако они не отражают сущность термина в рамках терминосистемы аккредитации, где «performance» относится к менеджменту действий, процессам, продукции, услугам, системам или организациям. В русском языке существует заимствованное слово «перформанс», которое, однако, имеет иной смысл — «тяготеющее к акционизму направление современного искусства, а также представление, созданное в рамках этого направления» [6], здесь же кроется пример ложного друга переводчика. Так, в русскоязычной версии стандарта использован вариант перевода «результаты деятельности», который является многосоставным термином в отличие от односоставного «performance», емко и точно передающего семантическое значение термина в терминосистеме аккредитации. В испанском языке существует отдельное слово, более точно соответствующее по значению данному термину — «desempeño». Словарь Королевской академии испанского языка содержит англицизм «performance», однако в профессиональном дискурсе в сфере аккредитации предпочтительнее оказывается традиционный термин на испанском языке.

Кроме того, в п. 3.4.6 стандарта ISO 9000:2015 «Quality management systems — Fundamentals and vocabulary» используется термин «outsource» в качестве глагола. Представлено определение термина: «make an arrangement where an external organization performs part of an organization's function or process» («заключение соглашения, в соответствии с которым внешняя организация выполняет часть функции или процесса организации»). Словарь Merriam-Webster приводит такое определение понятия: «to procure (something, such as some goods or services needed by a business or organization) from outside sources and especially from foreign or nonunion suppliers: to contract for work, jobs, etc., to be done by outside or foreign workers» («приобретать (что-либо, например товары или услуги, необходимые бизнесу или организации) из внешних источников, особенно у иностранных или не входящих в профсоюз поставщиков; заключать кон-

тракты на выполнение работ внешними или иностранными работниками») [13]. В русский язык перешло заимствование «аутсорсинг» в значении «передача некоторых функций по профессиональной поддержке работы отдельных систем и бизнес-процессов сторонней организации на контрактной основе» [3]. В данном случае образуется лакуна, поскольку «outsource» является глаголом, а «аутсорсинг» представляет собой имя существительное. Более того, в тексте стандарта на русском языке использован вариант перевода «передача процесса», отличающийся по составу и семантическим свойствам от термина «outsourcing». Стоит подчеркнуть, что в устной профессиональной речи допустимо использование термина «аутсорсинг» или «аутсорс», но в правовой среде используется «передача процесса». В испанском языке ситуация несколько отличается. В Словаре Королевской академии испанского языка отсутствует слово «outsourcing». Вместо него используется аналог «subcontratar» («заключить субдоговор, договор субподряда»). Определение из Словаря: «Dicho del adjudicatario de una contrata: Firmar un contrato con otra persona o con otra empresa para que realice trabajos relacionados con la contrata original» («Говоря о субподрядчике (получателе контракта): заключить договор с другой личностью или другой компанией, чтобы они выполнили работы, связанные с первоначальным контрактом») [10]. Так, наблюдается частичное совпадение в значении с английским «outsourcing». При этом в испанской версии стандарта термин «outsourcing» переведен как «contratar externamente», где сохранена часть речи оригинального термина.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что терминосистема аккредитации органов по оценке ответственности содержит в себе термины, имеющие потенциальную возможность неверного или некорректного перевода. Термины аккредитации обладают особыми оттенками значений, которые могут теряться при переводе на другие иностранные языки. В процессе перевода и использования терминов на трех иностранных языках встречаются ложные друзья переводчика и терминологические лакуны, затрудняющих процесс перевода текста документов без использования вспомогательных средств — справочников, глоссариев, словарей. Помимо того, особое внимание следует уделять нормам права, действующим в том или ином государстве, поскольку понятия и явления, существующие в государстве и закрепленные в текстах законов и подзаконных актов, могут отличаться от терминов, принятых и используемых в текстах международных стандартов.

Литература:

1. Айвазян Н. Б., Гарамян А. В., Литвишко О. М. Терминологические лакуны в контексте дигитализации англоязычной терминосистемы уголовного права // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2022. — № 2 — С. 43–53.
2. Акуленко В. В. О «ложных друзьях переводчика» / В. В. Акуленко // Англо-русский и русско-английский словарь «ложных друзей переводчика» / В. В. Акуленко. — М.: Советская энциклопедия. — 1969. — 384 с.

3. Борисова Л. Г. Аутсорсинг // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал [Электронный ресурс] URL: <https://bigenc.ru/c/autsorsing-bdca97/?v=4724827> (дата обращения 09.04.2026).
4. Компетентность // Педагогический глоссарий [Электронный ресурс] URL: <https://pedagogicheskij-glossarij.slovaronline.com/19-компетентность> (дата обращения 10.04.2026).
5. Компетенция // Новый толково-словообразовательный словарь русского языка [Электронный ресурс] URL: <https://efremova.slovaronline.com/36965-КОМПЕТЕНТСИЯ> (дата обращения 10.04.2026).
6. Крючкова В. А., Шестакова А. В. и др. Перформанс // Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс] URL: https://old.bigenc.ru/theatre_and_cinema/text/2776461 (дата обращения: 10.04.2026).
7. Пахотин А. И. Попытка классификации «ложных друзей переводчика» / О новом расширенном подходе к классификации «ложных друзей переводчика» и о возможных изменениях терминологии в этой области лингвистики (на материале английского и русского языков) // VIII Летняя школа перевода. 2015. 11–15 июля. [Электронный ресурс] URL: <https://proza.ru/2015/07/29/1471> (дата обращения 01.05.2026).
8. Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс] URL: <https://vasmer.slovaronline.com/> (дата обращения 15.04.2026).
9. Diccionario Etimológico Castellano En Línea [Электронный ресурс] URL: <https://etimologias.dechile.net/> (дата обращения 15.04.2026).
10. Diccionario de la lengua española [Электронный ресурс] URL: <https://dle.rae.es/> (дата обращения 15.04.2026).
11. Koessler M., Derocquihny J. Les faux amis ou les trahisons du vocabulaire anglais (conseils aux traducteurs). — Paris: Librairie Vuibert, 1928.
12. Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс] URL: <https://www.etymonline.com/> (дата обращения 05.04.2026).
13. OUTSOURCE Definition & Meaning — Merriam-Webster [Электронный ресурс] URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/outsourc> (дата обращения 09.04.2026).

Трансформация лексического состава речи в условиях цифровой коммуникации

Процеева Анна Вячеславовна, студент
Иркутский государственный университет

В данной статье исследуется влияние англицизмов на развитие профессиональной лексики в контексте социальных сетей. Автор анализирует различные пути заимствования иностранных терминов, включая прямые и опосредованные методы, а также рассматривает виды адаптации, которые проходят заимствованные слова в русском: фонетическая, графическая, грамматическая и семантическая. Предметом исследования являются англицизмы, обозначающие профессии, возникающие в связи с развитием цифровых технологий и социальных сетей. такого рода англицизмы делятся на традиционные и неологизмы, что подчеркивает динамичность языковых процессов. Практическая часть статьи включает анализ примеров использования англицизмов в профессиональной сфере, что позволяет глубже понять их роль и влияние на современный язык. Работа показывает, как англицизмы не только отражают изменения в профессиональной среде, но и влияют на языковую практику, открывая новые горизонты для исследования в области социолингвистики и лексикологии.

Ключевые слова: англицизмы, социальные сети, заимствования, фонетическая адаптация, графическая адаптация, грамматическая адаптация, семантическая адаптация, профессия, род занятий.

Английский язык прочно вошел в компьютерную среду, и это особенно заметно в наименованиях новых профессий и видов деятельности. В рамках нашего доклада мы сосредоточимся на анализе англицизмов в словарном запасе активных пользователей информационных технологий.

Мы проследим, как английские термины используются для обозначения профессий и видов деятельности в IT-сфере. Мы рассмотрим пути заимствования этих ан-

глицизмов, их адаптацию в русском языке, и те лингвистические процессы, которые происходят при их интеграции в речь активных пользователей цифровой среды»

Что такое заимствование? Заимствование — это процесс перехода элементов одного языка (в нашем случае, английского) в другой (русский) в результате языковых контактов. Это может быть как лексическое заимствование (слов, фразеологизмов), так и грамматическое или фонетическое. Заимствования — это нормальное и неиз-

бежное явление, свидетельствующее о взаимодействии культур и развитии языка. Они обогащают лексический состав языка, позволяя более точно и эффективно выражать новые понятия и явления.

Англицизмы проникают в русский язык двумя основными способами.

Прямое заимствование осуществляется непосредственно из языка-источника, когда слово перенимается в своем оригинальном или близком к оригинальному виде: *компьютер* (computer — англ.), *менеджер* (manager — англ.), *фрилансер* (Freelancer — англ.)

Опосредованное заимствование наблюдаем, когда слово попадает в язык не напрямую из языка-источника, а через язык-посредник.

Например, слово «стиль» греческого происхождения пришло в русский язык из немецкого языка в огласовке «штил».

Заимствованные слова подвергаются различным видам адаптации, для того чтобы соответствовать фонетической, грамматической и семантической системе принимающего языка.

При фонетическом освоении заимствованных слов происходит звуковая адаптация заимствования, т. е. заимствованное слово приспособляется к звуковой системе русского языка.

Например, в русском слове «спикер», заимствованном от английского «speaker» произошла адаптация последнего звука, т. к. вибрант «р» фонетически наиболее близок к английскому «г»

При графическом освоении заимствованных слов буквы, принятые для передачи какого-либо слова в языке-источнике, передаются буквами языка, в который заимствуется данное слово. При таком способе освоения иногда наблюдается *полное или неполное сохранение графической соотношенности*

Полное сохранение графической соотношенности. Ср.: auditor аудитор — лицо, осуществляющее проверку финансово-хозяйственной деятельности предприятия

Отсутствие полной графической соотношенности. Ср. art-business и арт-бизнес: английское *i* не передается в русском написании, вместо двух *u* употребляется одна *c*.

Грамматическое освоение заимствования предполагает включение его в грамматическую систему языка

Например, род, число, склонение и т. д.

Существительные, оканчивающиеся в языке-источнике на согласный, в русском обычно получают значение мужского рода: *маркер* (англ. *marker*, нем. *Marker*) — в ЭВМ мерцающая метка, перемещающаяся по экрану дисплея.

Важным аспектом грамматической адаптации является *переход из одной части речи в другую*. Например: слово «casual» (повседневный, неформальный) в английском языке — прилагательное, но в русском языке стало исполь-

зоваться как *существительное* «кэжуал*» для обозначения стиля одежды.

При грамматическом освоении заимствований могут наблюдаться словообразовательные процессы. Например, в морфемной структуре заимствованных слов появляются продуктивные морфемы русского языка. Это иллюстрирует последний пример на слайде. В морфемной структуре слова «коррелировать» словообразовательный суффикс ИРОВА и формообразующий суффикс инфинитива ТЬ.

Семантическим освоением заимствованных слов является процесс адаптации значения в языке-реципиенте. При этом заимствованное слово может:

Во-первых, терять все присущие ему языке-источнике значения, кроме одного. Примером потери значений является слово «имидж», англ. *image* означает «изображение, статуя, образ, символ, отражение в зеркале», русское *имидж* — *представление о человеке, складывающееся на основе данных о нем*.

Во-вторых, расширять исходное значение. Например, польск. *idea* означает «мысль, понятие», в русском языке имеет пять значений.

Предметом изучения стали заимствования семантической группы «Профессия/Вид деятельности в социальных сетях»:

Какие англицизмы, связанные с работой в соцсетях, первыми приходят вам на ум? *SMM-менеджер? Контент-мейкер?* Это, скорее, уже привычные термины. Но сфера SMM постоянно развивается, и вместе с ней появляются всё новые и новые названия. Поэтому целесообразно разделить эти заимствования на две группы: **традиционные заимствования**, которые мы знаем и понимаем, и **заимствования-неологизмы**, значение которых еще только предстоит освоить».

Далее следует отметить, что не все названия, которые мы используем, обозначают именно профессии в строгом смысле слова. Некоторые из них называют скорее *род деятельности* — другими словами называют, скорее, функции, выполняемые человеком. Поэтому, рассматривая как **традиционные заимствования**, так и **заимствования-неологизмы**, мы будем учитывать, описывают ли они *профессию* (с необходимым образованием и квалификацией) или *род деятельности*, требующий скорее практических навыков и опыта».

Традиционные заимствования (закрепившиеся): это слова, которые давно вошли в русский язык, широко используются и воспринимаются как «свои».

Заимствования-неологизмы:

Это слова, которые относительно недавно вошли в язык

Примеры: SMM-щик, таргетолог, контент-менеджер, UX/UI-дизайнер, продакт-менеджер

Появление заимствований нередко связано с модой на какие-либо явления:

1. Инфлюенсер (Influencer):

Слово «инфлюэнсер» произошло от английского глагола «to influence» — оказывать влияние. Таким образом,

значение слова «инфлюэнсер» отражает идею о том, что человек может оказывать влияние на мнение и поведение других людей через свои публикации и контент. Например, некоторые бренды сотрудничают с популярными блогерами-инфлюэнсерами для продвижения своих товаров и услуг.

2. Лайфстайл-блогер (Lifestyle Blogger) — *Лайфстайл-блоггер* — это человек, который освещает свой образ жизни, делится своими интересами, увлечениями, опытом. Часто такие блогеры пропагандируют определенные ценности, например, здоровый образ жизни, путешествия и т. д.

3. Эко-блогер (Eco-Blogger) — человек, который ведет блог об экологичном образе жизни, делится советами по сохранению окружающей среды, пропагандирует экологически чистые продукты. Основная миссия эко-блогеров — вдохновлять людей на здоровый образ жизни

4. Фуд-блогер (Food-blogger) — человек, который ведет о еде, делится рецептами приготовления блюд, а также рассказывает об особенностях национальной кухни.

Таким образом, во всех представленных наименованиях видов деятельности является слово «блогер». *Блогер, в свою очередь*, это человек, который активно создает контент, взаимодействует со своей аудиторией, формирует свое онлайн-сообщество. Блогерство стало важным способом самовыражения и способом заработка. А различные приставки характеризуют узкую направленность деятельности.

Характерными чертами вышеперечисленных видов деятельности являются:

Связь с ценностями: эти заимствования отражают определенные ценности, которые важны для современного общества (самовыражение, лояльность).

Отражение моды: они указывают на популярные модные явления в социальных сетях и в обществе в целом (блогерство, здоровый образ жизни).

Монетизация: часто эти виды деятельности связаны с возможностью заработка и монетизации своего влияния.

Процесс заимствования слов из других языков, особенно в контексте профессий и видов деятельности, является важным аспектом развития современного языка. Мы наблюдаем, как англицизмы обогащают русский язык и адаптируются к его фонетическим, грамматическим и семантическим системам. Новые термины часто отражают современные тенденции, идеологии и ценности, такие как влияние социальных сетей, экологическая осознанность и самовыражение.

Существуют как традиционные заимствования, которые уже прочно вошли в язык, так и неологизмы, которые только начинают набирать популярность. Это создает динамичную языковую среду, в которой слова могут менять свои значения и функции, а также вызывать дискуссии о необходимости их использования.

Таким образом, заимствования не только обогащают язык, но и служат индикатором изменений в обществе, отражая его ценности, модные тенденции и новые формы деятельности.

Литература:

1. Максимов, В. И. современный русский литературный язык учебник для студентов, обучающихся гуманитарным специальностям / В. И. Максимов. — Москва: Юрайт, 2025. — 513 с. — Текст: непосредственный.
2. Бурова Е. А. Англицизмы в современном русском языке: проблемы и тенденции // Вестник Тверского государственного университета. — 2020. — Серия 2: Филология. — С.45–55.
3. Кучигина, С. К. Язык социальных сетей: тенденции развития / С. К. Кучигина. —: Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология, 2021. Т.31. вып. 5. — 1112–1116 с. — Текст: непосредственный.

Национально-культурные особенности немецкой фразеологии в немецком языке Австрии

Румянцева Дарья Ильинична, студент

Научный руководитель: Копчук Любовь Борисовна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой
Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург)

Статья посвящена выявлению национально-культурной специфики австрийского варианта немецкого языка через призму фразеологии. На примере тематических групп (кулинария, социальные ритуалы, история) анализируются уникальные фразеологические единицы-австрицизмы, особенно венские регионализмы. Делается вывод о том, что фразеология Австрии выступает транслятором культурного кода, исторической памяти и менталитета нации, а её понимание невозможно без фоновых страноведческих знаний.

Ключевые слова: австрийский вариант немецкого языка, фразеологические единицы, австрицизмы, венский диалект, национально-культурная специфика, лингвокультурология, безэквивалентная лексика, гастрономический код, культурная интерпретация.

National and cultural features of German phraseology in the German language of Austria

The report focuses on identifying the national and cultural specificity of the Austrian variety of the German language through the lens of phraseology. Using examples from thematic groups such as cuisine, social rituals, and history, the paper analyzes unique phraseological Austriacisms, with a particular focus on Viennese regionalisms. It concludes that Austrian phraseology serves as a transmitter of cultural code, historical memory, and national mentality, and that its understanding is impossible without background cultural and regional knowledge.

Keywords: Austrian variety of German, phraseological units, Austriacisms, Viennese dialect, national and cultural specificity, linguoculturology, non-equivalent lexis, gastronomic code, cultural interpretation.

Несмотря на признание национальных вариантов немецкого языка (собственно немецкого, австрийского и швейцарского), в лингвокультурологическом аспекте немецкий язык в Австрии остаётся недостаточно системно описанным. Фразеология национальных вариантов немецкого языка, в том числе австрийского варианта, состоит из так называемых общенемецких (общеупотребительных) фразеологизмов и специфических национальных фразеологизмов. Вопрос, как именно национально-культурные особенности Австрии отразились во фразеологии и стали уникальным отличительным фактором носителей данного варианта языка от носителей стандартного немецкого языка, остаётся открытым. Исходя из этого, проблема заключается в выявлении, систематизации и культурной интерпретации этих отличий.

Австрийский вариант немецкого языка представляет собой сложную систему, образующую непосредственно языковой континуум — совокупность вариантов идиома, представленных во времени, пространстве, социальных коллективах и различных ситуациях общения. Рассматривая специфику австрийского варианта немецкого языка, необходимо использовать два подхода: культурно-исторический и национально-культурный. С точки зрения культурно-исторического подхода носители австрийского варианта немецкого языка были разделены с носителями собственно немецкого и швейцарского вариантов государственными границами, а национально-культурный подход признаёт единство народа, языка и культуры, при этом национальная идентичность реализуется именно в языке, его различных средствах. Важное место среди таких средств занимают фразеологические единицы (ФЕ), в данном случае специфичные только для австрийского ареала.

Фразеология австрийского варианта немецкого языка состоит, в первую очередь, из общенемецкой фразеологии, которая объединяет в себе общую фразеологическую систему трёх национальных вариантов (немецкого, австрийского и швейцарского). В. Т. Малыгин в своей монографии «Австрийская фразеология в социокультурном аспекте» обосновывает это генетическим единством, общими закономерностями культурно-исторического развития немецкоязычных народов и некоторыми фразеологическими универсалиями. Австрийский фра-

зеологический корпус характеризуется специфическими австрийскими фразеологическими образованиями, обладающими своими свойствами и характеристиками, которые не присущи исконно немецким ФЕ. В связи с этим возникает трудность при определении собственно австрийского фразеологического корпуса, потому что, например, на юге Германии некоторые фразеологизмы принимаются за изначально немецкие, хотя происхождение имеют австрийское. Например, «fechten gehen» в словаре Дуден указывается с пометой «ugs». и трактуется как «von Tür zu Tür betteln». В. Т. Малыгин в своём словаре «Österreichische Redewendungen und Redensarten» трактует это выражение таким образом: «betteln» — просить милостыню, нищенствовать (в переводе с немецкого варианта), а «fechten» (на воровском жаргоне австрийского варианта): просить милостыню. Происхождение этой ФЕ автор соотносит с двумя вариантами. Первый — странствующие подмастерья зарабатывали деньги, показывая фехтовальные трюки. Другое объяснение: Рудольф II в 1607 году пожаловал обществу «Freifechter» (вольных фехтовальщиков) герб; члены этого объединения поставили своей целью возродить рыцарские традиции через спортивное фехтование, но потерпели неудачу и впоследствии были вынуждены владеть существованием в качестве странствующих нищих.

Сложность выявления специфически австрийских ФЕ заключается, в том, что в зависимости от степени проявления национально-культурной специфики фразеологические единицы занимают разные позиции в австрийской фразеологической системе. Центральное место (ядро) занимают безэквивалентные фразеологизмы-австрицизмы, для которых характерно образное переосмысление национально-специфичных реалий и ситуаций.

Отдельное место занимают фразеологические регионализмы, прежде всего, венские фразеологизмы. Городской полудиалект Вены является одним из самых интересных феноменов австрийского узуса. Причина этого заключается в своеобразии истории социально-демографической структуры Вены. Венский городской полудиалект оказал влияние на весь австрийский языковой ареал, его престижность объясняется также тем, что Вена всегда играла и играет ведущую роль в развитии Австрии как государства. Венский диалект — это, по сути, восточный средне-

баварский диалект, имеющий яркую образность и богатейшую шкалу диалектной лексики и фразеологии.

Среди них обращают на себя внимание с точки зрения национально-культурной специфики такие фразеологизмы, как:

— zur Tante Dorothea gehen — нуждаться в деньгах; заложить что-то в ломбард (на переулке святой Доротеи в Вене находится известный ломбард);

— sein Knödel machen — зарабатывать, заслуживать (для австрийской и особенно венской кухни Клёцка — не просто гарнир, в крестьянском простонародном быту Knödel — был символом выживания, сытости и пропитания. В Вене хлеб часто был роскошью, а клёцка из дешёвых ингредиентов — еда бедных крестьян);

— groß wie Markuskirche sein — быть очень высоким (Markuskirche -церковь в Вене);

— net auf der Nudelsuppe(n) dahergeschwommen sein — знать толк в чём-либо (Происхождение этой идиомы восходит к 19 веку. Макаaronный суп — пища бедняков и считалось, что такой человек вряд ли будет обладать большим жизненным опытом и знаниями).

Австрийцы отличаются любовью к десертам и сладким блюдам. Частью национальной гастрономической культуры Австрии являются уникальные блюда, поэтому большое количество австрийских фразеологизмов связаны именно с едой.

Все специфически австрийские ФЕ можно классифицировать по тематическим группам: кулинария, исторические события, природные факторы, социальные ритуалы и др.

1) Кулинария:

— sich keine Haxen ausreißen — не особенно стараться, не прилагать усилий к тому, что делаешь (слово «Haxen» — обозначает часть тела человека, голень. Дословно фразеологизм трактуется как «не вырывать себе ног», также есть другая версия происхождения данного фразеологизма: лингвисты предполагают, что в данном случае он может относиться к кулинарии и венским застольям. «Haxen» — не только голень, но и свиная рулька «Schweinshaxe», чтобы заполучить лакомый кусок от неё нужно было приложить большое усилие. Также эта ФЕ отражает культурный код и специфику жителей Вены — их спокойствие и самоуважение, они не будут перетруждаться).

— Ja, beim Bäcken! — после дождичка в четверг! когда рак на горе свиснет! (Речь идёт о реальном венском пекаре Франце Цайндельхофере (Franz Zeindelhofer). По преданию, у него всегда был свежее испечённый хлеб, покупатели знали, что у него не бывает перебоев. Однако однажды случилось невероятное: у Цайндельхофера не оказалось хлеба вообще. Этот случай стал легендарным. Фраза родилась как оксюморон: «Наверняка, как у пекаря, у которого вдруг нет хлеба». То есть абсолютная гарантия превращается в абсолютную ненадёжность.

— Da könnt' man ja ein Laberl werden! — это тянется невыносимо долго. (Laberl, Laiberl, das; -s, -n — австрийское: маленькая круглая булочка, хлебец. Фразеологизм

означает, что нечто длится так долго, как требуется, чтобы из муки получилась булочка (Laberl, Laiberl). При этом, возможно, здесь имеется в виду не только продолжительность процесса, но и то, что человек «вымешивается» и «выпекается» в течение жизни. Выпечка — это не пассивное ожидание. Тесто **месят, мнут**, выпекают. Фразеологизм описывает не только долготу, но **тягостность, изматывающую муку** ожидания. Это очень характерно для жителей Вены: жалоба превращается в философию — жизнь вообще «выпекает» человека, как булку. Русский аналог — «Можно душу вытрясти», «можно состариться».

— Zum Heurigen fahren/gehen — поехать/пойти пить молодое вино (вино нового урожая). Слово «Heurige» происходит от австрийского «**heurig**» — «этого года» (от древневерхненемецкого *hiu jari* — «в этом году»). Изначально так называли **вино последнего урожая**, ещё молодое, часто мутноватое, с характерным «игристым» вкусом. Позже название перешло на **заведение**, где это вино продаётся. «Heuriger» — это не ресторан, не ночной бар и вообще не «гастрономическое заведение» в обычном смысле. Это **часть ландшафта**: виноградник на склоне Венского леса (к северо-западу и югу от Вены). Хозяин — не трактирщик, а **винодел**, который имеет право продавать только **вино из собственного виноградника** и больше ничего (или только простые холодные закуски к нему).

— Ein rechter Schmarren — что-то бесполезное, ерунда, хлам. (Schmarren — это традиционное австрийское блюдо: **поджаренная на сковороде разбитая мучная или картофельная масса**. Блюдо было очень популярным и простым в приготовлении, его часто подавали. Из-за повседневности и дешевизны название приобрело переносное значение: «обыденная ерунда», а затем просто «бесполезная вещь, хлам». То, что обычная еда становится синонимом никчёмности, — яркая черта австрийского варианта немецкого языка. Любопытно, что в Германии слово Schmarren (чаще Schmarren) тоже известно, но именно в Австрии оно получило такое широкое бытовое применение для обозначения ерунды.

2) Социальные ритуалы — это устоявшиеся, повторяющиеся сценарии поведения, которые регулируют повседневное взаимодействие (ирония, отказы, вымышленные персонажи, подкрепляющие за собой определённые действия):

— den Papst Locherl spielen «важничать» (Papst Locherl — выдуманное имя собственное в австрийском фольклоре);

— der gschupfte Ferdl — чудаковатый молодой человек, модный пижон (В 1952 году австрийский поэт, композитор и шансонье сочинил песню, описывающую реальное происшествие. Главный герой, Фердинанд, собирается на танцы в модный пригородный клуб в Нойлерхенфельде (Neulerchenfeld). Он тщательно прихорашивается: надевает яркие носки, смазывает волосы бриолином, чистит туфли. Однако на танцах, где играет джаз, вспыхивает драка. Обиженный соперник подговаривает прия-

телей избить франтоватого Фердинанда. В итоге герой получает увечья, что и делает его «побитым чудачком»).

— Glauben Sie, ich bin der Pfaffer von Penzing? — Вы думаете меня можно постоянно о чём-то просить? (название района *Penzing* созвучно венскому диалектному глаголу «*penzen*», который означает «**докучать просьбами, кланчить, надоедать, канючить**». Пастор (*Pfarrer*) в деревне или районе был высшим авторитетом, к которому люди постоянно обращались с просьбами. Образ пастора из Пенцинга преувеличен — он якобы позволяет себя бесконечно докучать).

— Ein Calafati sein — быть Калафати, очень высоким человеком (диалектное, устаревшее выражение)

Calafati — имя собственное, принадлежавшее бывшему владельцу популярной карусели («*Ringelspiel*») в венском народном Пратере. Около 1840 года он установил в центре этой карусели **почти девятиметровую фигуру роскошно одетого китайца**. Огромный рост этой статуи и дал начало сравнению с очень высоким человеком.

3) Исторические события:

— etw. tun, auch wenn es Graz gilt / kostet 'иметь твердую решимость (Graz город в Австрии. В XVI веке Османская империя представляла собой угрозу для европейских государств. Город Грац, будучи столицей Внутренней Австрии (Innerösterreich) и резиденцией Габсбургов, стал одним из ключевых форпостов христианского мира. В 1529 и 1532 годах он готовился к осаде, а сам регион Штирия неоднократно страдал от набегов. Именно в этот период напряженного ожидания и родилась эта фраза. Она отражала **готовность защищать город любой ценой**. Если падет Грац — последний крупный бастион перед Веной, то под угрозой окажется вся Австрия и, возможно, остальная Европа. Поэтому «пойти на всё, даже если это будет стоить Граца», означало **быть готовым к высшей жертве**.)

— Die linke Reichshälfte — Социал-демократическая партия Австрии (SPÖ). (Термин *Reichshälfte* восходит к эпохе Австро-Венгерской монархии, где существовали две части государства: Цислейтания (австрийская) и Транслейтания (венгерская). В послевоенной Австрии (с 1945 по 1966 год) существовала **большая коалиция** между Австрийской народной партией (ÖVP, «чёрные») и Соци-

ал-демократической партией (SPÖ, «красные»). Эти две партии вместе представляли почти всех избирателей и делили политическую власть между собой, как две «половины» некогда единой империи. Ироничное название для SPÖ отсылает одновременно к имперскому прошлому и к послевоенному политическому устройству.

4) Природные факторы:

— Salzburger Schnürlregen «затяжной, непрекращающийся дождь (Salzburg «Зальцбург» — австрийский город, известный своей дождливой погодой»).

5) Право и бюрократия:

— Außer Obligo sein — не нести ответственности за что-то, быть свободным от обязательств. (*Obligo* (итал. *obbligo* — обязательство, ответственность) — термин, пришедший из итальянского коммерческого и юридического языка. В австрийском официальном языке он означает обязанность, ответственность, поручительство. Выражение «außer Obligo sein» означает, что лицо не несёт юридической ответственности.

6) Культура кофеен:

— Das ist kein Kaffeehaus für mich! — мне здесь не нравится/мне здесь неудобно

Вена — город кофеен. Венское кафе — не просто заведение, а место культуры, «— **это нечто большее, это** — традиция, история и неповторимый шарм города» — пишет Никонова А. Р. о венском кафе в своей статье «КОФЕ и КАФЕ как объективация концепта «ОБЩИТЕЛЬНОСТЬ» в австрийской культуре». Для венца кофейня является продолжением гостиницы, поэтому этот фразеологизм хорошо отражает национальную специфику)

Изучив и сгруппировав австрийские фразеологизмы, можно сделать вывод: действительно очень сложно вычленив исконно австрийские, особенно венские идиоматические выражения, не имея фоновых знаний и не находясь в контексте всех особенностей Австрии, её обычаев и насыщенной истории. Австрийские идиомы образны, конкретны и привязаны к реалиям жизни австрийского ареала. Фразеология Австрии выполняет одновременно несколько функций: несёт за собой культурный код, сохраняет историческую память, отражает менталитет и транслирует бытовые особенности и ценности этого народа.

Литература:

1. Малыгин, В. Т. Австрийская фразеология в социокультурном аспекте: монография / В. Т. Малыгин. — Санкт-Петербург: Образование, 1999. — 199 с.
2. Малыгин, В. Т. Австрийский фразеологический словарь: около 1180 единиц / В. Т. Малыгин. — Санкт-Петербург: РГПУ, 1994. — 246 с.
3. Никонова, А. Р. КОФЕ и КАФЕ как объективация концепта «ОБЩИТЕЛЬНОСТЬ» в австрийской культуре / А. Р. Никонова — Текст: электронный // Фундаментальные исследования. — 2015. — № 2–4. С. 842–845; — URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=36946> (дата обращения: 08.05.2026)
4. Чукшис, В. А. Национально-культурная специфика австрийских диалектных фразеологизмов / В. А. Чукшис. — Текст: электронный // Известия ВГПУ. — 2021. — № 1 (154). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalno-kulturnaya-spetsifika-avstriyskih-dialektnyh-frazeologizmov> (дата обращения: 03.04.2026).
5. Malygin, V. T. Österreichische Redewendungen und Redensarten / V. T. Malygin. — Wien: ÖBV Pädagogischer Verlag, 1996.

Средства языковой репрезентации мифологических образов в художественной литературе (по материалу романа Геновевы Димовы «Темные дни»)

Савина Ирина Сергеевна, студент магистратуры

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург)

В статье рассматриваются средства языковой репрезентации мифологических образов в контексте межкультурной коммуникации. Анализируется роль лексических единиц мифического содержания как инструмента передачи уникальных элементов культурных картин мира, формируемых на основе мифологических представлений. Также исследуются особенности передачи мифологических образов через языковые средства в художественной литературе и роль этих языковых средств в передаче национальных культурных идентичностей.

Ключевые слова: языковая репрезентация, мифологические образы, мифонимы, межкультурная коммуникация, картина мира, лингвокультура, художественный образ.

Means of linguistic representation of mythological images in fiction (on the material of Genoveva Dimova's novel "Dark Days")

The paper studies the linguistic representation means of mythological images within the context of intercultural communication. It analyses the role of mythic content lexical units as tools of conveying unique cultural worldviews' elements formed on mythological notions. The paper also explores the features of transmitting mythological images through linguistic tools in the transfer of cultural identities.

Keywords: linguistic representation, mythological images, mythonyms, intercultural communication, worldview, linguoculture, artistic image.

В своевременном мире процесс глобализации исключает возможность изоляции народов друг от друга. Наравне с экономическим и политическим взаимодействием культурное взаимодействие становится неотъемлемой частью современного мира благодаря Интернету и свободному информационному обмену. Этот процесс неизбежно приводит к межкультурной коммуникации — процессу обмена информацией между представителями разных лингвокультур [7].

Лингвокультура представляет собой особую систему взаимосвязи языка и культуры, где культура народа воплощается в языке этого народа. Любая лингвокультура находит отражение в картине мира ее представителей. При межкультурном общении происходит столкновение разных картин мира, поскольку у представителей различных лингвокультур формируются свои уникальные способы восприятия реальности, вследствие чего появляются различия в восприятии одних и тех же понятий или вовсе обнаруживается отсутствие аналогов некоторых понятий в других культурах. В ходе межкультурной коммуникации происходит передача таких понятий из одной культуры в другую с помощью языковых средств последней [11; 7].

Мифологические образы в художественной литературе являются особыми художественными образами, которые создаются писателем при репрезентации мифологических образов одной лингвокультуры языковыми средствами другой культуры. С одной стороны, мифологические образы выступают как персонажи, наделенные определенными характеристиками и функциями. Так как

такие образы достаточно просты и несут в себе общечеловеческие ценности и архетипы, они являются достаточно привлекательными для авторов [4; 2].

С другой стороны, мифологические образы так же, как и любые другие художественные образы, состоят из процессуальных и непроцессуальных характеристик. С. В. Чернова к процессуальным характеристикам относит деятельность, модель поведения, образ жизни и т. д., а к непроцессуальным — внешность, одежду, социальное происхождение, систему ценностей, пристрастия, желания и т. д. Также, С. В. Чернова выделяет образ окружающего человека мира, т. е. совокупность субъективно окрашенных и ассоциативно связанных характеристик живых существ, а также неодушевленных предметов и явлений окружающего мира, формирующихся в сознании человека посредством восприятия, памяти и воображения и получающих отражение в языковых формах по аналогии с образом человека. В. П. Шадеко исследует языковые способы репрезентации художественного образа с учетом таких основных и наиболее употребительных характеристик, как: портретная, предметная, речевая, привычки и манеры, мировоззрение [5; 12; 13; 14].

С точки зрения лингвистики основу характеристики образа должны представлять языковые средства, которые дают представление о художественном образе, их семантики и особенностях функционирования в условиях разных контекстов. В центре мифологического образа стоит мифоним — лексическая единица мифологического значения, которая функционирует в системе языка так же, как и любые другие лексические единицы [10; 9].

Мифологические образы опираются на реально существующие предметы в действительности. В сематике мифонимов можно выделить следующие семы: «биологический пол», «возраст», «рост», «характер», «место обитания», «связь с умершими». Кроме того, в значении мифонимов существуют специальные семы, выполняющие синтагматическую функцию. В том числе между мифонимами и другими лексическими единицами есть и парадигматические отношения, то есть при анализе средств языковой репрезентации мифологических образов важно учитывать контекстуальные связи [6].

Таким образом, при изучении средств языковой репрезентации мифологических образов в художественной литературе можно сделать следующий вывод. Мифологическим образам в художественной литературе присущи процессуальные и непроцессуальные характеристики. К процессуальным характеристикам можно отнести их деятельность, речь, образ жизни, привычки и манеры, к непроцессуальным — биологический пол, внешний вид, одежду, неотъемлемые атрибуты, историю, место появления и связь с умершими. При анализе отобранного материала из романа «Темные дни», авторства Геновевы Димовой нами было выявлено, что к лексическим единицам, относящимся к этим характеристикам, можно отнести:

– названия мифологических образов:

- upir;
- varkolak;
- kikimora;
- karakonjul;
- rusalka;
- yuda;
- samodiva.

– местоимения их заменяющие:

- upir — he, him, his;
- varkolak — it, its;
- kikimora — she, her;
- karakonjul — it, its;
- rusalka — she, her;
- yuda — she, her;
- samodiva — she, her);

Так, можно увидеть, что одушевленными из семи мифологических образов являются пять, из них три относятся к женскому полу, а два — к мужскому. Одушевленными существами считаются человекоподобные образы, анималистические образы считаются неодушевленными, как и животные в английском языке.

– прилагательные, обозначающие признаки этих мифологических образов:

- upir — hungry, frenzied;
- varkolak — silver-hating, howling;
- kikimora — furious, angry, sizzling;
- karakonjul — furry, horned, disgusting;
- rusalka — pale, bony;
- yuda — prothetic;
- samodiva — beautiful.

Так, можно отметить, что в основном признаки данных мифологических образов вызывают отторжение или характеризуют черты, не поддающиеся объяснению, т. е. неизвестные человеку, что также отталкивает и пугает читателя.

– названия и характеристики частей тела:

- upir — bright, bloodshot red eyes; clammy skin; decaying flesh; teeth sharp as needles; bones like iron rods;
- varkolak — claws;
- kikimora — bright red hair; long fingernails painted red; golden hazel eyes; long lashes;
- karakonjul — dagger-sized teeth; thick fur like an arctic fox;
- rusalka — green like moss hair; black like kelp hair; black like sea urchins hair; scaly tail; bony arms; arm span three times their height;
- yuda — talons; wings;
- samodiva — bright white skin; gleaming moonlight hair; long statue-like fingers; black mirror eyes; white gleaming teeth.

Таким образом, при описании внешнего вида данных мифологических образов в первую очередь отмечаются следующие черты: волосы, глаза, зубы, конечности, т. е. такие черты, на которые прежде всего человек обращает внимание для определения уровня опасности объекта перед ним. Характеристика данных черт происходит с помощью различных эпитетов, сравнений и гипербол. Это помогает автору обозначить данных существ как опасных для человека.

– ономатопеические глаголы:

- upir — moaned;
- varkolak — howled;
- kikimora — screamed;
- karakonjul — purred; growl;
- rusalka —;
- yuda — thumped; flapped;
- samodiva — laughed, inhaled.

Так, можно отметить, что большинство из глаголов обозначают громкие горловые, анималистические звуки, которые также вызывают страх из-за схожести с опасными хищниками реального мира.

– глаголы, выражающие действия этих мифологических образов:

- upir — crawled; darted; pressed; crashed;
- varkolak — nibbled;
- kikimora — hovered; slammed; ran; clawed;
- karakonjul — slashed; dashed;
- rusalka — drifted; reached; grabbed; dragged;
- yuda — thumped; flew; flapped;
- samodiva — floated; grabbed; danced; pulled; pounded; held; milked.

Таким образом, в основном данные глаголы отражают агрессию, предвещают опасные действия по отношению к другим персонажам, что также вызывает страх перед этими существами.

Следовательно, можно сделать вывод о том, что большинство характеристик данных мифологических образов направлено на создание атмосферы страха и опас-

ности при помощи описания устрашающих физических черт, использование глаголов, которые обозначают агрессивные действия, описание пугающих звуков.

Так, языковая репрезентация мифологических образов в художественной литературе представляет собой сложный процесс, в котором переплетаются культурные, языковые и художественные аспекты. Исследование средств язы-

ковой репрезентации мифологических образов в художественной литературе позволяет глубже понять механизмы создания художественных произведений, понять смысл, заложенный автором в художественные образы своего произведения, что в дальнейшем поможет проводить более тщательный предпереводческий анализ и облегчать процесс перевода подобных художественных текстов.

Литература:

1. Cassirer, E. Symbol, myth and culture (essays and lectures) / E. Cassirer. — New Heaven and London: Yale University Press, 1979. — 304 p.
2. Воеводина, Л. Н. Структура мифологического образа и социальная драматургия / Л. Н. Воеводина // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. — 2012. — № 1(45). — С. 50–55.
3. Вотинцева, Е. В. Способы языковой репрезентации ценностных ориентиров в языковой картине мира молодежи: дис.... канд. филол. наук: 10.02.01. / Е. В. Вотинцева. — Уфа, 2018. — 168 с.
4. Грицанов, А. А. История философии: энциклопедия. / А. А. Грицанов. — Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом. — 2002. — 1376 с.
5. Есин, А. Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения: учебное пособие. / А. Б. Есин — 3-е издание. — Москва: Флинта, Наука, 2000. — 248 с.
6. Завьялов, А. А. Семантика, синтактика и прагматика мифонимов немецкого языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / А. А. Завьялов. — Нижний Новгород, 2000. — 247 с.
7. Леонтович, О. А. Введение в межкультурную коммуникацию. / О. А. Леонтович. — Москва: Гнозис, 2007. — 368 с.
8. Леонтович, О. А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения: Монография / О. А. Леонтович. — М-во образования Рос. Федерации. Волгогр. гос. пед. ун-т. Волгоград: Перемена, 2002. — 434 с.
9. Маковский, М. М. Язык-миф-культура: символы жизни и жизнь символов / М. М. Маковский. — Москва: РАН, Ин-т русск. яз. им. В. В. Виноградова, 1996. — 329 с.
10. Матвиенко, Е. В. Языковая репрезентация образов восточноазиатской мифологии в англоязычных текстах: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Е. В. Матвиенко. — Москва, 2010. — 175 с.
11. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие для студентов, аспирантов и соискателей по специальности «Лингвистика и межкультур. коммуникация» / С. Г. Тер-Минасова. Москва: Слово/Slovo, 2000. 261 с.
12. Чернова, С. В. Семантика слова образ в русском языке / С. В. Чернова // Язык. Текст. Дискурс. — 2014. — № 12–2. — С. 187–196.
13. Чернова, С. В. Художественный образ: к определению понятия / С. В. Чернова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. — 2014. — № 6. — С. 109–116.
14. Шадеко, В. П. К вопросу о языковых способах репрезентации художественного образа / В. П. Шадеко // Когнитивные исследования языка. — 2015. — № 23. — С. 688–698.

Ассимиляция заимствований в современном немецком языке

Трофимова Анастасия Евгеньевна, студент

Научный руководитель: Смолоногина Елена Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент
Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург)

В статье рассматривается понятие «заимствование» в современном немецком языке. Анализируются причины появления слов и их языки-источники. Определены основные виды ассимиляции заимствований в немецком языке.

Ключевые слова: лингвистика, языкознание, заимствование, англицизм, язык-источник, ассимиляция заимствований.

Assimilation of loanwords in contemporary German

The article examines the concept of 'borrowing' in contemporary German, analyzes the reasons for the emergence of loanwords and their source languages, and identifies the main types of assimilation of borrowings in the German language

Keywords: *linguistics, linguistic science, borrowing, Anglicism, source language, assimilation of loanwords.*

Введение

В современном немецком языке заимствования, прежде всего англицизмы, являются доминирующим и наиболее динамичным способом пополнения словарного состава. При этом процесс заимствования не только компенсирует отсутствие лексического эквивалента, но и приводит к появлению синонимов, конкурирующих с исконной лексикой, что в перспективе может влиять на изменение языковой нормы. Процесс заимствования обусловлен взаимодействием языков и культур в различных областях нашей жизни.

Согласно определению Ольшанского И. Г. и Гусевой А. Е. заимствование — это процесс перемещения различных элементов из одного языка в другой, под которым понимается как сам процесс перехода, так и его результат — заимствованный элемент. [1]

Причины и источники заимствований в немецкий язык

В разные исторические периоды менялись языки-источники из-за смен культурных, политических, экономических и исторических процессов. Согласно И. Г. Ольшанскому и А. Е. Гусевой, выделяются следующие языки-источники заимствований в немецкий язык:

1. Латинский язык (I–V вв. и средневековье): является старейшим и наиболее ассимилированным слоем. Латинь послужила источником лексики в сферах строительства, торговли и быта (Mauer, Fenster, Wein, Markt), образования и религии (Schule, schreiben, Priester, Opfer). Эти слова стали частью ядра немецкого лексикона.

2. Французский язык (XII–XIII вв. и XVII–XVIII вв.): первая волна была связана с эпохой рыцарства (Turnier, Lanze, Abenteuer), вторая — с периодом абсолютизма, когда французский язык стал языком высшего общества, моды и дипломатии (Etagé, Möbel, Garderobe, Visage, Armee).

3. Греческий язык (XVIII–XIX вв.): стал фундаментом для формирования научного аппарата, для медицины и философии (Demokratie, Analyse, Charakter, Theater).

4. Английский язык (с сер. XX в.): формирует слова в инновационных и общественно-значимых сферах:

- экономика и бизнес (Management, Marketing, Deal);
- информационные технологии (Computer, Software, browsen, Download);
- реклама и медиа (Slogan, Spot, Prime Time);
- мода и спорт (Look, Outfit, Training, Finish, Jogging). [1]

Ассимиляция заимствований в немецком языке

Заимствованные слова, как правило, приспосабливаются к системе немецкого языка.

Согласно определению Ольшанского И. Г. и Гусевой А. Е. ассимиляция слов — это процесс уподобления

заимствованного слова системе принимающего языка, его постепенное приспособление к фонетическим, графическим, морфологическим и семантическим нормам этого языка. [1]

Согласно Коротких Ю. Г. различают несколько основных видов ассимиляции в немецком языке:

1. Фонетическая ассимиляция. Заимствование подстраивается под особенности ударения и звуковых изменений.:

- лат. fenestra — нем. das Fenster
- лат. schola — нем. die Schule
- лат. discus — нем. der Tisch

2. Морфологическая ассимиляция. Слово получает род и соответственно артикль, падежные окончания и словообразовательные суффиксы.

— der Computer — die Computer: множественное число по немецкой норме.

— das Team — die Teams: немецкое окончание множественного числа -s.

— managen — Management — Manager: образование производных по немецким словообразовательным нормам.

3. Орфографическая ассимиляция. Например, существительные приспосабливаются к орфографии немецкого языка и пишутся с заглавной буквы.

— das Restaurant — существительное пишется с заглавной буквы.

— der Cappuccino — существительное пишется с заглавной буквы.

— das Büro — написание с умлаутом (адаптация к немецкой графике). [2]

Считается, что между первым и вторым типом существует тесная связь, поэтому можно говорить о фонографических особенностях освоения заимствований в современном немецком языке.

Важно также рассмотреть классификацию Л. В. Васильевой. Утверждается, что существует 3 типа ассимиляции заимствований в современном немецком языке:

1. Сохранение первоначального иноязычного написания (нулевая ассимиляция), например: lose face;

2. Частичное уподобление орфографии немецкого языка (частичная ассимиляция), например, когда заимствованные имена существительные, пишутся с заглавной буквы: mit good Cards;

3. Полное освоение орфографической системой (полная ассимиляция). [3]

Заключение

Чем раньше слово было заимствовано и чем активнее используется, тем быстрее и полнее оно адаптируется в систему немецкого языка. Частотность употребления способствует закреплению заимствования в языковом со-

знании носителей и его интеграции в различные уровни языковой системы. [4]

Таким образом, процесс ассимиляции заимствований в современном немецком языке охватывает фонетиче-

ский и морфологический аспекты. Степень ассимиляции зависит от частотности употребления, сфер функционирования заимствований и социально-культурных процессов.

Литература:

1. Гусева, А. Е. Лексикология немецкого языка / А. Е. Гусева, И. Г. Ольшанский. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2026. — 458 с. — С. 78–92
2. Коротких Ю. Г., Коллоквиализмы — заимствования в современном немецком языке. Дис...канд. филол. наук. — М., 1974. — 347 с — С. 12–25
3. Васильева Л. В. Обогащение современного немецкого языка иноязычными заимствованиями (на материале англицизмов): Дис... канд. филол. наук. — Пятигорск, 2004. — 220 с. — С. 42–48
1. Schippan, T. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. — 2. Aufl. — Tübingen: Niemeyer, 2002. — 297 S. — S. 263–267

Приемы культурной адаптации в религиозном дискурсе на материале книги К. С. Льюиса «Размышления о псалмах»

Трошкова Юлия Викторовна, студент;
Геберлейн Алина Александровна, студент
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

В статье авторы рассматривают зависимость переводческих решений от коммуникативной цели автора и от цели перевода. Материалом нашего исследования является объект религиозного дискурса, книга К. С. Льюиса «Размышления о псалмах». Особую переводческую трудность в этом произведении составляют лакуны культурного пространства и необходимость адаптации текста для читателя, не обладающего необходимыми фоновыми знаниями.

Ключевые слова: адаптация, религиозный дискурс, перевод, реалии, интертекстуальность, лакуны культурного пространства.

Клайв Стейплз Льюис, один из наиболее выдающихся британских деятелей культуры XX века, русскоязычному читателю в основном известен как автор повестей «Хроники Нарнии» и других произведений в жанре фэнтези. Однако по всему миру он известен еще и как автор ряда знаковых богословских произведений. Среди них — «Просто христианство» (1952), «Письма Баламута» (1942), «Чудо» (1947), «Четыре любви» (1960) и множество других работ на религиозную тематику, которые принесли автору мировую известность [9].

К популярным произведениям К. С. Льюиса на тему веры относится и книга «Размышления о псалмах» (англ. *Reflections on the Psalms*). В этой книге, завершенной в 1958 году, автор предложил публике глубокий анализ псалмов. Например, К. С. Льюис рассматривает псалмы, в которых раскрываются представления древних иудеев о суде, справедливости, смерти, природе, радости. На протяжении всей книги автор рассуждает о том, как псалмы обретают «новый смысл» в свете новозаветных событий, прежде всего в связи с приходом Христа.

Особенно интересно то, как именно К. С. Льюис это делает: он ведет повествования простым и понятным для широкого круга читателей языком, делится личными впечатлениями от чтения ветхозаветной поэзии. Автор утверждает: «на своем, любительском уровне я не собираюсь „охватить предмет“. Я буду говорить только о том, что задело меня самого».

Важно отметить, что большую часть своей жизни Клайв Стейплз Льюис следовал протестантской (англиканской) традиции. Скорее всего, это во многом определило его стиль написания богословских работ, которые отличаются относительной свободой интерпретации, желанием автора простым и понятным языком разъяснить сложные религиозные концепты. В работе «Размышления о псалмах» это проявляется также и в наличии большого количества культурно-маркированных единиц, которые автор использует, например, для сравнений, разъяснений или иллюстрации своих доводов.

За счет этого, в том числе, реализуется разъясняющая стратегия религиозного дискурса [5], характерная для протестантской конфессии. Для читателя, который принадлежит к британской культуре, наличие в произведении знакомых культурно-маркированных единиц делает текст более понятным, доступным. Однако при переводе передача этих единиц представляет особую трудность, так как сохранение разъясняющей стратегии автора диктует необходимость применения в переводе адаптации.

Необходимо уточнить переводоведческую терминологию, относящуюся к культурно-маркированным единицам. В переводоведении существует несколько смежных терминов: реалии, культуронимы и лакуны культурного пространства. Термин «реалия» впервые появился в работах А. В. Федорова в 40-х годах XX века. А. В. Федоров начал использовать его для обозначения национально-специфичного объекта или явления, а для наименования соответствующих лексических единиц ввел термин «слово-реалия» [2]. И. С. Алексеева развивает теорию А. В. Федорова и предлагает классификацию слов-реалий. По И. С. Алексеевой, слова-реалии или экзотизмы по тематическому принципу можно разделить на 3 группы: географические реалии, этнографические реалии, общественно-политические реалии [1].

Существует более широкий термин, предложенный В. В. Кабакчи: культуронимы — общее понятие для языковых единиц (различных языков), закрепленных за элементами различных культур [4]. Согласно В. В. Кабакчи, выделяется несколько групп культурной ориентации слов: 1) лексика, нейтральная в своей культурной ориентации; 2) полинонимы (представлены практически во всех культурах), 3) идионимы (элементы внутренней культуры), 4) ксенонимы (элементы внешних культур). В. В. Кабакчи отмечает, что термины «идионимы» и «ксенонимы» схожи с понятием «языковые реалии», которое используется в переводоведении.

Однако термины «реалия» или «культуроним» не охватывают всех культурно-маркированных единиц. И. Панасюк предлагает еще более широкий термин, лакуны культурного пространства — это такие культурные лакуны, которые отражают то окружение, в котором существуют носители какой-либо культуры [7]. Лакуны культурного пространства могут включать в себя также запас знаний и культурный фонд, которым владеет типичный представитель народа. Таким образом, к лакунам культурного пространства, кроме реалий, можно отнести также прецедентные тексты (интертекстуальность), так как они являются неотъемлемой частью культурного фонда. Под интертекстуальностью по определению И. В. Арнольд понимается «включение в текст либо целых других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде маркированных или немаркированных, преобразованных или неизмененных цитат, аллюзий, реминисценций» [3].

Все перечисленные лакуны культурного пространства, как мы уже отметили, представляют особую переводческую трудность при работе над «Размышлениями о псалмах». В переводе этой книги на русский язык (1994) Натальи Леонидовны Трауберг основной стратегией перевода является адаптация. По В. Н. Комиссарову, переводчику необходимо заботиться о достижении желаемого воздействия на реципиента в зависимости от цели перевода, либо воспроизводя прагматический потенциал оригинала, либо видоизменяя его. Для этого переводчик может обратиться к прагматической адаптации [6]. Комиссаров упоминает три основных приема прагматической адаптации: добавление, замену, а также опущение. Последний прием становится ведущим в переводе Н. Л. Трауберг.

Рассмотрим на конкретных примерах различные приемы адаптации. Прием замены на функциональный аналог в переводе «Размышлений о псалмах» можно проследить в следующих случаях:

<p>I have been told of a very small and very devout boy who was heard murmuring to himself on Easter morning a poem of his own composition which began 'Chocolate eggs and Jesus risen'. This seems to me, for his age, both admirable poetry and admirable piety.</p> <p>(C. S. Lewis, p. 42)</p>	<p>Один очень маленький мальчик сочинил песню, которая начиналась так: «Яйца покрасили, Христос воскрес». На мой взгляд, он проявил и благочестие, и поэтическое чутье.</p> <p>(Перевод Н. Л. Трауберг)</p>
---	--

В этом фрагменте мы видим пример замены бытовой этнографической реалии на аналог. Шоколадные яйца — традиционное пасхальное блюдо в Англии. Традиция шоколадных яиц зародилась в XIX веке во Франции и Германии и вскоре распространилась на всю Европу и США. Однако в русской православной культуре такая традиция не прижилась. Поэтому переводчик очень удачно заменяет эту реалию на аналог — пасхальные яйца.

<p>When even a king covets a piece of his neighbour's property, the piece is a vineyard; he is more like a wicked squire than a wicked king.</p> <p>(C. S. Lewis, p. 65)</p>	<p>Даже царь, отнимающий виноградник у своего подданного, больше похож на злого помещика, чем на царя.</p> <p>(Перевод Н. Л. Трауберг)</p>
---	---

На этом примере мы видим, что даже вполне знакомые носителю русской культуры общественно-политические британские реалии, такие как король и сквайр (почетный титул для лиц не рыцарского происхождения, имевших право на герб в Англии; нынче титул, с которым обращаются ко всем интеллигентным лицам), заменены на более привычные аналоги. Это снова говорит о стремлении переводчика сделать текст максимально понятным для русского читателя.

Однако в большинстве случаев Н. Л. Трауберг прибегает к такому приему адаптации как опущение. Например:

By implication we are denying our Master; behaving as if we 'knew not the Man'. On the other hand is one to show that, <u>like Queen Victoria, one is 'not amused'</u> ? (C. S. Lewis, p. 61–62)	Мы предаем Христа, когда все это терпим, словно «не знаем этого Человека». Но что же тогда? (Перевод Н. Л. Трауберг)
---	---

Данный пример сочетает в себе и общественно-политическую реалию (имя королевы Виктории), и прецедентный текст (ее известную цитату). *We Are Not Amused* — одна из самых известных цитат в британской истории, якобы, сказанная королевой Викторией. Одна из версий появления цитаты гласит, что на одном из обедов присутствовал конящий королевы. В какой-то момент он рассказал своему соседу историю, а тот громко засмеялся. Виктория попросила повторить историю для всех. История была пикантная, но он повторил. Выслушав историю, Виктория, якобы, произнесла эту известную фразу. Оба элемента — и имя британской королевы, и цитата — опущены в переводе.

Finally, this is transferred in the Apocalypse from the old Israel to the new, and the Bride becomes the Church, <u>'the whole blessed company of faithful people'</u> . It is this which has, like the unworthy bride in Ezekiel, been rescued, washed, clothed, and married by God — <u>a marriage like King Cophetua's</u> . (C. S. Lewis, p. 112)	[...] в Откровении же Ветхий Израиль передает это Новому, и Невестой становится Церковь. Недостойную невесту отмывают, переодевают, обручают с Богом — <u>просто свадьба короля Кофетуа!</u> (Перевод Н. Л. Трауберг)
--	--

В этом фрагменте К. С. Льюис использует культуроним, упоминание короля Кофетуа, чтобы объяснить метафору обручения Израиля, а потом и Церкви, с Богом. Писатель вспоминает популярный сюжет английских баллад XVI века об африканском короле Кофетуа, который совершенно не интересовался женщинами, пока однажды не встретил одну нищую и неказисто одетую, но при этом очень красивую девушку. Девушка оказалась не только красива, но и добродетельна, и Кофетуа сделал ее своей королевой. Прием перевода — эквивалент, так как этот сюжет известен и в русской культуре.

Но кроме реалий и культуронимов в произведении присутствует множество интертекстуальных элементов: цитат из молитв, церковных гимнов, поэтических произведений. В этом же фрагменте в оригинале мы видим не только культуроним, но и интертекстуальный элемент: цитирование религиозного прецедентного текста. *The whole blessed company of faithful people* — это цитата из книги общих молитв Англиканской церкви (Благодарственная молитва по Святом Причащении, *Prayer of thanksgiving after the Holy Communion*). В этом случае переводчик выбрал прием опущения, так как в русской культуре нет аналога такой молитвы, а сохранение этой интертекстемы в переводе требовало бы объемного комментария.

Interpretations which were already established in the New Testament naturally have a special claim on our attention. <u>We find in our Prayer Book that Psalm 110 is one of those appointed for Christmas Day.</u> We may at first be surprised by this. (C. S. Lewis, p. 105)	Приглядимся к некоторым толкованиям. <u>Псалом 109 принято петь под Рождество.</u> Этому и впрямь можно удивиться... (Перевод Н. Л. Трауберг)
--	--

Здесь автор приводит в пример книгу общих молитв Англиканской церкви, согласно которой псалом 109 относится к Рождественскому празднику. Молитвослов Англиканской церкви отличается по своей структуре и содержанию от православного молитвослова: в нем, в отличие от православного, есть разделы с молитвами для различных церковных праздников, в том числе и для Рождества. Переводчик оставляет только часть интертекстуального элемента, используя генерализацию: «Псалом 109 принято петь под Рождество». Однако в русской православной традиции основные песнопения Рождества Христова — Тропарь («Рождество Твое, Христе Боже наш...») и Кондак («Дева днесь Пресущественного раждает...») [8]. При этом устоявшаяся традиция чтения на Рождество псалма 109 в православии отсутствует. Мы считаем, что в переводе стоило добавить небольшой комментарий о том, что это традиция именно Англиканской церкви.

В заключение стоит отметить, что ведущим приемом передачи лакун культурного пространства в переводе Н. Л. Трауберг стало опущение. С одной стороны, это делает текст максимально понятным для русскоязычного читателя, не обла-

дающего глубокими фоновыми знаниями о британской культуре и традициях англиканской церкви. Также то помогает реализовать коммуникативную цель автора: пробудить интерес к ветхозаветной поэзии среди широкого круга людей, донести свои размышления доступным и понятным языком. Однако довольно большое количество опущений в переводе можно и рассматривать как его недостаток: сохранение в переводе реалий и интертекстем и снабжение их комментариями могли бы расширить фоновые знания реципиента. При этом, как было выяснено на примерах, переводчик во многом удачно применила такой прием, как замена на функциональный аналог.

Литература:

1. Алексеева, И. С. Введение в переводоведение [Текст] / И. С. Алексеева. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. — 349 с.
2. Алексеева, М. Л. О влиянии вида реалий на выбор переводческих приемов [Текст] / М. Л. Алексеева // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. — 2009. — № 89. — С. 184–191.
3. Арнольд, И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность [Текст] / И. В. Арнольд; науч. ред. П. Е. Бухаркин. — СПб.: Флинта, 1999. — 376 с.
4. Кабакчи, В. В. Основы англоязычной межкультурной коммуникации: Учебное пособие [Текст] / В. В. Кабакчи. — СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 1998. — 232 с.
5. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В. И. Карасик. — Волгоград: Перемена, 2002. — 477 с.
6. Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение. Курс лекций [Текст] / В. Н. Комиссаров. — Москва: ЭТС, 1999. — 192 с.
7. Панасюк, И. Теория лакун и проблема эквивалентности перевода [Текст] / И. Панасюк // Вопросы психолингвистики. — 2007. — № 6. — С. 51–72.
8. Разъяснение основных песнопений Рождества Христова [Электронный ресурс] / Православие.ru. — 2004. — URL: <https://pravoslavie.ru/1566.html> (дата обращения 28.03.2026).
9. Schakel, P. C. S. Lewis [Электронный ресурс] / P. Schakel // Britannica. — 2026. — URL: <https://www.britannica.com/biography/C-S-Lewis> (дата обращения 10.03.2026).

Ономастическое пространство романа «Обломов»: от «обломка» к «обломовщине»

Шадыева Шахида Бабамурадовна, студент магистратуры

Научный руководитель: Левина Элла Михайловна, кандидат филологических наук, доцент
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

В статье анализируется ономастическое пространство романа И. А. Гончарова «Обломов» — система имён собственных, раскрывающая авторский замысел. Рассматривается многозначная семантика фамилии Обломов, объединяющая значения «обломок», «облый» и «облом». Исследуется удвоенное имя-отчество Ильи Ильич, создающее ироническую параллель с былинным богатырём Ильёй Муромцем. На основе сопоставления фамилий второстепенных персонажей и топонимов показано, как ономастическое пространство эволюционирует от единичного «обломка» к обобщённому диагнозу — «обломовщина».

Ключевые слова: ономастика, антропоним, топоним, Обломов, обломок, облый, обломовщина, Илья Ильич.

Ономастика (от греч. *ὀνομαστική* — в русском «искусство давать имена») как наука об имени исследует имена собственные (онимы), их историю возникновения и изменения в результате долгого использования в языке, а также их связи с другими языками. Обратившись к словарю Н. В. Подольской, также можно убедиться, что ономастика рассматривается «как раздел языкознания, изучающий любые имена собственные» [3, с. 7]. В приложении к художественной литературе эта дисциплина помогает

раскрыть глубинные смыслы, заложенные автором в антропонимы и топонимы.

Роман И. А. Гончарова «Обломов» представляет собой уникальный материал для такого анализа, поскольку система имён в нём не случайна, а подчинена задаче постепенного развёртывания центральной для русской литературы XIX века темы — крушения человеческой личности в условиях патриархального уклада и нарождающейся бюрократической цивилизации. Через фамилии, имена и на-

звания локусов Гончаров выстраивает целое ономастическое пространство, которое ведёт читателя от единичного «обломка» прошлого к универсальному диагнозу — «обломовщине».

Центральным антропонимом романа (в нашем случае — фамилией главного героя **Ильи**) является **Обломов** — оним, который имеет прозрачную и многозначную семантику. Например, корень «obl-» отсылает к таким глаголам, как «обломать», «обломить», «обломиться», а также к существительным «обломок» и «облом». Это указывает на то, что героя «обломала» жизнь, то есть человек-обломок прежней, патриархальной и усадебной России. В то же время в фамилии слышится отголосок слова «облый» (то есть «круглый», «полный» или «округлый»), что соответствует и внешности героя («полнота», «мягкость»), и его характеру — замкнутому, ленивому, но самодостаточному, однако лишённому острых углов.

Следует подчеркнуть: эта двойственность — дробление на «обломки» и одновременно сохранение округлой, завершённой формы — создаёт внутренний конфликт, который не разрешается на протяжении всего повествования. Совокупность этих черт хорошо продемонстрирована в следующих отрывках из романа: *«Иногда взгляд его помрачался выражением будто усталости или скуки, но ни усталость, ни скука не могли ни на минуту согнать с лица мягкость, которая была господствующим и основным выражением...»* [1, с. 3]. Здесь Гончаров фиксирует именно ту самую «округлость» души, которая сопротивляется любым травмирующим воздействиям извне.

Однако смысл фамилии не исчерпывается только этими значениями. Помимо этого, **Обломов** ассоциируется со словом «облом» («уступ», «обрыв»). Эта значимое уточнение, поскольку персонаж останавливается перед любой возникшей переменной в своей жизни, как перед пропастью в никуда. Он анализирует свои действия, но его лень, апатия и боязнь перемен не дают «прыгнуть в пропасть» (в смысле в неизвестное будущее). Исследователи давно заметили, что страх перед «обрывом» становится для **Обломова** онтологической границей: как только жизнь предлагает ему решительный шаг (переезд, признание в любви, женитьбу, управление имением), он инстинктивно отступает, предпочитая знакомую, хотя и разрушительную неподвижность. Образ «уступа» превращается в ключевую пространственную метафору романа: вся жизнь **Обломова** есть медленное движение к краю, которое так и не завершается падением, застывая в вечном предстоянии.

Следом можно рассмотреть имя и отчество **Обломова** — **Илья Ильич** — имеющие удвоенный корень, который подчёркивает неизменность его сущности: сын **Ильи**, внук **Ильи**, повторяющий судьбу предков. Отсылка к **Илье Муромцу** создаёт иронический контраст: былинный богатырь тридцать три года просидел на печи, а затем совершил подвиги; **Обломов** же так и не поднимается с дивана. Хотя эпическая сила в нём заложена, но она остаётся нереализованной, поскольку Гончаров исполь-

зует ономастическую параллель, чтобы показать трагедию невостремованного потенциала. Сам герой, кажется, иногда ощущает это несоответствие между внутренней силой и внешней неподвижностью:

«После чаю он уже приподнялся с своего ложа и чуть было не встал, поглядывая на туфли, он даже начал спускать к ним одну ногу с постели, но тотчас же опять подобрал ее. Пробыло половина десятого, Илья Ильич встретился».

— *«Что ж это я в самом деле? — сказал он вслух с досадой. — Надо совесть знать: пора за дело! Дай только волю себе, так и...»* [1, с. 8]

Этот жест — спустить ногу и тут же её подобрать — становится своего рода ономастическим жестом: «обломок» пытается обрести цельность, делает шаг к действию, но немедленно возвращается в исходное, «округлое», безопасное положение.

Переходя от антропонимов к топонимическому уровню, необходимо отметить, что имя **Обломовка** производно от той же основы, что и фамилия героя. Деревня оказывается не просто родиной **Ильи Ильича**, но материализованным слепком его души: замкнутое, круглое (от «облый») пространство, откуда ушли все «обломки» прежней жизни, но которое само превратилось в один большой отколовшийся фрагмент большой истории. Гончаров строит **Обломовку** как идеальный мир без резких переходов: там нет обрывов (опасных «обломов» в значении уступов), нет внезапных перемен, нет необходимости совершать поступки. Именно это топонимическое значение — «**Обломовка** как круглый, завершённый в себе мирок» — становится визуальным воплощением того, что позже получит название «обломовщина».

Антитезой **Обломовке** выступает **Петербург** с его реальными топонимами. Хотя Гончаров не перегружает повествование названиями улиц, такие ориентации, как **Гороховая**, **Выборгская сторона**, присутствуют неслучайно. **Гороховая улица** — центральная артерия столицы — символизирует официальную, бюрократическую, но внутренне пустую суету. Переезд **Обломова** на Выборгскую сторону, в дом **Пшеницыной**, знаменует окончательное нисхождение героя: от центра (пусть иллюзорной, но активности) к окраине, где жизнь течёт по законам почти обломовского, но лишённого поэзии быта. Этот пространственный маршрут в ономастическом коде читается как путь от имени к безымянности: **Обломов** постепенно теряет даже ту символическую значимость, которую давала его фамилия в начале романа.

Фамилии других героев также выстроены в единую оппозиционную систему. **Штольц** (от немецкого *Stolz* — гордость) — имя, обозначающее собранность, целостность, «сколоченность» в противовес «обломанности» **Обломова**. **Андрей** — «мужественный» — здесь вступает в диалог с **Ильёй** (Илья Муромец, не вставший с печи). Однако Гончаров не идеализирует **Штольца**: его «гордость» оборачивается душевной недостаточностью, неспособностью понять природу русского «обломка».

Фамилия **Пшеницына** отсылает к хлебу, телесному, бытовому началу, тогда как **Ильинская** (от имени **Илья** — как и у **Обломова**, но в женской форме) — к высоте, духовному устремлению. Контраст очевиден: **Ольга** пытается поднять **Илью** к небу (к **Илье-пророку**), а **Агафья Матвеевна** — мягко опустить на землю, в тепло и сытость. Обе эти линии, однако, не приводят героя к спасению, что подчёркивает трагическую неразрешимость его ономастической судьбы.

В финале романа фамилия **Обломов** перестаёт быть индивидуальным признаком и превращается в нарицательное понятие — «обломовщина». Сам переход от единичного «обломка» (конкретного человека с конкретной

историей) к обобщённому диагнозу целого общественного уклада закреплён именно в ономастическом пространстве. Гончаров как будто доказывает: любое имя собственное в его системе содержит потенциал стать именем нарицательным — и в этом заключается высшая функция ономастики в реалистическом романе. Не случайно автор устами **Штольца** и **Ольги** постоянно возвращается к слову «обломовщина», которое уже не требует разъяснений. Таким образом, ономастическое пространство **Обломова** оказывается не статичным набором ярлыков, а динамической структурой, где от исходного значения «обломок» через столкновение с другими онимами рождается новый смысл — имя болезни целого поколения.

Литература:

1. Гончаров И. А. Обломов. — М.: АСТ, 2024. — 640 с.
2. Ивашева Ю. Г., Устюжанина Д. И. «Говорящие» имена в романе И. А. Гончарова «Обрыв» // Язык. Текст. Культура. — 2024. — № 2. — С. 10–16.
3. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. — М., 1998. — 194 с.

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 19 (622) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 20.05.2026. Дата выхода в свет: 27.05.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.